

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 65-й

#1597

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА-МАТЬ

Щ ЗОВЕТ!

НТС

80 ЛЕТ

СЛУЖИ
НАРОДУ
А НЕ
ВЛАСТИ!

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокушко, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, И.Б. Чубайс, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон: (495) 797-81-24

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.09.2010

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 10 (1597) октябрь 2010 г. (спецвыпуск)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НТС

Союзникам, друзьям, читателям! 2

1930–1939. ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Аркадий Столыпин. Будущий НТС 3

Роман Редлих. На службе России 6

Виген Нерсесиан. Переговоры с руководством немецкой армии в 1938 году 10

1939–1945. ВОЙНА

Александр Казанцев. «Осты» 12

Владимир Быкадоров.

Гестапо против НТС: такое не забывается! 14

1945–1956. К ПЕРВОМУ

АНТИСТАЛИНСКОМУ СЪЕЗДУ КПСС

Глеб Рар. НТС после войны 16

Из истории радиостанции «Свободная Россия»... 19

Его не любили КГБ и ЦРУ 21

Власть и правящий слой 26

1956–1991. ПЕРИОД

«СТУПЕНЧАТОГО СНОСА ДИКТАТУРЫ»

Абдурахман Авторханов. Развитие стратегической мысли российских солидаристов 28

Освальд фон Нель-Брейнинг. Солидаризм — идея для посттоталитарной России 34

Евгений Романов. Возвращение 39

Валерий Сендеров. Песня про майора Белова 42

Михаил Славинский.

Борьба за доброе имя России 46

Александр Штамм. Советский быт 47

Александр Югов. «Упорядочение» цен при развитии социализме 50

И. Глазенап. Мы — отсталая страна 52

В. Рошин. Советский туризм: стало ли легче? 56

А. Королёв. Гласность и компьютеры 57

Путь к будущей России 58

1991–2010. РОССИЯ

И ПОСЛЕСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Бороться за законную власть! 60

Крушение режима, но не распад страны! 61

Положить конец безвластию и смуте 62

Проводить в жизнь 63

Борис Пушкарёв. Из России в Россию: долгий путь 63

Вячеслав Долинин. Архив НТС во Франкфурте-на-Майне 68

Григорий Амнуэль. Как я снимал фильм «Редлих — люди с той стороны» 69

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Модернизация сознания 70

Союзникам, друзьям, читателям!

Номер журнала, который Вы держите в руках, сделан юбилейным и посвящён 80-летию российской общественно-политической организации — Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) и 65-летию, основанного ею издательства и журнала «Посев».

Такие даты обычно становятся поводом для осмысления прожитого и подведения итогов. Но итоги нам подводить рано, а прожитое, неразрывно связанное с судьбой страны в XX и начале XXI века, осмысливается нами постоянно, как на страницах журнала и книг, издательства «Посев», так и в текущей общественной, просветительской и профессиональной деятельности активных членов Союза и его друзей.

Феномен НТС, созданного русской эмиграцией и нашедшего для себя поле деятельности в постсоветской России, объяснить можно только следующим: **принцип служения России**, на котором строится организация, не сиюминутный политический лозунг, не дань патриотической моде, а самая суть Союза. Отсюда и такие определения сущности Союза, как **орден, братство, академия**. Все указанные ипостаси в той или иной мере всегда крепили Союз во имя общей цели — строительства новой России.

Сказанное не означает, что в организации не случались внутренние конфликты и даже расколы, всё это было, как и в других общественных образованиях, но все негативные процессы, имевшие место за 80 лет, не привели ни к распаду, ни к радикальному изменению внутренней сущности НТС.

В разные периоды истории менялись тактические приоритеты в деятельности Союза сообразно меняющимся обстоятельствам: от тактики революционной борьбы переходили к тактике поддержки эволюционных изменений политического режима СССР, не отставая при этом основной цели, усиливали и направляли борьбу идейную, организовывали активную культурно-просветительскую деятельность.

Но как ни скудны были материальные возможности организации в разные годы, какие, порой, трагические обстоятельства ни складывались вокруг неё, её участники — **союзники**, во всех критических событиях, происходивших в подсоветской России, были со своим народом. Не случайно именно члены НТС в 1988 году на территории СССР во время митинга в Санкт-Петербурге (тогдашнем Ленинграде) впервые открыто подняли российский триколор.

Читатель, более или менее ознакомленный с нашей историей, вправе задать вопрос: большую часть своего существования НТС боролся с коммунистическим режимом (замечу, что не только в СССР), но каков его смысл сегодня, какие перспективы завтра, с учётом того, что многие позиции, взгляды и прогнозы НТС распространены настолько широ-

ко, что почти не оспариваются, а политической силой, способной войти во власть и обустроить Россию по-своему, НТС явно не является.

Отвечу так:

1. Для того, чтобы наши взгляды и позиции стали распространены и частично вошли в современную Конституцию России, понадобились десятилетия упорного и самоотверженного труда и жертв, включая более сотни погибших союзников.

2. Нынешняя постсоветская Россия — далеко не та новая Россия, преодолевшая советчину и берущая всё лучшее из России несветской и антисветской, к которой мы стремимся.

А значит, работа для нас есть. Сообразно обстоятельствам и возможностям, приоритетом для Союза на сегодня стала общественно-просветительская деятельность, выраженная в издающейся нами литературе и, конечно, в журнале «Посев». Искоренение советского сознания, возрождение духовных ценностей и строительство на их основе здорового общества и ответственного государства (гражданские институты, правовая, политическая, социальная системы, экономика и т.д.). Как всегда в нашей истории, это не ограничивает нас в других формах мысли и действий, которые, при необходимости, могут снова выйти на первый план.

На нынешнем этапе развития мы констатируем принципы, объединяющие членов Союза и большое «поле друзей» вокруг них:

1. Историзм — преемственность от лучших традиций исторической России, антикоммунистического сопротивления, изживание «положительного советского наследия».

2. Духовность, понимаемая как нравственное поведение каждого человека в рамках социальных групп и образований в любых ситуациях.

3. Солидаризм — как подход к решению общественных, государственных и межгосударственных проблем — искать то, что объединяет на основе общих духовных ценностей, на этом строить новое и двигаться дальше.

4. Общая судьба в служении России — мы вместе прошли большой путь, мы связаны на этом пути жертвами предыдущих поколений и мы обязаны идти к нашей исторической цели в меру сил и понимания каждого.

Эти принципы позволяют нам сегодня быть полезными российскому обществу и выражаются не только в просвещении путём издания, распространения, популяризации нашей литературы (пример, о Белом движении, о котором мы впервые в постсоветской России легально стали публиковать правду; советские мифы, связанные с историей Второй мировой войны и социально-экономическими «успехами» советского периода). Наша деятельность сегодня многогранна и зависит прежде всего от инициативы членов Союза

и наших друзей. Выставки, конференции, участие в решении местных социальных проблем, Клуб Александра Галича в Новосибирске, дискуссионный экологический пресс-клуб «Последняя среда» в Санкт-Петербурге, активное участие зарубежных членов Союза в деятельности приходов РПЦ за рубежом и в объединении русских соотечественников, содействие организациям христианско-демократической направленности, формирование альтернатив существующим политическим и социально-экономическим позициям и решениям — всё это неполный перечень форм и способов нашей работы.

Спецвыпуск «Посева», который Вы держите в руках, призван показать некоторые яркие страницы нашей истории, основные этапы формирования мировоззрения, нашу деятельность на нынешнем этапе и, главное, — тех людей, российских солидаристов (из-за ограниченного объёма лишь некоторых из многих), которые посвятили российскому делу свою жизнь и сами жили с союзным девизом: «Да возвеличится Россия. Да стинут наши имена».

*Председатель
Народно-Трудового Союза
российских солидаристов
с 2008 г. Александр Шведов*

1930-1939. ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Аркадий Столыпин

Будущий НТС

ИЗ КНИГИ «НА СЛУЖБЕ РОССИИ»

Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986

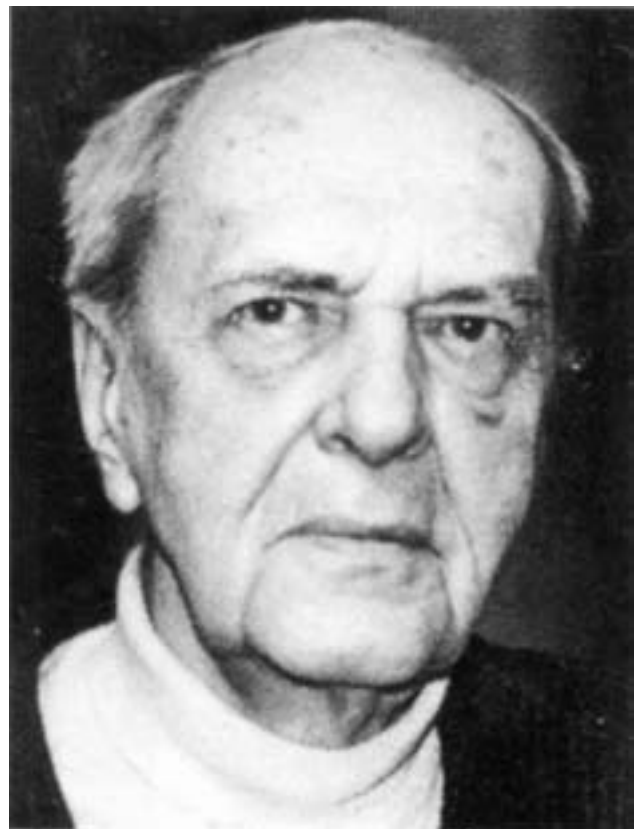
Он рождается органически, вместе с новым чувством времени. Как раз в переломный 1930 год. И не случайно. Это прямой, закономерный ответ на торжество в нашей стране сталинщины.

Сначала зародились два независимых друг от друга очага: в Белграде и в Праге. В январе 1930 года в Праге рождается «Объединение русской национальной молодёжи». Это уже что-то серьёзное. Пражский центр издаёт документ, не потерявший и ныне своей актуальности: 6 пунктов идеологических положений.

Вслед за Прагой — Белград. В югославской столице собираются в июле 1930 года представители молодёжных организаций нескольких европейских стран. Первый съезд того, что в будущем станет известным повсюду под названием НТС. Принято решение о создании единого Национального Союза Русской Молодежи (НСРМ). Выработан временный Устав. Избраны центральные органы: Совет НСРМ, его Исполнительное бюро. Выработаны Идеологические положения, в которых сделана попытка определения новых путей развития национального российского государства.

Позволительно сказать, что сочетание Пражского и Белградского документов — по существу, основной костяк будущей Программы НТС. Органическое зарождение идеологии. В этом сила движения, это одна из причин, почему оно существует и увлекает людей ещё и в наше время.

Белградская и Пражская организации вскоре сольются. Это происходит на втором съезде, в Белграде, в декабре 1931 года. Результаты большие: программа внутренней работы и национально-политической подготовки (НПП), установление главных

стратегических задач и тактики. Решено бросить все силы на достижение основной цели: свержение коммунистической диктатуры. Съезд вводит возрастную ценз: прием в организацию только людей, родившихся после 1895 года. Это по существу означает, что в организации не место старшему поколе-

нию, прямо или косвенно виновному в происшедшей в России катастрофе.

В связи с этим возрастным ограничением второй Съезд принимает новое наименование — Национальный Союз Нового Поколения (НСНП). В марте 1932 года в Софии выходит первый номер газеты «За Россию». НСНП начинает расти: развиваются группы в Европе, в США, на Дальнем Востоке.

Всё, что разъединяет, пока отложено; так, например, оставляется вопрос о будущей форме правления (монархия или республика), выбран путь непредрешенчества.

Организация прислушивается к тому, что творится в мире. Изучает фашистские режимы, устанавливающиеся в Европе... В зловещем пророчестве гитлеровский «Майн Кампф» сулит гибель России. Немецкий нацизм представляется поэтому недругом уже на первых порах. Но новые веяния в Европе вызывают интерес: это — привлечение трудящихся к решению производственных проблем и к вопросам о распределении прибыли; это — трудовые группы, в которых соучаствуют предприниматели и служащие... Всё это требует внимательного изучения. Тем более, что классический капитализм, а также классический парламентаризм везде (кроме, пожалуй, Англии) уже даёт трещины: рушится в Германии под напором нацистов и коммунистов, тогда как Францию расслабляет приход к власти «народного фронта»... Мировой экономической кризис приводит капиталистический мир на грань катастрофы.

Идеологические поиски обращены, однако, главным образом, к родной почве: славянофилы прошлого столетия, блестящая плеяда мыслителей начала нашего века: Франк, Лосский, Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин... Солидаристической доктрины, как таковой, еще нет. Но крепнет солидарность, проявляющаяся в общем деле. Так один из членов организации, дабы помочь финансированию Второго съезда, продает свои талоны обедов в студенческой столовой на полтора месяца вперёд. Эгоистическому «я» противопоставляется солидаристическое «мы». Жертвенность... В организации начинает бытовать лозунг: «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена». Многие и погибнут...

Однако самой жизнью некоторые имена выдвигаются: председатель Союза В.М. Байдалаков, генеральный секретарь М.А. Георгиевский, союзные руководители в Белграде, Праге, Париже, — такие, как К.Д. Вергун, Д.В. Брунст, В.Д. Поремский... Это авторитеты нового времени. А авторитеты прошлого? Ведь Россию надо было строить. Союзу близки люди, которых Солженицын воплотит гораздо позднее в образе Воротынцева. Люди, боров-

Из Архива НТС. Франкфурт-на Майне

шиеся за расцвет России, а не за ее увядание: царь Александр II, потом Столыпин, уже в пору крушения — Врангель...

Членов организации сочувствующие называют новопоколеницами; недоброжелатели, иронически, — нацмальчиками. Ни то, ни другое название не привьётся. Лозунг Второго съезда — «снять короткие штанишки!» Да, пора! «Нацмальчиков» поджидают враги, ненадёжные попутчики, неискренние друзья. Первые экзамены им надлежит выдерживать на арене Зарубежья.

На первом съезде Союза, в июле 1930 года, были приняты Идеологические положения:

«Понимая Россию не только как определённое территориальное государственное целое, но и как совокупность национально-самобытных идей, культурных и бытовых ценностей; государство как сложный живой организм, в котором гармонически связаны интересы частные и интересы общие, — мы считаем, что государственное устройство России должно быть построено на началах российского национализма, твердой законности, частной собственности и свободы личного творчества, освящённых религиозно-моральным миропониманием и общегосударственными интересами.

Возрождение Великой России должно протекать в твердом согласовании с преемственностью исторического развития России, с ясным учётом как достоинств и заслуг, так и ошибок и недостатков прошлого, равно как и фактов настоящего, однако, без преклонения перед последним.

Исходя из изложенного, мы считаем необходимым:

1) Установление твёрдой центральной власти, стоящей над партиями и классами, черпающей свою силу в идее служения и проникнутой сознанием своей ответственности перед Родиной.

2) Установление личных свобод, равенства всех перед законом и отсутствие классовых и сословных привилегий, как основных условий личного и общественного прогресса и создания духовных и материальных ценностей.

3) Проведение во внешней политике здорового национального эгоизма; в отношении славянства — продолжение традиционной политики России, направленной к возможно более тесному культурно-политическому единству славян.

4) Предоставление народностям, входящим в состав России, возможности широкой национально-культурной самостоятельности.

5) Разрешение земельного вопроса путём создания крепкого мелкого землевладельца-собственника, как основного общественно-хозяйственного фактора, с соблюдением общегосударственных интересов.

(Примечание — для этой цели: закрепление за крестьянами обрабатываемой ими земли и наделение земель малоимущих и безземельных).

6) Установление свободы экономических отношений, могущей быть ограниченной лишь в интересах государства; в частности, в области взаимоотношений труда и капитала — ведение государством активной политики, направленной к регламентации этих отношений и к охране экономически слабых слоев населения».

НТС в разные периоды развития:

Национальный Союз русской молодежи — НСРМ: 1930–1931 (начало объединения русских молодежных кружков из разных стран в эмиграции);

Национальный Союз нового поколения (НСНП): 1931–1936 (численный и идейный рост Союза, введение возрастного ценза — приём в Союз только родившихся после 1895 года, выдвижение идеи Национальной Революции, первые нелегальные проникновения на территорию СССР с целью изучения обстановки, первые жертвы членов Союза от рук НКВД);

Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП): 1936–1942 (установление эмблемы Союза — «трезуб», знак начала российско-государства, родовый знак великого князя Вла-

димира Святого, активное проникновение членов Союза на территорию СССР, в том числе и на оккупированные территории с целью распространения своих идей и создания групп сторонников, запрещение Союза в нацистской Германии, переход к подпольной, конспиративной деятельности);

Национально-Трудовой Союз (НТС): 1942–1957 (утверждение в 1942 году программы «Схема народно-трудового строя», основные принципы которой легли в основу Пражского Манифеста КОНР 1944 года, объявленного создателем РОА генералом А. А. Власовым, и в последующем — в основу Конституции России 1993 года, принятие в 1946 году и обновление в 1950 году Программы НТС, принятие в 1949 году «молекулярной теории», разработанной В. Д. Поремским, определившей тактику деятельности НТС на территории СССР по созданию не связанных между собой отдельных членов НТС и групп, имеющих связь непосредственно с центром НТС, общественная деятельность по недопущению репатриации в СССР советских военнопленных-антикоммунистов, появление журнала «Посев» в 1945 году, принятие резолюции Совета НТС в 1957 году «О современном этапе революционной борьбы и его конечной цели», в которой впервые утверждалось, что крушение коммунизма на территории исторической России будет связано как с движением сопротивления в народных слоях, так и с расслоением внутри правящей номенклатуры, начало нового этапа в истории Союза — активной идейно-просветительской борьбы с коммунистическим режимом).

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС): 1958 — настоящее время (деятельность издательства «Посев» — организация «Тамиздата», публикации в журналах «Посев» и «Грани» непечатаемых в СССР, ныне всемирно известных авторов, заброска на территорию СССР литературы, листовок, издаваемых «Посевом», формирование подполья НТС в СССР, поддержка диссидентского движения в СССР, впервые поднятие российского триколора на митинге в Санкт-Петербурге в 1987 году, участие в революционных национальных событиях: свержение власти КПСС в 1991 году, ликвидация советской прокоммунистической власти в 1993 году; перенос легальной деятельности Союза в Россию с 1992 года, выдвижение политических и социально-экономических альтернатив отдельным, проводимым при Б. Н. Ельцине реформам, наряду с поддержкой очевидно необходимых преобразований, участие в самоорганизации нарождающегося гражданского общества России, становление и развитие Союзной просветительской деятельности посредством выпуска издательством «Посев» многих серий книг и брошюр о Белом Движении, сопротивлении россиян коммунистическому режиму, о христианской этике и идеях солидаризма и многое другое).

Роман Редлих

На службе России

«Посев», 1988, № 8

Роман Николаевич Редлих [1911 (Москва) — 2005 (Франкфурт-на-Майне)]. В 1933 г. живший в Эстонии дед Р. Н. Редлиха выкупил оставшуюся в СССР часть семьи за 5 тыс. рублей золотом (на полученных загранпаспортах стояла подпись Ягоды). Поселившись в Берлине, Р. Н. Редлих слушал лекции Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, С. Л. Франка. С 1940 г. — в НТС. В 1942–1943 гг. занимался пропагандистской работой в лагерях советских военнопленных, в 1943–1944 гг. создавал ячейки НТС на оккупированных территориях, с 1940-го разыскивался гестапо за «антинемецкую деятельность», скрывался в РОА под псевдонимом «капитан Воробьев». В 1943–2001 гг. бессменный член Совета НТС, в 1947–1955 гг. возглавлял группу Института по изучению СССР, результатом работы которой стали «Очерки большевизмоведения» (1956), составил концепцию вещания на СССР для «Радио Свобода». В 1955–1958 гг. организовал и вел радиопередачи НТС на СССР с Дальнего Востока (Тайбей, Манила, Сеул). Автор книг «Сталинщина как духовный феномен» (1971), «Советское общество» (1972), «Солидарность и свобода» (1984).

Аркадий Петрович Столыпин — один из старейших членов НТС, сын убитого террористом Богровым в 1911 году премьер-министра Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, вступил в НТС (тогда Национальный Союз Нового Поколения) в эмиграции во Франции в 1935 году. С тех пор жизнь тогда тридцатидвухлетнего молодого эмигранта прошла на службе России в рядах Союза.

*

«Книга “На службе России”, — пишет о ней издательство, — мемуарные очерки о жизни эмиграции, о России, об интересных людях, общественных и политических деятелях». Это верно, но этим слишком мало сказано. Книга Столыпина больше, чем «Мемуарные очерки». В ней собрано множество фактов; к ней даны документальные приложения. Это, по сути дела, краткая история НТС, как её видит автор. Он пишет в ней не о себе, а об организации, от возникновения, ещё в 1920-х годах, первых самостоятельных объединений эмигрантской молодёжи до теперешнего Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Рассказ идёт не о личном жизненном пути Аркадия Петровича Столыпина, белого эмигранта, сохранившего верность России, а о том деле, которому он «со товарищи» посвятил свою жизнь.

*

Изложение делится на четыре части:

Часть первая — «Довоенные годы (1920–1940)» — на шестидесяти небольших страницах описывает русскую эмиграцию в послевоенной Европе, её настроения, её чаяния, её надежды и разочарования, ту социально-историческую среду, в которой росло и воспитывалось новое поколение российских изгнанников, ровесников ленинского комсомола двадцатых годов. Политические и боевые организации старой эмиграции и отношение

к ним этого нового поколения: Савинковская организация, Крестьянская Россия, Братство Русской правды, Русский Обще-Воинский Союз, Российский Имперский Союз-Орден, Российский фашистский союз, евразийцы, младороссы, кружки молодёжи, из которых образуется постепенно НСНП (Национальный Союз Нового Поколения), будущий НТС...

Глава 3 первой части книги Столыпина названа «Переход в наступление». К 1935 году (году вступления в НСНП А. П. Столыпина) «будущий НТС приобретает уже свои три специфические облика. Это “Орден”, поскольку члены его спаяны чувством братства и общим кодексом чести. Это “Академия”, поскольку в нём выращиваются разносторонние мысли. Это, наконец, “Организация” — революционная организация нового типа».

Революционность её не только теория. Члены Союза, рискуя жизнью, идут в Россию, на родину. В Польше организуется школа для подготовки и переброски кадров через свирепо охраняемую советскую границу. На страницах 40–43 читатель найдёт описание этой переброски, найдёт и имена участников тогдашней оперативной работы...

Зарубежные кадры разрабатывают в это время идеологию.

«В связи с разработкой и углублением идеологии Союза, — пишет Столыпин, — его название тогда же изменяется на Национально-Трудовой Союз Нового Поколения — НТСНП. Три первые буквы — НТС — останутся; две последние (ведь и новое поколение-то, основавшее Союз, будет стареть) вскоре отпадут».

Пропаганда в иностранном мире повзрослевший, но занятый прежде всего собой и Россией НТСНП уделяет мало времени и сил. Сам Столыпин, правда, в январе 1938 года выступает в Женеве с докладом и организует в Париже французское «Общество друзей национальной России». Общество устраивает собрания, выпускает брошюры. Но Столыпин, тем не менее, пишет:

* А. Столыпин. На службе России. Очерки по истории НТС. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. 302 с.

«Пропаганда в иностранном мире... Любимое и обычно малоэффективное занятие представителей старшего поколения и лиц, недавно прибывших из СССР. Правители западных государств прекрасно осведомлены, помимо всяких эмигрантских правочувствий, о положении в СССР».

С 1938 года в этом, кажется, мало что изменилось.

*

Часть вторая — «Война (1941–1945)». Семидесяти пяти страниц, конечно, мало, чтобы описать трагические военные годы, союз Сталина с Гитлером, нападение Германии на СССР, немецкое наступление почти до Москвы, миллионы военнопленных, десятки миллионов жителей оккупированных областей под властью национал-социалистической Германии...

Столыпин пишет:

«Ещё за год до войны руководство НТС знало, что в правящих кругах «3-го Рейха» окончательно выработана и утверждена политическая концепция по отношению к России... Захват европейских русских земель, физическое уничтожение непокорных, превращение всех остальных в покорных рабов, доставляющих немецкому хозяину обильную жатву. В таких условиях какой-либо стовор с Берлином был невозможен».

Отдел НТСНП в Германии был закрыт ещё в 1938 году. Организация ушла в подполье. В подполье шла и вся работа НТС везде, где устанавливалась власть Гитлера. В подполье НТС оставался вплоть до последнего дня войны. Подпольно шла переброска членов НТС в Россию, куда, впрочем, немецкое командование вообще не хотело пускать эмигрантов.

«Формально эмигрантам путь в Россию был закрыт — рассказывает Столыпин. — Запрет, однако, нарушался явочным порядком. Некоторые члены Союза попадают в Россию по заданию руководства, в качестве переводчиков, следовательно легальным путём. Но огромное большинство идёт на родину, как и до войны, по зелёной дорожке», идёт тайными, запрещёнными властью путями, в опоре на тоже загнанных в подполье польских друзей и зачастую серьёзно рискуя.

Иначе и быть не могло, ибо основополагающая позиция НТСНП, по меньшей мере эмоционально, была определена в докладе тогдашнего председателя организации Виктора Михайловича Байдалакова ещё до начала войны, 22 февраля 1939 года:

«И ничто не подсказало многим, что беспредметен, наивен и вреден этот спор: куда и с кем идти? Что, наконец, у русской совести может быть на это только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом» (см. третье приложение на стр. 50).

Поставленный перед трагическим выбором между двумя злодеями, русский народ поначалу не знал, что Гитлер такой же злодей, как и Сталин. На стра-

нице 67 своей книги Столыпин приводит цитату из тайного приказа Сталина от 16 июля 1941 года за номером 0019:

«На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие... в то время как число стойких комиссаров и командиров не слишком велико».

Этих «элементов» в течение первых трёх-четырёх месяцев войны в немецких лагерях для военнопленных оказалось до трёх миллионов человек. Большинство их погибло от голода, холода и тифа.

«Своей человеконенавистнической политикой Гитлер вызволил Сталина из беды, — пишет Столыпин, — уже в октябре-ноябре 1941 года, раскусив немецкого освободителя, русские войска стали драться всё более стойко и ожесточённо».

Деятельность НТС на подвластных Гитлеру территориях Столыпин метко определяет заголовком «*НТС в Золотой Орде*», начиная этот раздел вопросом: «Как быть Союзу?». Главное политическое решение — ни Гитлера, ни Сталина, нужна наша собственная русская сила — было принято без сомнений и споров. А как его реализовать?

В подвластной Сталину части нашей страны у НТС были лишь отдельные члены организации, в силу военных событий потерявшие связи с центром и лишённые каких бы то ни было возможностей как-либо влиять на события. На подвластной Гитлеру территории, напротив, находились сотни молодых, деятельных и так или иначе связанных между собой и с руководством членов Союза, готовых отстраивать русскую силу, а главное — миллионы русских людей, из которых эта сила могла составить. Создание «*Третьей силы*», российской организации, служащей русскому делу, стало главной задачей НТС в течение всех военных лет. Внешняя обстановка, казалось, не исключала возможности решить эту задачу.

От захвата власти национал-социалистами в январе 1933 года до начала второй мировой войны 1 сентября 1939 прошло неполных семь лет. За эти годы Гитлер сумел создать первоклассную армию, но не успел запугать и подчинить своей воле возглавлявших её генералов. И в армии, и в государственном аппарате, не говоря уже об экономике и культуре, сохранилось немало немцев, глубоко озабоченных судьбой Германии. Столыпин очень удачно цитирует одного из них:

«Существовала группа людей, которая отвергала нереальные планы мании величия не только по военным, но и по моральным соображениям и боролась против них. После зимы 1941–42 года эта группа всё больше выдвигалась на первый план и пыталась различными путями добиться изменения официальной восточной политики. Полковник граф Штауффенберг, покушавшийся впоследствии на Гитлера, называл группу Обществом борьбы против опасного для жизни идиотизма» (Свен Сте-

енберг. Власов. — Мельбурн: Изд-во Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР), 1974).

Это «Общество», а ещё больше просто разумные немцы, не разделяющие безумных идей безумного фюрера, много помогли НТС в работе в двойном вражеском окружении, не препятствуя, а то и помогая его деятельности. Среди русских НТС пользуется успехом. В него вступают всё новые и новые члены, уже не дети эмиграции, а выросшая в советских условиях молодёжь, да и не только молодёжь. НТСНП перестаёт быть молодёжной организацией и переименовывается просто в НТС.

В общении с этим пополнением разрабатывается идеология и основанные на ней элементы политической программы. Её первый черновой набросок озаглавлен «Схема национально-трудового строя». Эта «Схема» не одобрена Советом НТС, который во время войны просто не собирался, но, тем не менее, тайно печатается и распространяется среди населения оккупированных немцами территорий и среди вывезенных на работу в Германию, а впоследствии и среди беженцев и частей так называемой Власовской армии. В основу идеологии НТС принимается в это время социально-политическое учение солидаризма. Никакие препятствия и трудности не могут остановить рост организации, в которой новые члены составляют чуть ли не большинство.

Что уже за первые два года войны НТС перестал быть организацией эмигрантской молодёжи, стало окончательно ясно, когда гестапо начало систематические аресты известных ей членов Союза. Отдельных членов НТС, главным образом пробравшихся на оккупированную территорию старых эмигрантов, арестовывали уже и раньше по обвинению в антифашистской агитации и в связях с партизанами. Но систематическая волна арестов началась только летом 1944 года, когда гестапо арестовало всё известное ей руководство и свыше двухсот человек наиболее активных работников.

«Эти аресты, — комментирует в скобках Столыпин, — в третью годовщину начала войны, символичны. Они логично завершали нацистскую политику: война не против сталинского режима, а против России».

В книге Столыпина читатель найдёт достаточно полный рассказ о генерале Власове, его попытке создания русской вооружённой силы и катастрофе «3-го Рейха». Признание Власова и освободительного движения пришло слишком поздно, вместо осени 1941 года оно произошло лишь осенью 1944, когда война была уже проиграна. В главе 8, озаглавленной «Так кончилась война», автор описывает положение и надежды власовских частей, множества беженцев и «остарбайтеров», ту двенадцатимиллионную массу советских граждан, которой предстояла репатриация или так называемая «вторая эмиграция».

*

Часть третья книги — «Сталиницина и её конец» начинается с описания послевоенного хаоса, в котором подручные «добротного дяди Джо» (так именовали Сталина западные союзники) начали охоту за «изменниками родины», прожившими по три года и дольше без опеки КПСС.

Большинство советских граждан, в результате военных событий оказавшихся в Европе, не знали о содержании Ялтинского соглашения о принудительной репатриации. О ней узнали, лишь когда она началась. Толпы беженцев металась по всей Европе, зачастую без документов. Их называли «перемещёнными лицами» и военные власти старались с помощью специальной организации ООН UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) разместить их по лагерям. В их числе оказались и члены НТС.

«Члены НТС бродят по опустошённой немецкой земле. Отыскивают друг друга. Разузнают: кто выжил? кто погиб? кто снова сидит? кто на свободе? как быть дальше?» — пишет Столыпин.

В 1945 году, в условиях, когда повсеместное восхваление Сталина, «отца народов» и «миротворца» ещё властвует над умами победителей, Столыпин живёт в Париже, где, по его словам, «...образуется своего рода “священный союз” лиц, широко известных в Зарубежье. Они принадлежат к различным политическим группировкам, но связаны общей непримиримостью к красному тоталитаризму... Центральное лицо этой группы — историк С. П. Мельгунов».

Группа стала выпускать ежемесячник «Свободный голос», в редакцию которого вошли народные социалисты Мельгунов и Херасков, богослов проф. Карташёв, писательница Ариадна Тыркова, члены НТС Столыпин и Савич, причём Столыпин взял на себя рубрику о насильственной репатриации.

Одновременно в организованный членом НТС Болдыревым лагерь Менхегоф в американской зоне Германии стекаются члены НТС. Благодаря энергии Болдырева, лагерь Менхегоф становится базой для многих акций по спасению людей от насильственной репатриации и временным центром НТС.

В Менхегофском лагере НТС приводит себя в порядок. Сформирована идеологическая комиссия, собирается первый послевоенный съезд Совета НТС, избираются руководящие органы, принимается выросшая из «Схемы» военного времени политическая «Программа НТС» и новый устав организации. Разгромленный было гитлеровским гестапо, НТС снова действует. В лагере Менхегоф создаётся издательство «Посев», выходят первые номера журналов «Посев» и «Грани».

*

Столыпин, как и положено мемуаристу, добросовестно и последовательно останавливается на многих деталях истории организации, которой он посвятил свою жизнь. Пропуская их, отметим только,

что, несмотря на то, что большинство сумевших избежать принудительной репатриации эмигрантов устремилось за моря и океаны, подальше от Сталина, НТС уже в 1949 году создал оперативную группу в Берлине для работы с солдатами и офицерами Советской армии, а в 1950 году начала работать — правда, лишь очень маломощная — радиостанция НТС «Свободная Россия». Несколько позже, в 1951 году, была начата большая шаровая акция: в течение нескольких ближайших лет тысячи килограммов листовок улетели на них в страну. Обстановка развернувшейся тогда между США и СССР так называемой «холодной войны» сделала это возможным.

Мы уже говорили выше: книга Столыпина не столько его мемуары, сколько попытка набросать историю НТС на фоне исторических событий, в которых ему довелось принять участие. 1953 год — смерть Сталина. Восстание в Восточной Германии, бунты в советских концлагерях, беспорядки и восстания в Польше... 1956 год — разоблачение преступлений Сталина, освобождение миллионов эков, революция в Венгрии и кровавая расправа с восставшими...

Надежды НТС этих лет — это надежды на освободительную революцию в России. Непримируемое противостояние двух сверхдержав, двух лагерей, двух блоков, двух миров — как хотите — подхлестывает гонку вооружений и всё время угрожает взрывом. Революционный переворот в России представляется спасительным выходом как для российского народа, так и для всего мира.

Руководящие политики демократических государств смотрят, однако, иначе. Они не хотят навлекать на себя гнев «Кремля». Ни одному восстанию не оказывается нужной помощи. А при попытках включиться в революционные события в Берлине НТС наткнулся даже на прямое сопротивление союзных держав и мало что успел сделать за три дня, в течение которых продолжалось восстание. О венгерской же революции Столыпин пишет:

«Волнения в Польше предвидели. Всенародный взрыв в Венгрии — нет. Упущены драгоценные часы. Но уже 25 октября (на второй день революции) Исполнительное бюро НТС обращается по телефону и телеграфу ко всем крупным отделам организации... Специальные воззвания НТС к нашему народу, к нашей армии, к венгерскому народу. Круглосуточные передачи «Свободной России» по-русски и по-венгерски. Переброска соответствующей техники для выпуска печатных материалов в непосредственной близости от событий (часть листовок удалось издать уже на венгерской территории)».

И заканчивая главу о событиях в Венгрии: «Венгерская революция была стыком двух периодов — сталинского и хрущёвского. Сталинщина кончилась. А Хрущёв своими действиями породил надежды, особенно в среде интеллигенции...»

*

Последняя, *четвертая часть книги* — «*После-сталинское время (1956–1980)*», XX съезд КПСС, «борьба с культом», реабилитация многих живых и умерших заключённых и хрущёвская оттепель положили начало так называемому «ленинскому мирному сосуществованию государств с различным общественным строем». Хрущёв ставил ультиматумы, запускал спутники, таскал ракеты на Кубу, а капиталисты мечтали о конвергенции, о создании некоего капсоциализма, гибрида из капитализма и социализма или по крайней мере социализма с человеческим лицом.

В этой обстановке начался сначала практический, а затем и теоретический пересмотр стратегической концепции НТС, итогом которого было внесение в последнюю редакцию «Программы НТС» (1974) формулировки, которую и приводит Столыпин:

- «Смена режима может быть осуществлена
 - либо путём постоянной и повсеместной организованной борьбы за осуществление нарастающих требований народа, путём постепенного разрушения партийных монополий;
 - либо путём захвата власти, с целью проведения радикальных изменений режима, группой людей, занимающих ключевые позиции в партийно-государственном аппарате или в армии;
 - либо путём открытых столкновений народа с карательными органами власти, переходящих во всеобщее восстание;
 - либо, что вероятнее всего, в результате взаимодействия этих путей».

Такая концепция естественно подсказывает ведение борьбы широким фронтом и коалицию с другими силами. Не мы одни стремимся к свободе России. Первым шагом в этом направлении был созванный в Гааге в апреле 1957 года «Конгресс за права и свободу в России», в котором приняли участие 80 делегатов из 16 стран российского рассеяния. В Гааге уже тогда было выработано 130 совершенно конкретных частичных требований, включая все гражданские права, за которые в следующем десятилетии начало борьбу правозащитное движение.

Шестидесятые и семидесятые годы — это годы становления освободительного движения в России, вернее, годы его первоначального выхода на поверхность, ибо выраженные в нём настроения и взгляды, без сомнения, существовали и раньше. Появляются рукописные журналы, развёртывается самиздат. Характеризуя эти сдвиги, Столыпин цитирует одного из главных идеологов НТС В. Д. Поремского:

«При молекулярной системе мы привыкли к тому, что выработанную за границей в штабе доктрину или положения и рекомендации мы передавали стихии в Россию... Сейчас во главе угла стоит конкретная задача организации волевого фактора у нас на родине».

И в самом деле, уже в первой половине шестидесятых годов центр тяжести борьбы НТС перемеща-

ется в Москву. Там, да и по всей стране, распространяется самиздат, в котором порой очень ясно звучат политические мотивы. Брежневский застой в экономическом развитии отнюдь не был застоєм в политике. Появляется множество инакомыслящих. Ширится борьба за экономические свободы, за гражданские права, за перестройку российской государственности...

Занимающие больше семидесяти страниц две последние главы своей книги («Начало нового времени» и «Семидесятые годы») Столыпин посвящает хронике этой борьбы. Она продолжается и сейчас, вдохновляя деятельность множества теперь уже утвердившихся в нашем обществе «неформальных», вольных объединений и дискуссионных клубов. Из этой хроники напомним только начало, когда ещё при Хрущёве, в 1963 году, оппозиционная молодёжь (будущие «отщепенцы») стали собираться и читать стихи в Москве, у памятника Маяковскому. Столыпин приводит цитату из написанной по этому поводу статьи «Кубарем с Парнаса» из «Комсомольской правды» от 14 января 1964 г.: «Этот крик они не прочь были выдать за некую собственную политическую программу...

В. Носов — в прошлом студент Института иностранных языков — презрительно сплевывал, когда при нём говорили о том, что нам свято. В. Буковский — в прошлом студент биолого-почвенного факультета МГУ — разносил сплетни из антисоветской зарубежной прессы... Неудивительно, что таких «прогрессистов» используют всякие злобствующие отщепенцы. Так возник, отнюдь не как Афродита из пены морской, некий Ю. Галансков, вызвавшийся играть роль «теоретика». Сам он стихов не читал, подбивая на это легкомысленных дуррачков, заболевших манией славы. Галансков клеветал на наш народ, старался духовно растлить неопытных...»

Опытный читатель, оглядываясь назад, невольно сравнит этот отзыв с тем, что говорится в теперешних дискуссионных клубах.

Закончим обращёнными к КПСС словами погибшего в мордовском концлагере члена НТС Юрия Галанскова в «Фениксе-1966»:

«Вы можете выиграть этот бой, но всё равно вы проиграете эту войну. Войну за демократию и Россию. Войну, которая уже началась, и в которой справедливость победит неотвратимо...»

Виген Нерсесиан

Переговоры с руководством немецкой армии в 1938 году

«Посев», 1981, № 6

Гитлеровские власти запретили НТС (в то время организация называлась НТСНП — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения) в начале 1938 года. Формально организация была распущена, но мы, в Берлине, продолжали работу, собирались, соблюдая некоторую осторожность, — под видом вечеринок, именин, на праздники и т. п.

Месяца через три после запрещения и связанных с ним допросов, вдруг в церкви во время литургии подходит ко мне немец и просит выйти для разговора. Думаю — опять гестапо... Чтобы проверить, прошу подождать до конца богослужения: гестаповец скорее всего отказался бы. Он соглашается. После службы все же спрашиваю: «Гестапо?» «О, нет, нет!» — и вытаскивает удостоверение военного министерства.

В кафе, за столиком он протягивает мне бумажку. Смотрю — листовка, которую мы за год до этого напечатали для распространения в России. Делаю вид, что ничего не знаю, разъясняю ему, что НТС давно распущен и т. д.

«Это все неважно и не в этом дело, — говорит он. — Листовку эту наша разведка доставила нам из Москвы. Она — доказательство, что у вас есть возможности действовать в России, поскольку мы знаем, что листовка напечатана в Берлине, и знаем

даже, где именно. Наше министерство может предоставить вам неограниченные финансовые и технические средства для расширения вашей работы. При одном условии: политическая информация вам, военная — нам. Согласны?»

Понимаю, что наше положение становится ещё более щекотливым, надо взвешивать каждое слово. Но, прежде всего — выиграть время. «Вы сами понимаете, что лично я на такое предложение отвечать не уполномочен. Не знаю, возьмется ли кто-либо из моих друзей в Германии дать ответ на этот вопрос.

Думаю, что такой важный вопрос может быть решен только нашим центром в Белграде».

«Сколько понадобится для этого дней?»

Думаю — два дня для письма туда, два дня на размышление, два дня на письмо с ответом, и один день про запас. Говорю: «Мы, конечно, пошлём курьера, но дней семь всё же понадобится». Договорились встретиться на том же самом месте через семь дней.

Я обо всём сообщил своим. В Белград было послано срочное письмо, а руководство берлинской группы начало спешно обсуждать создавшееся положение.

Мы знали, что в возглавлении немецкой армии было немало людей, презиравших Гитлера и не раз-

делявших идей национал-социализма. Однако незадолго до этого из типографии того же военного министерства нам удалось достать (через работавшего там рабочим засекреченного члена НТС) экземпляр закрытой пока брошюры, которая готовилась про запас на случай войны. Её тираж был полтора миллиона, название в переводе на русский язык гласило — «Поведение немецкого солдата на Востоке». В брошюре говорилось о необходимости применения массовых жестоких мер, поскольку русские — «унтерменши», еще не достигнувшие человеческого уровня. Таким образом, мы уже в 1938 году узнали о существовании термина «унтерменш»; немецкие солдаты узнали его позже — брошюра была роздана им в 1941 году, при отправке на восточный фронт. С этим документом вторая глава книги «Майн кампф» Гитлера, где сказано, что Россия должна стать удобрением для процветания немецкой расы, начала приобретать уже не безумный теоретический, а зловещий практический характер.

Срок подходил. Для нас и без совета из Белграда (откуда всё ещё не было ответа) было ясно, что следовало бы отвечать. Но как составить ответ, чтобы не поставить под удар всех наших людей? Пошли, как это неоднократно делали, советовать к большому другу НТС проф. И. А. Ильину. Вместе с ним сформулировали ответ: «До тех пор, пока не внесено изменений во вторую главу «Майн кампф», ни один русский, обладающий собственным достоинством, не сможет сотрудничать с национал-социалистической Германией».

За день до встречи с моим немцем мы, человек 15, по случаю дня рождения собрались у члена НТС Гефдинга (сына корреспондента швейцарской «Нойе цюрхер цейтунг»). В качестве «игры» мы предложили провести тайное голосование по вопросу: «что отвечать, если бы немцы предложили нам сотрудничество для работы на Россию?» Только четверо знали, что это не игра. Кое-кто, конечно, догадался, что вопрос поставлен неспроста, но виду не подал. Проголосовали. Ни одного «за», все «против».

На следующий день встречаю моего немца, передаю наш ответ про невозможность сотрудничества и про «Майн кампф». Чувствую себя не очень уютно. А он вдруг вскакивает, начинает жать мне руку и говорит: «Я вас очень хорошо понимаю! Тем не менее, нам, военным, надо с вами договориться». Я отвечал, как умел, расстались дружелюбно.

Через два дня, вместо письма с ответом, из Белграда прибыл член Исполнительного Бюро НТС проф. М. А. Георгиевский. Говорит: «Исполнительное Бюро хотело бы познакомиться с вопросом на месте, позондировать почву». Мы ему всё рассказали, показали злополучную брошюру. Он одобрил наш ответ, сказав: «Выходит, что с любимыми немецкими инстанциями нам не по пути». И добавил: «Но раз я уж попал в Берлин, то, не осмотрев Пергамского музея, домой не поеду».

Вечером после музея возвращаемся усталые на квартиру Субботина, а у него сидят два вежли-

вых офицера, которые «убедительно просят» нас явиться в Генеральный штаб. С Георгиевским поехали Субботин и я. Так, не по нашей инициативе, начались переговоры с немецким генштабом, которые продолжались около двух недель. Со стороны немцев бывало до 20 человек офицеров и экспертов, с нашей — главным образом Георгиевский и Субботин. Во время переговоров мы часто встречались и советовались у И. Ильина. Георгиевский вёл себя как полноправный представитель России, поражал немцев не только политическими, но и военными, и экономическими знаниями. Он упорно отстаивал выработанную линию: наша страна должна освободиться от коммунизма собственными силами, и в этом направлении ей можно и нужно помочь. А в случае столкновения с СССР — искать союза с народом против Сталина; другая политика, в том числе попытка поработить наш народ, приведёт к трагическим последствиям. В этом ключе был нами выработан и меморандум.

Во время переговоров мы узнали от немцев, что во время войны 1914–1918 года их потери на восточном фронте значительно превзошли их ожидания и намного превышали потери на западном фронте. Это обстоятельство и было одной из главных причин того, что немецкий Генеральный штаб начал искать возможность политического решения нового конфликта на Востоке. А что конфликт будет, в штабе не сомневались.

Меморандум был передан, Георгиевский вернулся в Белград, а нас, одних из наиболее активных членов НТС в Германии, кое-кто из немецких штабных работников по-дружески предупредил, сказав примерно следующее: если референтом по «восточным делам» будет назначен Розенберг, то мы должны забыть про переговоры и про меморандум, закрыть нашу тайную типографию (так как её местонахождение известно) и за какое-то время до объявления мобилизации покинуть Германию.

Примерно через месяц мы узнали, что референтом назначен Розенберг, а следовательно, о политическом решении вопроса, о котором мы вели переговоры, думать не приходилось. О том, какова будет позиция нацистов по отношению к России в случае войны, нам было ясно уже тогда. Гефдинги перебрались в США, Субботин — в Голландию, некоторые перешли на закрытое положение. Автор же этих строк 29 сентября 1938 г., то есть в день подписания Мюнхенского соглашения, занял место в купе скорого поезда Берлин — Париж.

После занятия Франции гитлеровскими войсками Виген Арамович Нерсесиан принял активное участие в подпольной борьбе против оккупантов, в частности, скрывал сбитых союзных летчиков и участвовал в акции по их переправке через Пиренеи в Испанию и дальше, в Северную Африку; награждён французским орденом за участие в движении Сопротивления.

*Александр Казанцев***«ОСТЫ»**

ИЗ КНИГИ «ТРЕТЬЯ СИЛА. РОССИЯ

МЕЖДУ НАЦИЗМОМ И КОММУНИЗМОМ»

Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952. Москва: Посев, 1994

Начиная с декабря 1941 года, на вокзалах и улицах больших городов в Германии всё чаще и чаще можно было наблюдать необычайное зрелище — траурные процессии привезённых на работу в Германию русских людей. Первые партии ехали добровольно. Люди старались уйти от близкого большевизма — «Бог его знает, как будет колебаться фронт», — от наступающего кое-где голода, да и поучиться у Европы уму-разуму, главным образом техническому. Об этом так красиво говорили плакаты в красках с картинками и многообещающими словами. Поток добровольцев скоро кончился, потому что ни одно обещание не исполнялось — привозили, загоняли за проволоку в лагерь и заставляли работать без просвета. Того, кто мечтал поучиться на немецком заводе у фрезерного станка, гнали копать землю, инженера-электрика — таскать грузы, а преподавателя музыки — «как не поедешь? ведь страна Моцарта, Бетховена и прославленных консерваторий!» — возить на тачке стальные болванки. Вести об этом скоро дошли, конечно, и до родных мест. Эти первые транспорты и были последними добровольными. Следующих привозили уже как военные трофеи, под стражей, свирепо разгоняющей окружающих зевак, главным образом, конечно, русских.

А посмотреть было на что. До слёз убогая, почти нищенская одежда, за спиной мешки и котомки, в руках самодельные сундучки. Женщины в платочках, мужчины в кепках и картузах. А под всем этим — родные русские глаза, иногда выцветшие от горя, иногда полные молодого задора. На полулохмотьях «спинжаков» и кофточек (и то и другое категорически неуловимого цвета) на груди оскорбительно новый лоскут материи и на нём белые буквы «ОСТ». Это — клеймо победителя на его трофеях. Не русский, не татарин или узбек, а «восток» — Азия. В витринах киосков журнал «Унтерменш». В этом журнале с бесспорной очевидностью доказывается, что вот эта самая Азия в течение веков (на первой странице изображены наездники Атиллы) только и делала, что врывалась, опустошала и грабила Европу. Всё это сопровождается картинками, забыть которые русскому человеку, их видевшему, не удастся, живи он хоть двести лет.

Тёплой волной ласки и заботы встретила эмиграция хлынувшую на немецкие улицы Россию. Собирались вещи, одежда, обувь, от скудного пайка отрывались хлебные и картофельные купоны. За-

вязывались знакомства, крепились, расширялись. Встречались сначала, по русскому обычаю, больше в церковных оградах. По воскресным дням, за жиденьким липовым чаем знакомились ближе уже по домам.

Гестапо не могло не обратить внимания на этот альянс. Отношение к русской эмиграции у немцев было запланировано в общем масштабе русского вопроса. Эмиграция, в большинстве своём интеллигенция, пожила в Европе, настроена национально, дай ей возможность общения с советскими — наговорит ещё им всяких бредней о какой-то там России, да ещё, тем более, «великой». Полиция издала строгое распоряжение — под страхом тяжёлых наказаний не разрешается эмигрантам встречаться, разговаривать и вообще общаться с советскими.

К чести эмиграции надо сказать, что этот приказ никого не испугал и никого не остановил. Его обходили осторожно и неустанно: и встречались, и говорили, под шумок даже выходили замуж и женились, а потом занимались делами, и более преступными. К концу войны не всегда уже можно было распознать, где эмигрант, а где вчерашний советский. Потом, перед крушением Германии, так, многомиллионным сплавом, и двинулись дружно на запад, конечно, не все, а только тот, кто вырывал эту возможность в последний момент. Двинулись навстречу демократии, к свободам, к «правам человека и гражданина».

Многие миллионы русских людей — число их к концу войны поднялось до 12 миллионов — были привезены на работу в Германию. Приехав сюда, они возненавидели немцев больше, потому что увидели их ближе. Возненавидели за обман, за бесчеловечную, звериную жестокость, с которой пришли они к нашему народу, встретившему их как освободителей. Но вместе с тем острее, чем раньше, они осознали необходимость борьбы и против большевизма. «Проклятая Германия» — говорили они, но говоря это, не могли не видеть, что «проклятая» она для них, для русских. Они видели, и многие испытали на себе весь ужас немецкого рабства, но не могли не видеть, как живёт немецкий народ и другие народы Европы. Разве снилась когда-нибудь нашему колхознику в годы мира такая жизнь, какую имел немецкий крестьянин во время войны и накануне поражения Германии? Разве мог мечтать наш рабочий о таких условиях жизни, в каких жил европейский рабочий даже под игмом национал-социализ-

ма на четвёртом-пятом году войны? Ложь большевизма, обнаружившись так наглядно, оттолкнула их от него навсегда. Но они не могли пристать и к другому берегу просто потому, что для них его не было.

Привезённые в Европу, они оказались в положении классически безвыходном. Для них были непримиримыми врагами и немцы, и большевики. Но что можно было делать? Бороться и против тех, и против других было не только трудно, но и невозможно — это было уделом немногих. Каждый акт саботажа, будь то на немецкой фабрике или на транспорте, символически хотя бы, помогал большевизму. Борьба против Красной Армии, во-первых, была бы не в цель, в ней были такие же русские люди, обманутые большевиками, а во-вторых, помогала бы немцам. В раздвоенном мире рассудка и чувств жили эти люди годами. Эмоционально, сердцем предвкушали радость от сознания, что скоро русские солдаты пройдут победителями по улицам проклятого Берлина, что пропитанная русскими слезами и кровью немецкая злая земля почувствует, что значит возмездие. Рассудком понимали, что победа, купленная русской кровью, русским талантом и трудом, будет использована большевизмом для ещё более жестокого закрепощения русского народа.

Радовались каждому сообщению с фронта о немецких поражениях и неудачах, но не могли не видеть, как в освобождённых Красной Армией городах и селах растут леса виселиц для ни в чём не повинных рабочих и крестьян, как снова намертво завинчивается пресс коммунистической диктатуры.

Эти люди представляли собой благодарную аудиторию для русской национально-политической пропаганды. Помимо своей воли вовлечённые в водоворот происходивших событий, вырванные чужой рукой из мира обывателя, всегда и всюду тормозящего политическую активность, они самой судьбой принуждены были искать выхода из создавшегося тупика в каких-то общих больших решениях. Среди этих людей не нужно было заниматься антинемецкой пропагандой — это делала на каждом шагу сама жизнь. Ещё меньше они нуждались в пропаганде антикоммунистической, у них за спиной было 20 лет жизни под советским гнётом. И каждый из них автоматически только за то, что он остался с этой стороны фронта, а не ушёл с Красной Армией или в партизаны, — с точки зрения советского «правосудия», уже был государственным преступником. Третья Сила была для них само собой разумеющимся и единственно возможным и приемлемым выходом. Нам оставалось только сформулировать эти мысли в отчётливые формулы лозунгов и сделать их достоянием миллионов людей. Для этой работы часть наших групп, готовых к очередным отправкам на родину, пришлось задержать в Берли-

не. Постепенно собралось там около двухсот человек.

Техника работы не всегда представляла возможным открывать лицо организации. Вовлекать в её ряды и оформлять принадлежность к ней было иногда трудно, потому что народа было очень много, и проверить и узнать каждого было просто невозможно. Тогда сами собой выработались методы работы — вовлекать людей только в сферу нашего влияния, наших идейных установок и, до поры до времени, не открывать им наличия организации.

Мне вспоминается разговор с одним из друзей, в качестве переводчика имеющего возможность общения с рабочими двух лагерей:

— Ты знаешь, в каждом лагере есть уже по несколько десятков хороших, верных наших друзей. Один из них, не мною привлечённый, недавно пытался даже распропагандировать меня.

На мой вопрос: знают ли они сами о том, что являются членами организации, он со смехом ответил: «Что ты, что ты, конечно же, нет! Они совсем искренне убеждены, что они первые и что им нужно начинать дело»...

Осторожность в работе с новыми людьми диктовалась ещё и наличием в их среде, хотя и редкой, но всё же существующей сети засланных агентов НКВД. Эти распространяли слухи о несуществующих ещё тогда победах Красной Армии, о больших реформах и переменах во внутренней советской политике, о «политическом нэпе». Обнаружив признаки национально-политической антикоммунистической работы, эти посланники НКВД, не задумываясь, доносили об этом органам немецкой полиции. Трудно сказать, сколько тысяч антибольшевиков-патриотов удалось уничтожить органам НКВД при помощи немецкого Гестапо. Разговоры о «политическом нэпе» ввели в заблуждение какую-то часть старой эмиграции и большую часть общественного мнения западных союзников. В возможность коренных перемен меньше всего поверила вот эта масса рабочих — она слишком хорошо знала большевизм, чтобы верить в сладкие сказки о его перерождении.

Несмотря на осторожность, всё-таки какое-то число из вновь прибывших мы принимали в наши ряды. Создавали из них небольшие группы-«звенья» и быстрыми темпами проходили с ними курсы политической подготовки и революционной борьбы. На частных квартирах, каждый раз на разных, по вечерам, в нерабочие дни — за городом, просто в лесу, где-нибудь недалеко от лагеря, небольшими группами в шесть-восемь человек проводили теоретические и практические занятия. Эта работа была блестяще налажена руководителем наших кадров в Берлине и его ближайших окрестностях, погибшим потом в 1944 году в концлагере Заксенхаузене, молодым врачом Николаем Сергеевым.

Владимир Быкадоров

Гестапо против НТС: такое не забывается!

«Посев», 1999, № 8

— С 1938 года Берлинская группа НТС официально распущена, а Союз работал в подполье. Какими были правила конспирации?

— Сегодня многое кажется наивным — будь правила иными, может быть, мы и не попались бы. Главная конспирация была в том, что мы друг в друга верили. Люди одного воспитания, из колоний русской эмиграции, хотя и из разных стран — из Франции, Чехии, Югославии. Это были или молодые участники Белого движения, или их дети. Прочность характера проверялась только событиями. Конечно, я не знаю полной картины.

Часто в Берлине у нас не хватало рук — самые деятельные люди отправлялись в Россию, некоторые застревали в Польше. Работать приходилось за двоих — за троих.

Кроме печати, я занимался её распределением через людей, которых мне представляли как «Ваню» или «Петю». Через них, как через «паутину», литература распределялась по группам, главным образом — в Россию. В 1943 году я стал секретарём председателя организации Виктора Михайловича Байдалакова. Каждый вечер после службы звонил ему, и, если было нужно, приезжал на квартиру, за дополнительными заданиями. Я был не столько секретарём, сколько адъютантом — деятельность организации вполне можно сравнить с войной.

В конце 1943 года был убит Александр Эмильевич Вюртлер. Было решено охранять членов руководства НТС, и я стал также телохранителем Виктора Михайловича. Вы можете спросить, как можно в военном Берлине охранять главу запрещённой организации? Носить при себе оружие было бы самоубийством. Защищать нужно было собой. Я всегда следовал за Виктором Михайловичем и становился между ним и любым незнакомым человеком. Учился на ходу — никаких директив мне не давали, так и сказали: «догадывайся сам». Инцидентов не было, если не считать, что арестовали нас обоих: его — в начале июня 1944 года, меня — 11 июля.

— Как это произошло?

— Я снимал комнату у одной 85-летней старушки: она ютилась в кухне, сдавала обе спальни, на что и жила. Другой ее жилец был мобилизован в армию, и там практически не жил. В комнате этого немца мне удалось перед арестом кое-что спрятать.

Ко мне пришёл человек и сказал, что от меня требуются некоторые объяснения. Во время первого обыска были найдены значки Национальной Организации Русских Скаутов (НОРС) — здесь мне не повезло. Следователь Ротцолль, который

вел дело НТС, задавал мне о НОРС массу вопросов.

— Следователей было три — Ротцолль, Фритце, а кто третий?

— Мы его называли Гаврик. Фритце меня допрашивал лишь один раз. Гаврик был бывший НКВД-ист, и с ним играть было трудно. Ротцолля мне удавалось обводить вокруг пальца. Он немножко говорил по-русски. По-немецки я тогда уже говорил свободно, но притворялся, что не понимаю, и просил его перевести. Пока он переводил, у меня было время подумать. Мне также помогло, что я научился читать вверх ногами. Весь список вопросов, составленный с немецкой пунктуальностью заранее, лежал перед следователем. Когда он начинал печатать, я успевал прочесть следующий вопрос и подготовиться.

— Какие конкретные обвинения гестапо предъявляло НТС?

— Я их убедил в том, что я — очень мелкая сошка, мальчик на побегушках. На многие вопросы я просто отвечал, что не знаю, а часто ссылался на доктора Сергеева, о смерти которого в концлагере уже знал. В изоляторе смертников мне дали книгу, чтобы записать мои данные. Напротив фамилии погибших ставился чёрный крест. Там я и нашёл имя Сергеева с крестом напротив неё. Потом я узнал, что генерал Трухин на допросах, чтобы спасти А. Н. Артёмову, приписывал его деятельность покойному Сергееву.

— О следователе гестапо по фамилии Гаврик я читал в записках Николая Федоровича Шица. Самое непонятное, — как он из НКВД попал в Гестапо?

— Могу сказать лишь то, о чем слышал. Мне говорили, что он был не то полицейским у немцев, не то — следователем в Киеве. Потом немцы перевели его в гестапо. Там были и другие следователи, главным образом — украинцы, которые допрашивали преимущественно криминальный элемент из «остовцев». Я помню, как Кирилл Вергун или Виктор Михайлович рассказывали, что Гаврик говорил им: «Война заканчивается — Советы уже в Кюстрине. Представляете, что вам предстоит, но что предстоит мне?!». Каждый из нас думал: «То, что ты заслуживаешь!» Потом были слухи, что его расстреляли немцы.

— Об этом я читал у Шица, но он утверждает, что немцы узнали, — Гаврик был засланным агентом НКВД.

— Мне был двадцать один год, выглядел я ещё моложе, и прикинулся, что не очень умён — не то, чтобы дурак, но совершенно не разбираюсь в вещах, о которых меня спрашивают. Ротцолль сам был недалёким, не высокой сохи.

Когда он узнал про значки НОРС, решил, что это — возможность обнаружить новую организацию и сделать карьеру. Мне были известны все адреса членов НОРС — и Бориса Мартино, и Полчанинова — всё шло через мои руки. Я не выдал никого. Тогда он меня и послал туда, куда Макар телят не гонял... Кроме меня, такое пережил только Неймирок.

Первое место, куда я попал, был Arbeitserziehungslager (лагерь трудового перевоспитания) Гросс Берен — для непокорных, волю которых не удалось сломить в других лагерях.

— **Каким образом их «перевоспитывали»?**

— Работали от зари до зари: нужно было сократить поворот железной дороги — копали землю, таскали камни, загружали вагонетки и везли на крутую гору. Воды давали один стакан в день. Сто — сто пятьдесят грамм хлеба и литр похлёбки. Подъём — в три тридцать утра. Одежда — куртка, штаны и колодки на деревянной подошве. В пять утра пересчитывают заключённых. Потом приходит майор СД с двумя овчарками и принимает рапорт. После этого выдавали чашку желудёвого кофе и ломоть хлеба — до вечера больше никакой еды не полагалось. Потом — сто человек в одну теплушку, и час-полтора везли до места работы. Во время работы — получасовой перерыв и стакан воды. Оскорбления со стороны охранников — «проклятый иностранец», «свинья», крики «лос, лос». ... Мозоли лопаются, перевязать нечем. Слышу, как сосед — русский парнишка — говорит: «Если я выйду отсюда, пол-Берлина сожгу!» Ненависть нашу описать трудно.

Вечером, перед тем, как получить свой литр похлёбки, запускают в уборную. Там — корыто для умывания. Вместо умывания, как скот — опускаешься и пьёшь, пьёшь из этого корыта — организм был совершенно обезвожен. Даже плюнуть на измазанные глиной руки было нечем: вокруг рта — белая соль.

Пытка продолжалась и днём, и ночью. Из нар были изъяты все доски и все матрасы, вместо этого была протянута сетка из двухмиллиметровой проволоки. Утром — синие полосы по всему телу. Поперечная доска у головы и ног. Вместо подушки под голову клали свои колодки. Если среди ночи со второго яруса эти колодки падали на спящего внизу, то сцена, разыгрывавшаяся среди голодных озлобленных людей, была неопишуемой...

Утром врывались капо с палками и устраивали «подъём». Несколько раз в неделю читался рапорт. Если кто-то во время конвоирования на место работы сорвал колосок или травинку — это считалось «покушением на немецкую собственность»...

— **Сколько Вы провели в этом лагере?**

— Максимальный срок пребывания там был восемь недель: эсэсовские врачи считали, что дольше выжить невозможно. Меня вытащили из лагеря для дальнейших допросов на половине этого срока. Допросы начинались с вопросов об НТС. Потом —

пять минут передышки. Потом в машинку вставлялся новый лист бумаги, и следовали вопросы о НОРС.

После нескольких допросов следователь, не добившись ничего, послал меня в концлагерь Заксенхаузен, в изолятор смертников. Я до сих пор не знаю: был ли я приговорен к смертной казни?

Пятьдесят дней провел в группе приговорённых, из которых каждый день кого-то выбирали и вешали на наших глазах. Люди из СД, когда подходили к нашей группе для «отбора» любили поиздеваться. Говорили: «Выходи!» Потом: «Я пошутил, возвращайся!»

Все — с красной полоской смертников. Все друг другу исповедывались. Мы многое знали из того, чего не говорили на допросах.

Стоишь во время «отбора» и думаешь: «Слава Богу, что не меня!» А потом становится стыдно за эти мысли...

В Заксенхаузене я встретился с очень интересными людьми. В первую очередь — с полковником Бушмановым, из РОА. С Косаревичем-Косаренко — идеологом Бандеры. Был там караим — один из лучших фальшивомонетчиков. Когда немцы арестовали его, заставили подделывать американские доллары и английские фунты. Фунты он подделал столь блестяще, что англичанам во время войны пришлось проводить обмен денег на фунты нового образца: немцы запускали фальшивки через нейтральные страны. Сидел там и мэр Кёльна — социал-демократ. Были немецкие офицеры с рыцарскими крестами, арестованные за какую-то мелочь.

Один советский капитан дважды бежал из лагерей военнопленных и был приговорён за это к смертной казни. Когда подошла его очередь, он сказал: «У меня нет никакого оружия. Но я им покажу, как русские умеют умирать!» К виселице он пошёл парадным шагом.

Повешение у немцев отличалось от того, как вешали конокрадов в восемнадцатом веке, когда человек падает с высоты в несколько метров и сразу ломает себе шею. Немцы выбивали из-под ног узника табуретку, и мы видели, как человек десять-пятнадцать минут мучается в петле, тщетно борясь за жизнь. Такое не забывается.

— **Когда Вы оттуда вышли и каким образом?**

— За мной пришли и перевели в тюрьму на Александерплац — для перекрёстных допросов. Запасное Исполнительное бюро уже было арестовано: Ольгский, Околович...

Из лагеря меня забрал Ротцолль, обманув, что везёт в Берлин, чтобы освободить, — боялся, что я вздумаю бежать. А привёз меня на мою же квартиру и провел там второй обыск, во время которого нашёл фотоаппарат. Тут я вспомнил, что многое успел подчистить, но про пленку забыл. Ведь, кроме союзной деятельности, я ещё помогал «остовцам» бежать и подделывал для них бумаги. Я научился делать печати при помощи картошки, желатина,

но фотографии нужны были настоящие — они и были на вставленной в фотоаппарат плёнке. Если её проявят — новые допросы.

Тут я его спрашиваю: «У вас сын есть?» Он говорит: «Да, приблизительно вашего возраста, моряк». «Могу я сделать ему подарок? Зачем фотоаппарат будет валяться на складе? Вашему сыну может пригодиться. Я сейчас Вам покажу, как его заряжать». С этими словами я вытянул ленту и засветил ее.

Он всё понял, но виду не подал — всё же я сделал ему какое-то одолжение.

Допросы после этого лучше не стали. На Александерплац я сидел в одиночке несколько месяцев. В начале 1945 года, когда немцы отступили из Франции, Бельгии, части Голландии и Польши, большинство своих узников в этих странах они расстреливали, а самых главных брали с собой при отступлении — на всякий случай, для возможного обмена. В один прекрасный день в мою камеру поместили премьер-министра Греции, а меня перевели в другую, где уже сидело семь человек.

Вот однажды в камеру заходит полицейский. Полиция там была городская — гестапо занимало лишь одно крыло здания, и своей тюрьмы у него не было — своих заключённых держали в общей. Этот старый полицейский, явно из деревни — читал плохо. Видит русскую фамилию и смотрит на возраст, прочесть её уже не может. Тычет в меня пальцем — «Ты кто?» «Я — русский». «Тогда — пошли». Приводит меня в канцелярию, фельдфебель, продолжая разговаривать по телефону, спрашивает — что надо? Полицейский отвечает: «Привёл, кого просили». Тот, продолжая разговаривать, требует, чтобы я продиктовал свою фамилию. Поняв ситуацию, я назвал фамилию того, кто сидел в этой камере до меня и был освобождён. Он одной рукой выписал мне бумажку, и я по ней вышел на волю «за того парня».

Три дня прожил в Берлине. Карточек получить не мог — в документах значилось, что я — «остовец» и должен жить в лагере.

На третий день пришел к Ротцоллю и сказал, что раз уж я на свободе, то должен получить бумагу на свое имя. Он ответил, что ничего об этом не знает, а моё освобождение — ошибка. «Но всё равно всё катится к чертям, поэтому бумаги я тебе дам, а ты сиди в Берлине и не рыпайся». Он выписал мне две бумажки — для работы и для продовольственных карточек. Пока выходил в соседнюю комнату ставить печать, я ещё одну необходимую бумажку засунул себе в карман. Таким образом, я в нужном месте показывал нужную бумажку — до сих пор они, все три, у меня хранятся.

Пятого марта 1945 года я выехал из Берлина с заданием установить контакт с союзниками. Я, с капитаном Лапиным, 21 апреля перешёл фронт — просто засели в одном селе у города Нордлинген, и дождались пока фронт через него перекатился. Мы прямо явились к союзникам и заявили, что у нас — задание попасть к Эйзенхауэру. Нас перевозили из батальона — в полк, из полка — в седьмую армию... Война закончилась, и из парламентёров мы превратились в военнопленных.

Нас поместили в лагерь, где американцы содержали самых значительных лиц немецкой армии, правительства, партии, научного мира. Забавно было мне, молодому русскому, слышать от пожилого немецкого фельдмаршала: «Скажите, почему мы проиграли войну?»

— **Когда Вас освободили из этого лагеря?**

— 23 июля 1946 года. Меня не освободили — меня везли на выдачу Советам. Майор, который вёз, спросил: «О чем задумался?» Я рассказал ему, что я — из первой эмиграции. Сказал, что войну выиграла не власть, а русский народ. Он остановил машину, пошёл куда-то позвонить, вернулся и отвез меня в лагерь для перемещённых лиц.

Семья моя жила в Нормандии — как раз там, где была высадка союзников, и немцы их всех выселили. Только из газет я узнал, что мой брат стал известным футболистом — вратарём. Благодаря этому мне удалось найти родных.

Лагерь ДиПи Мёнхегоф под Касселем. Православная церковь. 1946 год.
(С) Архив НТС, Франкфурт-на-Майне (Германия)

Глеб Рар

НТС после войны

*Посев, 1996, № 6**«Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...»*

Отец Александр рассказал нам, что всего лишь за несколько дней до нашего приезда в Киссенгене побывала странная автомашина. На её громадном кузове красовались внушительные красные кресты и отпугивающая надпись «Tiphus». Из машины вылезли совсем не тифозного вида люди — старые друзья о. Александра и наши. Они ехали на розыски очередной группы членов Союза, предположительно застрявшей где-то на юге, попутно всюду оставляя «опорные точки». Эту машину, за которой так и укоренилось название «Тифус», помнят многие тысячи русских, оказавшихся в тот момент без крова, без языка, без доброго совета на дорогах Германии и Австрии, подвергаясь обловам советских «репатриаторов» — НКВД-истов. «Тифус» шнырял всюду. Каждой встречной группе русских сообщали, где находится ближайшая «опорная точка», а там уже «сидели» старые эмигранты-нансенисты, которым репатриация и выдача не угрожала, знавшие языки и добывавшиеся в английских, американских и французских комендатурах понимания трагического положения, в котором оказались русские с советскими паспортами. Образовывались первые русские лагеря невозвращенцев, куда стекались сотни и тысячи соотечественников. Но «Тифус» мчался дальше. Найдя какого-нибудь затерявшегося члена Союза, «Тифус» привозил его под Кассель. С документами, для которых в русском языке существует лишь одно обозначение — «липа» — «Тифус» беспрепятственно пересекал не только границы оккупированных корпусов и армий, но и зон. Неоднократно пробирался он даже в Австрию. Препятствий для «Тифуса» не существовало: во французской зоне, например, предъявлялись документы, говорившие о том, что «Тифус» едет чуть ли не по распоряжению самого Эйзенхауэра, в американской, наоборот, какого-нибудь англичанина или француза. А чтобы отбить у часовых охоту внимательно контролировать бумаги, предъявлялись какие-то бумаги тифозного госпиталя и, указывая на надпись на кузове, многозначительно говорилось, что мол, заразных больных везём. Часовые шарахались в сторону, как ошпаренные...

«Тифус» за несколько дней до нашего приезда побывал в Киссингене, и от его «команды» о. Александр узнал, что часть руководящих работников Союза во главе с В.М. Байдалаковым, сидевшим в концлагере Заксенгаузен (под Берлином) на положении смертника, благополучно вышла на свободу. Но узнал он и длинный список имён тех друзей, в гибели которых не оставалось никаких сомнений. Среди погибших был последний начальник отдела Союза на территории Германии, талантливый орга-

низатор нашей работы в лагерях «остов» и русских военнопленных, доктор Николай Митрофанович Сергеев; член Исполнительного Бюро Союза и руководитель всей пропагандистской работы Союза в годы войны Кирилл Дмитриевич Вергун. О многих других было лишь известно, что к концу войны они находились в том или ином концлагере, и с тех пор сведений о них не поступало. Из членов Союза, ведших политическую работу в рядах РОА, мало кто избежал интернирования в американском лагере.

Трудно передать то чувство гордости за Союз, с которым мы слушали слова о. Александра о том, что, несмотря на все эти тяжёлые потери, центр Союза существует и работает. Систематические рейсы неутомимого «Тифуса» — лишь одно из проявлений его деятельности. Дальше о. Александр перешёл к рассказу о работе нашего центра после ареста Исполнительного Бюро в условиях беспрерывной травли со стороны Гестапо.

Несколько раз запасному центру приходилось менять свое местонахождение, из Верхней Силезии перебрасываясь в Австрию, а оттуда — в центральную часть Германии — Тюрингию. Момент капитуляции застал этот центр Союза в маленьком городке Нидерзаксверфген. Здесь было создано безобидное на вид строительное предприятие под совершенно невинным названием «Эрбауер». Фирма участвовала в сооружении какого-то завода и, может быть, через год-другой и закончила бы его строительство, если бы каждому не было ясно уже тогда, что вопрос крушения Германии — это вопрос недель, в крайнем случае, месяцев. Здесь же, в бараках, жили семьи рабочих и техников фирмы. При обилии иностранцев, повезённых немцами на работу буквально из всех стран Европы, никому не казалось подозрительным, что все служащие «Эрбауера» говорят по-русски (часть из них, особенно дирекция, числилась «чехами» или «югославами»). Это и был центр, руководивший отправкой членов Союза на восток, для перехода фронта и работы на родной земле. Отсюда налаживалась связь с границей, здесь же велась подготовка захвата берлинской тюрьмы и освобождения силой Исполнительного Бюро Союза на случай, если тюрьме будет грозить захват Красной армией или немцы приступят к уничтожению заключённых.

Нидерзаксверфген был взят американцами. Но, после окончательного установления границ между оккупационными зонами, вся Тюрингия отошла большевикам. Нидерзаксверфгенцы перебрались на запад, в Менхегоф под Касселем.

Недели через две, исколесив окольными путями весь Гессен, мы подходили к Менхегофскому

лагерю. Низкие, невзрачные бараки, частью деревянные, частью каменные, из какого-то искусственного прессованного камня, как губка впитывающего сырость. Во время войны здесь был лагерь военнопленных итальянцев («изменников» Германии) и французов. О санитарных и прочих условиях, которые здесь царили, свидетельствует длинный ряд могил на кладбище непосредственно за лагерем.

Освободив военнопленных, американцы отдали приказ уничтожить, сжечь дотла этот лагерь, гигиенические условия которого не допускали и мысли о дальнейшем его использовании в качестве человеческого жилья. Для выполнения этого приказа прибыли американские сапёры. Но оказалось, что лагерь уже не пустой: в бараках бешено мылись полы, стены, даже потолки. Возводились первые примитивные санитарные «удобства», строилась баня, рылись канавы для осушки непролазной грязи между бараками. На одном из более чистых бараков уже высился большой восьмиконечный крест. Здесь устраивали церковь.

Американский комендант Касселя накануне отказался предоставить помещение для нескольких сот русских, прибывших на «самореквизированных» со складов немецкой военной добычи, которую американцы готовились передать большевикам, грузовиках из Нидерзаксверфгена. Комендант ссылался на отсутствие всякого свободного помещения. Это была правда: Кассель был почти весь в развалинах. Оставшиеся казармы, школы, даже гаражи и кинотеатры были битком набиты беженцами. Но русские не хотели ехать дальше и искать возможности устроиться в другом месте. Им надо было сгрузить первую партию и ехать за оставшимися. Ведь подходили большевики. Вот они и захватили пустовавший Менхегоф. Узнав об этом, кассельский комендант поехал было «наводить порядок», но, убедившись в том, что за несколько дней лагерь действительно стал неузнаваемым — чистым

и почти благоустроенным — махнул рукой на «русских чудаков» и уехал восвояси.

Дюжий, добродушный лагерный полицейский у шлагбаума нас не пропускает. На самом деле, мало ли сейчас всяких «подозрительных личностей» ходит по дорогам, а мой туалет, составленный наполовину из эсэсовского обмундирования, выданного мне «на прощание» в Дахау, вряд ли может внушить доверие. «Подождите, — говорит он, — сейчас все обедать ушли, а после обеда приходите, провожу вас в комендатуру». Но не на таковских напал. Мы просим известить о нашем прибытии друзей, называем фамилии. Лицо полицейского становится приветливее, и он посылает одного из бегающих поблизости мальчишек в лагерь. Но нас все еще не пропускает: дисциплина, что и говорить!

Наконец, вновь появляется мальчишка и издали кричит: «в одиннадцатый барак, в одиннадцатый барак!» Шлагбаум поднимается, и мы вместе с полицейским направляемся в лагерь.

Улицы между бараками оживлены. Только что начался обеденный перерыв, все спешат домой обедать. Многие идут измазанные извёсткой: видно, везде что-то ремонтируют, пристраивают, штукатурят. Масса ребят несётся с книжками из школы. Поднимают пыль грузовики, привозящие людей с работы на американском аэродроме. На нас посматривают, но не то, чтобы разинув рот — к таким «явлениям природы» здесь привыкли. Зато мы внимательно смотрим по сторонам. Разве не чудо, что здесь, в 20 километрах от границы советской зоны, возникло это своеобразное русское «государство» из семи связанных общим управлением русских лагерей, где выборы происходят без всяких МВД, без советского типа митингов, зато с хорошим театром в главном из лагерей (в самом Менхегофе), гимназией, двумя церквями (потом их стало три), с несколькими начальными школами, со скаутскими дружинами, с далеко ещё не безбедной и не беззаботной, но сытой трудовой жизнью для тысяч русских людей.

Из истории радиостанции «Свободная Россия»

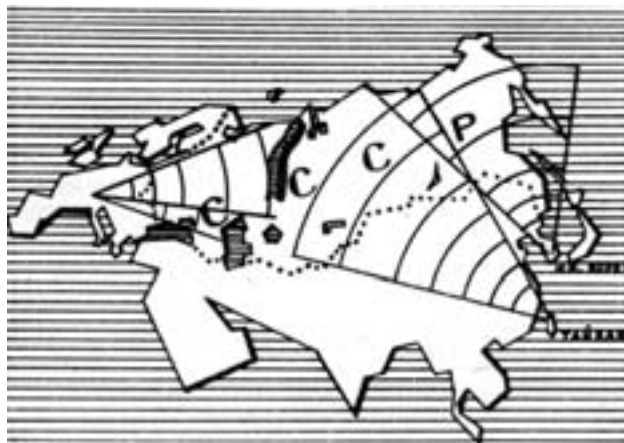
В декабре 1950 года маленькая подпольная радиостанция НТС «Свободная Россия» отправилась в свой первый рейс. Это был действительно рейс, притом двойной рейс: станция должна была найти потаённые места не земле, станция должна была найти свое место в эфире. Но разве можно было назвать это крохотное самодельное сооружение громким именем радиостанции? Маленький передатчик, мощностью в 38 ватт, смонтированный на полугрузовике, внутри которого нельзя даже выпрямиться; без антенных мачт — антенну приходилось забрасывать на деревья. Вот и всё, что представляла первая радиостанция. Не хватало разных необходимых и запасных частей, не хватало теплой одежды для обслуживающего персонала — ведь была зима; многого не хватало...

И все-таки голос «Свободной России» зазвучал в эфире. Прошло немного времени — и заработали советские глушители. Враг почуял опасность, перестроился, организовал оборону. Враг занервничал — и тем самым оказал услугу революционному слову. Станция «Свободная Россия» заняла своё место в антикоммунистическом фронте.

Но глушители? Станция научилась уходить от них, хотя не всегда успешно. Кстати — иногда глушение прекращалось, совсем прекращалось. В чём дело? Разгадка скоро пришла. Часть передач радиостанции записывалась на плёнку мониторинговой службой Комитета госбезопасности, и потому их пропускали без глушения. Это было ободряющим признаком — значит, враг проявляет интерес к нашему свободному слову — и, может быть, интерес не всегда профессиональный...

Прошли годы — и радиостанция «Свободная Россия» окрепла. На призыв усовершенствовать радиостанцию откликнулись соотечественники во всех уголках мира, пришли пожертвования. К весне 1953 года мощность радиостанции была значительно усилена, были приобретены собственный агрегат для выработки электроэнергии и ряд контрольно-измерительных приборов. Расширился круг сотрудников радиостанции, были организованы службы: редакция, радиостудия и собственно радиостанция; возросло количество радиопередач. Во время Венгерской революции радиостанция смогла работать круглосуточно, чередуя передачи на русском и венгерском языках. Сообщения о слышимости радиопередач стали поступать в большем числе — и снова отозвалась родина! Отозвалась перебежчиками на сторону восставших, отозвалась студенческими волнениями, отозвалась глухим ропотом в народе. Нас знают, нас слушают! Это сознание давало силы преодолевать те препятствия, которых всё ещё много на нашем пути.

Это сознание помогло перенести террористический акт, который, по замыслу врага, должен был сокрушить радиовещание НТС — взрыв помещения

Карта слышимости радиовещания НТС на территории СССР

работников станции и мониторинговой службы в городке Шпредлингене летом 1958 года. Это сознание настолько укрепило в нас решимость продолжать борьбу, что новые бомбы, взорвавшиеся в районе станции летом 1963 года, рассматривались уже как стандартная реакция врага на наше радионаступление.

Но не хотите ли Вы, наш доброжелательный читатель, мысленно побывать на радиостанции? Вы увидите её в действии. Вы познакомитесь с личным составом, бескорыстно выполняющим нелёгкую и небезопасную революционную работу. Мы сказали — «бескорыстно», и это не красивая фраза: все работники радиостанции получают одинаковую заработную плату, составляющую прожиточный минимум в стране, где они живут; одинаковую не потому, что проведена так называемая «уровнировка», а потому, что добровольно мирятся с бережливым расходом средств, жертвуемых на освобождение родины от коммунизма. Нет равенства в служебном положении и ответственности, но есть равенство в материальной незаинтересованности там, где труд идёт на достижение общей цели.

Итак, едем.

Лучше всего, едем ночью, чтобы Вы не поняли как-нибудь случайно, куда именно Вас везут. Едем сначала довольно долго по хорошему европейскому асфальту, потом по пролеску, подпрыгивая на камнях и выемках и удивляясь, что это за дорога? Куда мы заехали? Что это, Азия или Африка? Но нет, это не Азия и не Африка, это просто маленькая, но, кажется, еще малоизвестная коммунистам часть малой, старой Европы.

В этой таинственной части мы поднимемся на высокий холм, увидим антенны и агрегаты, услышим заливистый лай сторожевых собак. Мы приехали. Это всё. Кругом лес. Далеко за холмом магазины и почта. А где-то ещё подальше «кон-

тролька», наблюдательный пункт. С «контрольки» ведётся борьба с глушителями.

Мы входим в машинное помещение и слушаем.

Радиопередача начинается. Из магнитофона, на котором медленно кружится лента радиозаписи, доносится ясный голос диктора. Вам кажется, что радиопередача идет без помех, но это только кажется: в радиотелефонной трубке слышится команда; она подана нам с «контрольки»: «26–4 влево».

Это означает, что на передачу по 26-й волне надели глушители и от них нужно уйти на 4 условных деления шкалы.

Поговорим со свободными людьми команды радиостанции; относительно свободными, потому что каждый чем-нибудь занят перед тем, как вступить на дежурство у радиопередатчиков.

— У нас целая система предосторожностей, — расскажет Вам радиотехник. — Когда становится темно, меры охраны усиливаются, но начеку мы должны быть всегда. Мы не знаем, когда и как враг попытается сорвать нашу работу, а потому служба ведётся постоянно, и днём, и ночью...

— Как же организован у вас отдых?

— Отдыхаем по очереди. Каждому из нас полагаются 2 свободных дня в неделю, но если кто-нибудь заболел или получил отпуск — весь график ломается. Многие из нас люди семейные, но дома бывают не часто... Тоже по графику.

У Вас невольно вырвется вопрос: — «И Вы не жалуетесь?» Не удивитесь, если вам с добродушной усмешкой ответят: «Что же поделывать? Нужно бороться за свой народ... Сейчас в бытовом отношении лучше, легче. Бывало куда хуже...»

— А как глушители, мешают?

— Конечно, мешают, однако пробиваемся. — И кто-нибудь из радистов с некоторой гордостью пояснит: «Знаете, во что обходится коммунистам глушение? Каждый глушитель должен быть в 10 раз мощнее станции, которую он глушит. Против нас работают до 12 глушителей. Посчитайте-ка, сколько тратят народных денег коммунисты, чтобы нас заглушить! Миллионы рублей в год!»

В обеденный перерыв радиостанция молчит, молчат и глушители. И вам невольно придет в голову, что сейчас отдыхает и противник после утомительной и, вероятно, подневольной работы — ловить в эфире нашу станцию и подавлять ее шумами.

Посетим контрольную радиостанцию. Тут у каждого из радиоприемников вы найдёте прибор, который позволяет не слушать, а видеть глушение. Прибор, так сказать, переводит звуки в видимость. Вы увидите небольшой экран, разграфлённый на клеточки, вдоль нижнего края экрана светится зеленая полоска. Как только радиопередатчики на передаточной станции заработают — из зеленой полоски вырвется кверху столбик, похожий на гейзер или на силуэт Эйфелевой башни; это — изображение несущей волны радиопередачи. Пройдёт ещё несколько минут —

и на экране появится недалеко от нашего столбика второй, третий, четвертый... Это — отображения глушителей. Некоторые столбики словно подкрадываются к столбику несущей волны; другие сразу набрасываются, как кошки на мышь, чтобы его покрыть, задавить; третьи остаются неподвижными.

— Двадцать шестая — пять влево, — командует радист, и столбик несущей волны быстро перемещается в свободное пространство между столбиками глушителей. Ненадолго — глушители снова подкрадываются к нему и снова раздается команда наблюдателя-корректировщика.

Если передаточная станция напомнила вам артиллерийскую позицию, то контрольная станция подобна артиллерийскому наблюдательному пункту. Перед Вами на экранах происходит битва: нападающие и обороняющиеся то сшибаются, то маневрируют — и наблюдатель тщательно корректирует действие огня своей батареей.

— Обратите внимание, — скажет Вам оператор в перерыве между командами. — На двадцать шестой волне действует только один-два глушителя, а на сорок шестой — до десятка. Знаете почему? Двадцать шестая — сильнее днём, она пробивается в самую глубь России. А сорок шестая сильнее ночью.

Сражение становится всё ожесточённее. То и дело слышатся команды: «Сорок шестую влево один... Двадцать шестую вправо три... Двадцать шестую вправо три... Двадцать шестую влево четыре».

У Вас начинает рябить в глазах от мельканий столбиков на экране, в голове гудит от непрерывных команд. Вы выйдете из маленького помещения, в котором наблюдали картинку боя в эфире: вокруг Вас мирная тишина заброшенного уголка земли. Но Вы знаете, что вокруг Вас на сотни и тысячи километров происходит незримый, но ожесточённый бой штурмующего свободного слова против шумового «железного занавеса», что в бою этом к слушателю тоже ставятся требования, и немалые требования.

Нет, если команда радиостанции работает в нелёгких условиях, то и слушателю тоже нелегко. Слушатель «Свободной России» не может, как избалованный европеец, комфортабельно развалиться в кресле. Он тоже участник сражения: он не только рискует неприятностями, если о его слушании узнают власти, он в течение всей передачи наш активный сотрудник, он тоже боец, причем боец на нашей стороне фронта.

— Сорок шестую влево пять!..

Эту команду слышат на станции, но слушатель ее не слышит. Как и глушитель должен догадаться о ней, он должен быстро и эффективно перестроиться. Он должен нагнать нас в эфире, поймать нас на новом месте, снова включиться в наш разговор. Он должен сделать это быстрее глушителя. Он должен успеть снова услышать нас, подхватить нить прерванного для него развития нашей мысли. Это трудно и утомительно, это расстраивает нервы и,

конечно, ведет порой и к недопониманию и к недо-
разумениям.

Час тому назад, у передатчика, мы могли услышать передачу во всей ее стройности от слова до слова. Но есть еще только одна точка на всём земном шаре, где это тоже возможно. Это студия, в которой проверяется запись. Все остальные слушатели «Свободной России» не только терзают свой слух, но, как бы они ни старались, неизбежно теряют часть передаваемого, порой могут уловить только фрагменты, а порой и вообще ничего не могут разобрать, кроме рёва и воя глушителей.

Тем, кто слушает «Свободную Россию» в Европе, трудно судить о том, что же доходит до слушателей на родине. Не только потому, что там глушители стоят ближе и станцию отделяет большое расстояние, но и потому, что станция с августа 1962 года основную свою мощность направляет на Советский Союз. Потому в Западной Европе наше радио стало слышно хуже, а в центральных областях России оно заметно усилилось. В стране уже появляются целые группы слушателей, которые постоянно следят за передачами «Свободной России» и считают эту станцию **своей**.

Его не любили КГБ и ЦРУ

Ночью 11 января 2006 года по второму каналу Центрального телевидения был показан документальный фильм о судьбе разведчика Николая Евгеньевича Хохлова*. Того самого, которому в 1954 году дали задание убить одного из руководителей НТС, а он отказался и перешёл на сторону «врага». Телевидение — хитрая штука. Человек сам рассказывает, вроде бы, объективнее некуда. А вот впечатление остаётся, будто Холодная война и не кончалась.

Организация Народно-Трудовой Союз (НТС) — одна из старейших, создана белоэмигрантами в 1930 году. Но авторы фильма свели всё к тому, что она была филиалом американской разведки, а Георгий Околович, которого должен был убить Хохлов, просто «американский шпион». Почему Хохлов отказался убивать Околовича, осталось за кадром — передумал, и всё. А ведь на Хохлова оказали влияние материалы НТС, которые ему давали для ознакомления на Лубянке. Огромное значение оказало также влияние его жены Янины — верующей католички.

В конце 1950-х Хохлов был советником южно-вьетнамского президента Нго Динь Дьема. Если бы работа Хохлова увенчалась успехом, Вьетнамская война могла бы закончиться по-другому, но авторы фильма увидели в этом лишь «диверсионную деятельность», и сделали из этого факта ещё одно обвинение. Плюс комментарии отставных гебистов, которые чёрной краской не жалели. Вероятно, следующий фильм будет об «антисоветской деятельности» Солженицына с оправданием гебистов, которые пытались его отравить. Характерен подзаголовок фильма: «Исповедь предателя». Хохлов себя предателем не считает. Всё его «предательство» заключалось в том, что он, рискуя жизнью своей и своей семьи, отказался выполнять преступный приказ преступной власти.

Два года назад автор сделал интервью с Н. Е. Хохловым. Здесь есть все элементы, вычеркнутые из фильма его создателями.

Георгий Околович

Николай Евгеньевич Хохлов. 50 лет назад имя этого человека облетело все газетные полосы стран Запада. В Советском Союзе оно было табу до самого конца коммунистической системы. Профессиональный разведчик, который во время войны участвовал в ликвидации гауляйтера Белоруссии Кубе. В 1954 году он сорвал операцию по убийству одного из лидеров НТС. За это свободой поплатилась его жена, которую он снова увидел лишь в начале 1990-х. Его самого пытались отравить. Единственный перебежчик из спецслужб, которого лично по-

* С Николаем Хохловым беседует Андрей Окулов

миловал президент Ельцин. Спустя 50 лет выясняется, что не только КГБ пытался скрыть всю правду об этом человеке. Оказывается, он и для ЦРУ «слишком много знает»...

— *Николай Евгеньевич, как Вы попали в разведку?*

В конце сентября 1941-го года немецкие войска подходили к Москве. Я рвался на фронт, хотя и был белобилетником. Еще до войны я подал заявления в ГИТИС и в ГИК на факультеты режиссуры. Как бедный студент, подрабатывал художественным свистом во Всесоюзной Студии Эстрадного Искусства.

Но как раз в самом начале войны я от эстрады отошёл и снимался в Ульяновске в фильме Донского «Как закалялась сталь». Я с органами никогда не имел никакого дела. Но в сентябре 41-го служба разведки меня вызвала из Ульяновска в Москву. На Лубянке меня заверили, что сдача Москвы неминуема и надо готовить партизанские группы для диверсионных действий в оккупированной столице. От меня потребовали, чтобы я вернулся на эстраду и стал членом артистической бригады, которая в самом деле была бы группой боевиков. Для моих 19-ти лет разведка была романтикой.

Так всё и началось. А кадровым офицером разведки меня сделали лишь в 1951-м, когда я уже проработал 10 лет. Сначала — действуя в немецкой форме на территории, оккупированной немцами, а потом, по разным легендам, за рубежом.

— *Во время войны Вы участвовали в ликвидации гауляйтера Белоруссии Кубе. Как Вам удалось вжиться в образ немецкого офицера и столь блестяще выполнить задание?*

Подготовка заняла больше года и была очень интенсивной. Меня поселили на конспиративной квартире, где жил один немецкий антифашист, Карл Клейнбург. Мне была уделена роль старшего лейтенанта тайной полевой полиции, а Карлу предстояло стать моим адъютантом. У этой особой полиции было право действовать в гражданской одежде, и это нам очень помогло на оккупированной территории. Однако к военной форме тоже надо было привыкнуть, как и к немецкой муштре. Мы с Карлом не только говорили исключительно на немецком языке (он почти не знал русского), но и систематически посещали лагерь военнопленных в Красногорске, изучая поведение немецких военных. Мне также пришлось заниматься со специалистами по немецкой культуре, истории фашизма и его ритуалов. Меня даже научили барабанить на пианино и напевать «Лили Марлен».

В конце концов нас отправили в качестве военнопленных в Оболовский лагерь, где мы прожили месяц среди немцев. Я не был разоблачен. Не был я разоблачен и в Минске, где для собственной уверенности мы с Карлом провели вечер в офицерском клубе. Моему адъютанту разрешили сопровождать меня, хотя сидеть он был обязан за отдельным сто-

лом для низких чинов. В общем всё обошлось и вошло в историю, когда был ликвидирован Кубе.

Думаю, что помогло мое легкомысленное отношение к опасности, свойственное ранней молодости.

— *После войны Вы получили задание убить Керенского. Почему оно было сорвано?*

В феврале 52-го Керенского собирались сделать председателем объединенного Комитета русской эмиграции для координации борьбы с большевиками. Сталин испугался и приказал через Игнатова, руководителя «органов» в то время, поручить генералу Судоплатову немедленно ликвидировать Керенского, который тогда жил в Париже. А из зарубежных специалистов Судоплатова — офицеров, знакомых с Парижем, знающих языки, способных не только легко попасть туда, но и свободно там передвигаться, под рукой оказался я один. И Судоплатов легкомысленно назвал Сталину моё имя.

Но Судоплатов не учёл одного — такое задание я никогда не принял бы. Правда, во время операций на оккупированной территории мне пришлось застрелить немецкого солдата, но это было необходимо, иначе он выдал бы нас карателям. Не только наш отряд, но и вся деревня, приютившая нас, были бы уничтожены.

С документами на имя одного искусственно созданного для меня австрийца Хофбауера произошли некоторые неприятности во время таможенного контроля при моём возвращении в Австрию из Швейцарии. Но такие инциденты были обычным явлением в жизни и деятельности австрийских коммерсантов, роль которого я играл. В то время я уже пытался уйти из разведки и потому преувеличил значение этого мелкого инцидента.

Судоплатов не знал, что я всё уладил с австрийскими властями. Поэтому, отдавая мне приказ о ликвидации «человека в Париже» (он не назвал имя намеченной жертвы), генерал сообщил мне, что его службе удалось получить подлинный швейцарский паспорт и к Хофбауеру я не буду иметь никакого отношения. Но я категорически отказался от задания. Такой поступок в обычных условиях означал бы расстрел и ссылку моей семьи. Но решение об отказе я принял вместе с моей женой — Яной Хохловой, мы были готовы идти на любой риск. Генерал, как мой многолетний начальник, отвечал за мою лояльность головой. Если бы он открыл настоящую причину срыва операции, мы погибли бы, и не только карьера Судоплатова была бы закончена, но и он сам вряд ли уцелел бы. И генерал решил солгать безжалостному хозяину. Невероятно, но это было именно так. Он заявил Сталину, что, как внезапно выяснилось, мои австрийские документы не могут быть использованы для передвижения по Европе из-за досадного инцидента с таможенной. Ложь исключительно опасная, но генерал, видимо, ничего другого придумать не смог. Однако эта примитивная ложь сработала

ла — жизни генерала, моя и моей семьи, да заодно и Керенского были спасены.

— **В 1953 году в Москве принимается решение о ликвидации одного из лидеров НТС Г. С. Околовича. Кто принимал это решение, почему в Политбюро так боялись НТС и какая роль в этой операции была отведена Вам?**

Решение о ликвидации Околовича было принято лично Хрущёвым, и он вынес его на Политбюро. Хрущёв тогда старался создать образ активного и энергичного деятеля, целя на место Маленкова, в то время генерального секретаря. Политбюро единогласно утвердило творческое предложение Хрущёва потому, что после восстаний в «народных демократиях» и поимки нескольких людей Околовича на территории Советского Союза, вожди ОЧЕНЬ опасались, что россияне в конце концов проснутся и Политбюро придется так же, как их коллегам в Восточной Германии, удирать в панике куда попало. Решение было принято в конце лета 1953-го года.

Хрущёв вообще забирал в то время органы безопасности в свои руки. Ненавидя Судоплатова за его откровенные высказывания о руководящей роли Хрущёва в террористических акциях «органов», кандидат в генсеки выдвинул Панюшкина на роль шефа разведки, и в тесном контакте с ним разработал план устранения Околовича.

Заместивший Судоплатова полковник Студников по каким-то мне неизвестным причинам решил, что Хохлов, хорошо знакомый с Западной Европой и много раз там бывавший, подойдет к такой операции. Я думаю, что полковник Мирковский, Герой Советского Союза и мой непосредственный начальник по работе в Австрии, рекомендовал меня. Бедному Мирковскому, очень хорошему и честному человеку, пришлось потом дорого заплатить за свое доверие ко мне. Но я знал, как Мирковский презирал деятельность спецслужбы, называя всех нас, и себя в том числе, «мусорщиками революции». Он, наверное, испытал облегчение, когда в 1954 году, после провала операции, ему предложили уйти в отставку.

Мне передали все секретные материалы по НТС, имеющиеся у «органов». Из многочисленных и толстенных папок возникал зловещий образ опасного и активного врага советской власти. Позже, уже на Западе, я понял, что чекисты умышленно преувеличили угрозу со стороны НТС, чтобы получить больше полномочий, должностей и денег на борьбу с этой вражеской организацией.

Как руководитель зарубежной части операции, я нес ответственность за подбор исполнителей и контроль над ними и в Союзе, и за рубежом. И хотя впоследствии, когда их привезли в Москву, приказ об убийстве дал им сам Студников, их непосредственным «куратором» был капитан Иосиф, т. е. я. И знали они этого капитана еще с Берлина, где он изучал и проверял кадры для будущих боевых групп в Западной Германии. Так что они были

мне хорошо известны. Циничные, прожжённые преступники и убийцы, зарекомендовавшие себя еще в Испании, где они проводили террористические акции под руководством генерала Котова (он же Эйтингон, соратник и друг Судоплатова). Я выбрал их потому, что такой рабочий «коллектив» позволил бы мне надежнее скрыть от моего руководства мои действительные намерения. Я понял, что буду нести прямую ответственность за гибель Околовича и обязан это предотвратить, иначе все мои заверения Яне, да и себе, что я категорически против убийства, превратились бы в пустую браваду.

— **КГБ не простил Вам срыва операции по убийству Околовича. Что Вам известно о попытках ликвидировать Вас? Сколько их было?**

Прямых сведений обо всех таких попытках у меня, конечно, нет, но вот два из таких спецзаданий оказались довольно успешными.

Весной 1957 я переехал в Париж, чтобы там дописать свою книгу. Среди моих знакомых в Париже оказалась и некая Христина Краткова, которую я встретил еще в Нью-Йорке. Симпатичная старушка из первой волны эмиграции быстро завоевала доверие и моих друзей. Потом, много лет спустя, я узнал, что советский агент Краткова (та самая) успешно участвовала в убийстве перебежчика Кравченко. Она, кстати, оказалась специалистом по особым ядам и даже имела научную степень в этой экзотической области знаний.

Получив задание ликвидировать Хохлова, Краткова подошла к нему научно. Я должен был умереть естественным путем — от тяжёлого, но в общем-то известного заболевания. Христина Павловна, последовав за мной в Париж, начала отравлять меня постепенно. Процесс был похож на обыденное отравление пищей. Я, конечно, ничего не подозревал, но мне с каждым днём становилось всё хуже, и от смерти меня спас только счастливый случай — мои друзья в Германии предложили мне переехать туда. Как только я уехал из Франции, все симптомы «тяжёлого желудочного заболевания» моментально прекратились. «Попытка» сорвалась.

Но агент Краткова не собиралась сдаваться. «Подход» был изменен. Хохлов должен был умереть от новоизобретённого яда, так закамуфлированного, что результаты вскрытия показали бы гибель от промышленного яда, используемого для уничтожения грызунов. Однако этот яд — таллий — мог убить человека только с очень подорванным здоровьем. В Москве специалисты из секретной лаборатории КГБ крупинку таллия превратили в радиоактивный изотоп. Агентам же удалось подбросить её мне в чашку кофе. Замысел был в том, что крупинка поразит меня изнутри лучевой болезнью, а потом быстро исчезнет. Эффект таллия, однако, останется и должен был сбить с толку докторов. Так и случилось. Фактически я был приговорен к смерти и, несмотря на то, что

американские доктора во Франкфуртском военном госпитале многие недели трудились над моим спасением, почему я все таки выжил, так и осталось неясным.

— **Вскоре после этого Вы попали в Южный Вьетнам. Как и почему это случилось?**

Таллий лишил меня всех волос — и на теле, и на голове. Лысый, с лицом, покрытым шрамами от язв, кровоточивших во время действия «лучевки», я поехал в Америку, где выступал во многих городах с лекциями. К весне 1958 года я вернулся в Германию, где один мой знакомый, часто посещавший Южный Вьетнам, сообщил мне, что меня приглашают туда для серии лекций о Советском Союзе.

В Сайгонском аэропорту вместо агента по лекциям меня встретил человек в белом гражданском костюме и заявил, что ему приказано отвезти меня на встречу с одним важным лицом. Он отвёз меня прямо в президентский дворец. В дальнем углу кабинета стоял большой рояль, покрытый тигровой шкурой с оскаленной пастью, свисавшей над человеком в национальном костюме. Этот человек поднялся и я увидел, что он был маленького роста. Подойдя ко мне с протянутой рукой, он заявил: «Я — Нго Дин Дьем, президент этой страны. Бьенвену, мсье Никола».

В последующие годы моей работы во Вьетнаме я так и остался «мсье Никола».

Никаких лекций, конечно, не планировалось. Дьему нужен был личный советник, убеждённый антикоммунист, но не зависящий от ЦРУ. Его контакты в США рекомендовали меня. Я спросил президента, почему он уверен, что я не завишу от ЦРУ. Оказалось, что ЦРУ характеризовало меня как честного и убеждённого антикоммуниста, но предупреждало, что контролировать меня невозможно. Президент заявил со смехом, что это предупреждение и было для него необходимой рекомендацией. Дьем явно не доверял ЦРУ.

Впоследствии Дьем и его брат были убиты. Убийства были организованы агентами ЦРУ по приказу посланника президента Кеннеди — Каббота Лоджа. Все эти маневры посланников Кеннеди в Южном Вьетнаме и политические махинации ЦРУ привели к позорному поражению американских военных сил в Южном Вьетнаме и полной победе коммунистов. Но корни этого провала были ясны уже в те летние дни 1958 года, когда Дьем рассказывал мне о тревожных сигналах из сельских местностей вблизи 38-й параллели, границы между Севером и Югом, сообщениях о людях в необычной военной форме, появлявшихся в деревнях с неизвестными целями. Дьем поручил мне, как бывшему советскому разведчику и партизану, разобраться в этих сигналах и разработать план нужных противодействий. Я это сделал и вскоре появился план Бин Мин, объявлявший о начале коммунистической агрессии с целью захвата Южного Вьетнама

и предлагающий меры для блокирования этой агрессии. Этот план не удалось осуществить из-за слепоты, случайной или умышленной, резидента ЦРУ в Сайгоне и его начальников в Вашингтоне. Если бы эта клика не ввела в заблуждение президента Кеннеди, северным коммунистам не удалось бы захватить Юг. План Бин Мин сработал бы.

Об этом я рассказываю в новой версии книги как очевидец, побывавший там и получавший сведения непосредственно от Дьема и его окружения. Именно из-за того, что я не только привожу факты, но и называю конкретные имена виноватых, американское издательство Ballantine отказалось переиздать мою книгу с новой главой о Вьетнаме и Южной Корее. Контракт уже был заключён, я даже получил аванс, но когда чиновники из разведывательной общины (как они сами себя называют) узнали о дополнительной главе, издание было заблокировано. И это в стране, где, как говорят, существует свобода прессы. О вмешательстве ЦРУ я узнал непосредственно от одного из главных редакторов издательства. Думаю, что сейчас происходит нечто подобное. Американские издательства принимают книгу восторженно, а потом скромно затихают и после долгого молчания просто возвращают рукопись без лишних объяснений. А что им объяснять? Стыдятся правды.

— **Правда ли, что вы готовили антикоммунистических вьетнамских партизан для заброски на Север?**

Заброска партизан на Север как ответ на заброску вьетконгцев на Юг была логичной частью плана Бин Мин. И вообще ЦРУ очень не нравилось, что, разработав план Бин Мин, я опирался на идеалистов, а не на платных наёмников, как практиковало ЦРУ. Их офицер сам мне говорил, что вьетнамские идеалисты ненадёжны. Изменится политика США, и они пойдут своим путем. А допускать это никак нельзя. В общем, типичная цээрушная лапша.

Когда я уезжал в 61-м из Сайгона, обещав Дьему вернуться, если американцы когда-нибудь поумнеют, то нам всем было уже ясно, что правительство США не даст вьетнамцам самим справляться с северной агрессией. Президента Кеннеди сбили с толку вероломные советники. Этот бред продолжался Джонсоном, пока не привел к позорному поражению Штатов и их «разведывательной общины».

— **Почему Вы рассказали о роли вашей жены в срыве операции по убийству Околовича и что случилось с вашей семьёй после этого?**

Я ведь не «переходил» к НТС, а пришел к Околовичу, чтобы предупредить его. Политического убежища я никогда не просил. Если американцы не схватили бы меня, я намеревался вернуться обратно. И с семьёй тогда ничего не случилось бы.

— Как же Вы могли вернуться обратно, если убийство было бы сорвано?

Очень даже просто. Оба исполнителя были известны в Западной Германии, откуда были родом и имели семейные связи. Один из них свободно мог быть «опознан». Тогда я мог «удрать». Мне попал бы за выбор агентов, но не очень. Изначально выбирал их не я. Ну, пожурили бы. Если Околович держал бы рот на замке, я отделался бы легко. К сожалению, он этого не сделал.

Схватив меня, американцы отвезли меня на одну из их конспиративных квартир и сфотографировали. Уходить обратно было поздно. Когда это стало бы известно КГБ, мне предстояло быть автоматически присуждённым к высшей мере наказания, но это как раз волновало меня меньше, чем неизбежная судьба моей жены.

В отношении «спецазаний» обычные советские законы не применяются. Так что обычные законы не были бы применены к Яне и нашему сыну и в 1954 году, после того, как я был бы объявлен предателем. Ждать милостивого отношения к жене офицера службы «спецазаний», женщины, которая несомненно слишком много знала, мне было нечего. Вот почему я согласился дать пресс-конференцию в Бонне и решил открыть роль моей жены в предотвращении убийства. Расчёт был простой, хотя многим в то время он и показался необъяснимым, — превратить мою жену в человека, получившего мировую известность. Эта внешне рискованная стратегия полностью сработала.

Могу только привести слова Яны, сказанные мне в 1992 году, когда после указа Ельцина о моём помиловании я наконец встретился с ней в Москве: «Что ты беспокоишься о прошлом? Всё было сделано правильно. И, как видишь, все обошлось хорошо».

— Вы — единственный перебежчик из спецслужб, который был реабилитирован?

Я не был реабилитирован, но в Москву мне удалось вернуться. В 1991 году, после неудавшегося путча, в прессе много писали о спецчастях госбезопасности, которые отказались идти в Белый Дом и атаковать законное правительство. После поражения заговорщиков непокорных офицеров никто не наказывал. Наоборот — все они были повышены в званиях и многие даже награждены. Причина такой необычной реакции властей была объяснена просто — отказ выполнить преступный приказ преступлением не является.

Я зацепился за эту формулировку и написал письмо в КГБ, в котором задал ехидный вопрос: почему же те офицеры госбезопасности, которые в прошлом советского государства отказались от преступных заданий или сорвали их, были автоматически присуждены к высшей мере наказания? Я привёл свой пример. Напомнил, что и генерал Судоплатов, и генерал Эйтингон вместе с другими высокими чинами госбезопасности были присуждены к долгим срокам тюремного заключения за орга-

низацию как раз таких уголовных преступлений, одно из которых было поручено моему отделу, и за срыв его я был приговорен к «вышке». Ну и имел нахальство заявить, что было бы логично, если председатель КГБ задал бы такой вопрос самому президенту России.

Каково же было мое удивление, когда через неделю я получил письмо из КГБ. В нем вежливо сообщалось, что председатель КГБ прочёл моё письмо и намерен обсудить его с Президентом. Я посчитал это письмо бюрократической отпиской.

Однако вскоре после письма из КГБ на факультета психологии при Калифорнийском штатном университете, где я уже давно служил старшим профессором психологии и утилизации компьютеров в научных исследованиях, пришло письмо на моё имя от некоего Николаса Беттела, члена Британской палаты лордов. Он хотел бы встретиться со мной в Москве, чтобы узнать от меня и Яны детали нашей истории.

Я на всякий случай обратился в консульство с дурацким вопросом, не дадут ли они мне визу в Москву. Консульство ответило, что вообще-то дело не сложное, но в моём случае они должны получить специальное разрешения от МИДа в Москве, а ничего такого к ним не поступало. Если поступит, мне сообщат.

И вдруг произошло что-то совершенно непредвиденное. Консульство прислало мне не только визу на месяц, но и копию президентского указа на моё имя, в котором Ельцин объявлял о моем помиловании и закрытии моего дела. Вот этого я совсем не ожидал. Более того, продиктовав утром текст указа о моём помиловании, Ельцин не разрешил ставить автоматически его подпись под указом, а приказал подготовить окончательный текст с тем, чтобы после обеда, вернувшись в кабинет, он мог бы его проверить и сам поставить свою подпись. Не знаю, что он думал или чувствовал, но вполне возможно, что Борису Николаевичу я обязан своей жизнью.

В середине мая я встретился с Беттелом во франкфуртском аэропорту, и в тот же день наш самолёт приземлился в Москве.

— Недавно один сотрудник спецслужб сказал, что разведчик не имеет право рассуждать, он должен выполнять приказ. Что Вы могли бы ему ответить?

Во время процесса над нацистами в Нюрнберге нацистские преступники всё время утверждали, что они всего лишь «выполняли приказ». И судьи, и всё мировое общественное мнение признало, что выполнение преступного приказа тоже есть преступление. Преступников строго наказали. Если Ваш знакомый из спецслужбы этого не понимает, то возможно, и ему когда-нибудь будет вынесен такой же приговор. В этой жизни или следующей, большой роли не играет. В мирное время честный разведчик обязан «рассуждать».

Власть и правящий слой

Из резолюции Совета НТС 1956 года «Политическая обстановка, власть и правящий слой, народ и революционные силы после XX съезда КПСС»

Культ личности

Коммунистические диктаторы выступили на XX съезде с осуждением Сталина, своего вождя и учителя. Люди, которые вместе со Сталиным создавали коммунистический режим, которые всеми силами поддерживали Сталина, энергично проводили в жизнь его преступные замыслы, пытаются теперь свалить на него всю ответственность. Более того, в своем постановлении от 30 июня с. г. ЦК партии пытается свалить вину на народ, утверждая, что народ якобы поддерживал Сталина, создавал «культ личности». Этим коммунистические диктаторы показывают свою трусость и своё циничное отношение к народу.

Коммунистические диктаторы хотят весь произвол и несправие, царившие в сталинские времена, объяснить личными качествами Сталина. Но эта уловка не поможет. Фиговым листком «культа личности» нельзя скрыть тот факт, что в течение десятков лет силами коммунистической партии творились те преступления, в которых сейчас обвиняют только Сталина, Ежова и Берия. Нельзя скрыть тот факт, что коммунистическая партия и её «ленинское ядро», которое, по заявлению ЦК, все время существовало, не воспрепятствовали «культу личности», всем кровавым его проявлениям.

Идея диктатуры пролетариата неизбежно вырождается в диктатуру партии над пролетариатом. Диктатура партии закономерно вырождается в диктатуру вождя над партией. Логическим завершением однопартийной диктатуры является единоличная диктатура. Сталинская диктатура была не случайным явлением, а органической частью коммунистической системы. Коммунистические диктаторы, разоблачая сталинскую диктатуру, тем самым разоблачают коммунистическую систему, разоблачают самих себя.

Они стали на путь саморазоблачения по необходимости. Борьба в правящей верхушке, начавшаяся в день смерти диктатора, шла в течение трёх лет и ускорила процесс разложения власти. К XX съезду правящая верхушка пришла раздираемая противоречиями, изолированная не только от народа, но и от партийных масс.

Каковы же итоги «преодоления культа личности» на XX съезде?

Во-первых — дробление власти, ведущее к дальнейшему ослаблению и разложению тоталитарного режима.

Во-вторых, — удар по престижу коммунистических диктаторов, которые были активными соучастниками преступлений сталинского периода.

В-третьих, — дискредитация коммунистического режима, допустившего двадцатилетний произвол «маньяка» Сталина и «империалистических агентов» Ежова и Берия.

Правящий слой

Все основные решения на XX съезде приняты под знаком обороны от народного возмущения и революционного напора. Они вынуждены существовать в стране революционной ситуацией. Задача обороны от революционных сил господствует над главнейшими стратегическими решениями коммунистических диктаторов. Этой же задаче подчинён план мобилизации правящего слоя, превращения его в контингент людей, способных самостоятельно и инициативно, на всех участках, бороться с революционными силами. Главное решение XX съезда — попытка опереться в борьбе за сохранение коммунистической диктатуры на правящий слой и противопоставить его революционным силам.

В ленинский период правящий слой рекрутировался главным образом из идейных единомышленников. Репрессии по отношению к нему, как правило, не допускались. Для коммунистической диктатуры сталинского времени характерно недоверие к правящему слою, распространение на него дей-

ствия органов террора. На XX съезде коммунистические диктаторы отказались проводить в отношении правящего слоя политику террора и стремятся возродить в нем те качества, которыми обладал партийный актив в ленинские времена. Однако с тех пор идеи коммунизма давно утратили свою силу, и вхождение в партию во времена единоличной диктатуры обуславливалось бюрократической неизбежностью, заложенной в структуре советского строя. Сейчас партия состоит из аппаратчиков-исполнителей и бесправной партийной массы. Теперь партию хотят превратить в правящий слой, с небольшим процентом рабочих и крестьян, которые будут играть исключительно декоративную роль.

Противоречия в правящем слое

Правящий слой, по мере привлечения его к соучастию во власти и по мере дальнейшего своего расширения, сталкивается с проблемой ответственности, которая неизбежно расщепит его.

Одна его часть, игнорируя народ, будет эгоистично добиваться от власти еще больших гарантий и привилегий для себя, стремиться закрепить своё положение правящего слоя и оставить нетронутым основной фундамент режима.

Другая часть будет добиваться от власти реформ и постепенной эволюции коммунистического режима к некоей форме правового государства, которая в идеале часто приближается к одному из вариантов западноевропейского социализма. Эта часть не приемлет замысла «идеологического эталона» и надеется на изменение самих основ коммунистического режима. Боясь потрясений и революции, особенно в её классической форме, желая сохранить своё привилегированное положение, эта часть правящего слоя, однако, понимает, что вырвать реформы у власти возможно лишь при нарастании революционной ситуации. Отсюда — её политическая слабость, обусловленная страхом перед новым укреплением коммунистических диктаторов, с одной стороны, и страхом перед революцией, с другой.

Таким образом, план власти по мобилизации всего правящего слоя на борьбу с революционными силами наталкивается на противоречия в самом правящем слое и не может быть реализован. Провести силами правящего слоя решительное наступление против революционных сил не удастся. Объективно, в своем развитии этот план не только не содействует конечной цели власти — снятию революционной ситуации, но, наоборот, обостряет её.

Дальнейшее становление и развитие правящего слоя неизбежно повлечёт за собой углубление противоречий в нём. Приведёт к выявлению тех политических течений, которые рано или поздно должны будут обратиться за поддержкой к народу.

Реформизм

Обещания и уступки власти, её лихорадочные обращения к правящему слою (речь Хрущёва, ставшая, помимо воли власти, известной народу) спо-

собствуют развитию нескольких течений реформизма в стране.

1. «Пассивный реформизм» — ожидание реформ от власти на основании, главным образом, надежд, вызванных обращением власти к правящему слою и ошибочно воспринимаемых как перспектива для всего народа. Это течение, основанное на «ожидании милостей» от власти, объективно тормозит развертывание борьбы и поддерживает на данном этапе коммунистическую диктатуру. Оно неизбежно пойдет на убыль по мере выяснения необоснованности надежд.

2. «Активный реформизм» — стремление путём давления на власть, прежде всего на фронте экономической борьбы, вынудить реформы, улучшающие положение народа. Это течение не ставит задачей изменить основы режима. По мере нарастания борьбы на экономическом фронте, это течение объективно станет попутчиком, хотя и не всегда сознательно, революционных сил.

3. «Радикальный реформизм» — требование коренных, последовательных изменений, ведущих к правовому строю эволюционным путем. Это течение, по мере нарастания революционной ситуации, объективно станет союзником революционных сил в общей борьбе за единые конечные цели.

Эти течения реформизма уже сейчас находят своё отражение в жизни страны.

У одних это выражается в пассивном ожидании, в надеждах на проведение властью «реформ сверху», которые якобы поведут к существенному улучшению положения народа.

У других это выражается в самостоятельных попытках добиться улучшения своего положения в рамках существующей системы путём нарушения отдельных её элементов (увеличение приусадебных участков, личное предпринимательство, превышение норм владения скотом, находящимся в индивидуальном пользовании, и т. п.).

У третьих это выражается в попытках подорвать основы режима, что проявляется, главным образом, в идейной и культурной жизни. Они используют для этого легальные возможности критики, научных дискуссий, художественного творчества, выхода за рамки цензуры (статья Померанцева в «Новом мире», выступления юристов в «Государстве и праве», дискуссия об истории России в «Вопросах истории» и т. д.).

Дальнейшее развитие реформизма влияет на формирование общественного мнения в стране. Становление открытого и полуоткрытого общественного мнения будет стимулировать более тесное соприкосновение реформистских течений с революционными силами.

Задачи революционного движения в новой обстановке

Новая обстановка ставит перед революционным движением дополнительные задачи:

— значительно шире, полнее и интенсивнее, чем до сих пор, раскрывать свою идейно-политическую

сущность, укрепляя и развивая свой моральный и политический авторитет; идейно вооружать и политически направлять союзные факторы и все те проявления общественно-политической жизни, которые ускользают из-под контроля власти;

— содействовать дальнейшему расслоению, ослаблению и разложению правящего слоя; находить в его среде попутчиков, а также и возможных союзников освободительного дела; политически изолировать ту его часть, которая стоит на позициях безусловной поддержки режима;

— своевременно указывать народу на все методы борьбы власти с назревающей революцией, раскрывая их подлинную сущность и показывая их конечную несостоятельность;

— использовать вновь открывающиеся организационные возможности, связанные с легальной и полулегальной борьбой народа;

— превращать выступления на экономической почве в выступления политические, вооружая борющихся политическими идеями и лозунгами, призывая их выставлять максимальные требования (подобно тому, как поступили польские революционеры в Познани);

— также использовать и антиправительственные уличные демонстрации (Тбилиси, Калининград и др.), независимо от того, какими причинами они вызваны;

— продолжать организацию подпольных революционных сил на основе молекулярного принципа, остающегося действительным и в новой обстановке;

— применительно к новым условиям, политически формулировать и выдвигать конкретные требования отдельных слоёв или групп населения;

— выступать и с позиций государственного фактора, что обязывает не только к критике негативной, но и критике конструктивной: выдвижение и популяризация необходимых мер, обусловленных народными потребностями (при существующем режиме эти меры либо не проводятся вовсе, либо, будучи правильными сами по себе, проводятся в уродливой форме или неполноценно);

— усилить использование технических средств советского государства — его типографских, газетных предприятий, его средств связи и иных материальных ресурсов на нужды революционной борьбы;

— организовать сборы средств среди населения на освободительную борьбу революционных сил.

Ослабевающая и вырождающаяся власть добровольно не уйдет; она не прекратит угнетения и эксплуатации народа; защищая себя от неизбежной гибели, она будет прибегать к самым низким и жестоким методам борьбы против народа и его революционных сил. Но не задушить коммунистическим диктаторам дело Свободы!

Остерегая себя и всех своих союзников и друзей от вступления на путь развязывания страстей, путь разрушения, мести, сведения личных счетов, неоправданного насилия, вдохновляясь светлым будущим Родины и народа, во имя Правды, Справедливости и Свободы, поднялись мы на борьбу.

Сильные правотой нашего дела, доверием и поддержкой народной, вместе с народом идем мы по трудной дороге испытаний, жертв и борьбы. Вместе с ним мы победим!

14 июля 1956 года.

1956-1991. ПЕРИОД «СТУПЕНЧАТОГО СНОСА ДИКТАТУРЫ»

Абдурахман Авторханов

Развитие стратегической мысли российских солидаристов

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СБОРНИКУ РЕШЕНИЙ СОВЕТА НТС. — ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ: ПОСЕВ

Организация российских солидаристов, широко известная в СССР и на Западе по ее сокращенному названию — НТС (Народно-Трудовой Союз), есть та борющаяся с тиранией другая *Россия*, которую Политбюро устами шефа КГБ Андропова объявила своим «врагом номер один» (см. «Нойе цюрхер цейтунг», 22.XII.1967 г.). Эта справедливая, заслуженная и высокая оценка от тиранов свидетельствует о той широкой и интенсивной работе российских солидаристов в самой стране, которая причиняет партийно-полицейскому аппарату беспокойство и страх. И это понятно: никогда за всю историю большевистской диктатуры в стра-

не не было такой благодарной почвы для зёрен *свободы*, которые сеют там солидаристы: *нелегально* — своими ячейками, о которых, в силу условий полицейского режима, НТС ничего не может сообщать; *легально* — бесконечным потоком в страну свободной литературы ненавистного чекистам «Посева». Всё это вызывает не только страх, — ведь свободного слова в Кремле боятся больше, чем атомных бомб, — но и ответную реакцию Кремля в виде государственно организованной клеветы на НТС. Иван Грозный был просто джентльмен в его споре с первым русским эмигрантом князем Курбским, в его знаменитой переписке с ним, по сравнению с баши-

бузуками из КГБ, которые прибегают к беспримерным в политической борьбе инсинуациям. Я, как русский историк и как свидетель, наблюдающий за клеветнической кампанией КГБ против НТС за эти послевоенные годы, констатирую: в самые мрачные периоды истории русского абсолютизма правительство и его полицейские органы даже и в мыслях не допускали применения таких диких приемов клеветы против инакомыслящих, как это делает советское руководство в последние десятилетия по отношению к НТС. Но кроме вражеской клеветы, существует еще и «клевета друзей», которая основана на незнании истории борьбы солидаристов с большевизмом. Им тоже будет полезно познакомиться с документацией этой борьбы. Однако НТС не претендует и не может претендовать на исключительность и безгрешность. Он есть организация со своим собственным политико-философским мировоззрением, собственной тактико-стратегической концепцией свержения диктатуры парткратии, политической и социально-экономической программой для той будущей России, которой другие организации могут противопоставить другие политические программы. Однако НТС пока что есть единственная политическая организация, предложившая альтернативу существующему в стране режиму — отказаться от тирании и перейти к правовому государству, основанному на синтезе двух элементов: лучших достижений западной демократии и возрождения духовных и национальных ценностей, на которых держалась не оскверненная большевиками Россия. Это своё право бороться за новую Россию солидаристы объявили одновременно своей обязанностью и долгом перед страной. По пути выполнения этого долга, в неравной борьбе с большевистским колоссом, последовательно и бескомпромиссно шагают русские солидаристы вот уже полвека. Сотни их соратников погибли в подвалах и концлагерях чекистов. Два десятка их руководящих деятелей были расстреляны в подвалах Гестапо, около двух сотен солидаристов томились в этих подвалах за то, что они накануне второй мировой войны выдвинули лозунг: «Ни со Сталином, ни с Гитлером, а с нашим народом!». Половина нынешнего высшего руководства солидаристов тоже сидела в Гестапо. Это их счастье, что они не были «освобождены» Красной армией!

Программная установка первых лет состояла из триединой формулы «Идеализм, национализм, активизм». Чтобы раскрыть содержание этой формулы, надо вспомнить исторические условия, в которых она рождалась, и надо знать людей, которые ее выдвинули. Люди эти были те мальчики и девочки, которых увезли их родители, спасая их от наступающего красного полчища. Впечатлительные дети бывали свидетелями ужасающих картин кровавой расправы оголтелых красных банд над мирным населением. Такой наглядный урок истории как раз в детстве запечатлевается на всю жизнь. Совершенно естественно, что эти дети, когда они

выросли, поклялись служить своему идеалу («идеализм»), практически — родине, которую у них отняли большевики, служить *национальным интересам России* («национализм»). Которые большевики поставили на службу своим интернациональным целям для подготовки мировой революции, служить жертвенно и *активно* («активизм»), вместо того чтобы прозябать в эмигрантской пустой ностальгии по родине. Первоначальный НТС, собственно, и был молодёжной организацией; он назывался НТСНП — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, а старые верхогляды еще острили по их адресу: «нацмальчики».

Вероятно, неслучайной была и дата рождения организации солидаристов. В год её основания — 1930 г. — Сталин совершил преступление, которому история человечества не знает примера: он провел кровавую принудительную коллективизацию, во время которой, по его же словам, в беседе с Черчиллем, погибло около 10 миллионов крестьян. Сталин назвал это свое преступление «революцией сверху», равной по своим целям и последствиям самой Октябрьской революции 1917 г. Объявленными целями «колхозной революции» были: 1) поднять рентабельность сельского хозяйства путём перехода от индивидуальных крестьянских хозяйств к крупному коллективному хозяйству и 2) на основе этого построить в деревне благоденствующий «социализм». Ни той, ни другой цели Сталин не добился, ибо советское сельское хозяйство — самое нерентабельное в индустриальных странах мира, а стандарт жизни при «деревенском социализме» был и остается в два раза ниже даже пресловуто скандального

уровня жизни в условиях «городского социализма». Но объявленные цели, собственно, и не были действительными целями Сталина. На самом деле он преследовал другие две цели: 1) установить тотальный, как и в городе, контроль над крестьянством, а для этого «национализировать» не только хозяйство крестьянина, но и его самого, 2) на этой основе предупредить и парализовать сопротивление самого многочисленного (80% населения страны), самого морально здорового и национально устойчивого антикоммунистического класса страны — крестьянства. Уже своим названием — «Национально-Трудовой Союз» — российские солидаристы подчёркивали, что их занимает в первую очередь трагическая судьба субстанции русской нации — трудового российского крестьянства. Этому вопросу посвящены не только отдельные разработки НТС в стратегическом плане, но и целые исследования (см. «Трагедия российского крестьянства» В. Мерцалова, изд. «Посев»).

Переходя к рассмотрению узловых стратегических проблем, представленных в данной публикации, надо подчеркнуть: НТС — живой политический организм, который действует в живой исторической среде. Если его главная стратегическая цель — свержение тирании — остаётся неизменной, то его тактика, методы, формы, приоритеты, акценты находятся в постоянном развитии и изменении в зависимости от развития и изменения того объекта, куда направлен его главный стратегический удар. Это вызывало часто критику по адресу НТС: вы, мол, изменяете делу Национальной Революции и становитесь на путь «реформизма» (например, в связи с Гаагским конгрессом за права и свободу в России, проведённым по инициативе НТС в 1957 г.). Между тем, солидаристы били в верную цель и точно угадали тенденцию дальнейшего политического развития в СССР после разоблачения Сталина на XX съезде КПСС. Чтобы повлиять на ускорение этого процесса духовной эмансипации советского человека, солидаристы делают акцент на распространение свободного устного (радиостанция «Свободная Россия») и печатного слова (листовки, журналы, брошюры, книги «Посева»). В результате этих интенсивных акций солидаристов орган издательства «Посев» — журнал «Грани» открыл нам «Самиздат», а советской интеллигенции открыл «Тамиздат». Это была воистину историческая заслуга российских солидаристов. Хорошему примеру последовали даже иностранные издательства и организации. Нелегальная циркуляция между СССР и Западом сначала художественной, а под конец и публицистической литературы стала почти «явочно-легальным» обычным фактом. А сколько ядовитых стрел пускали по адресу солидаристов: «Вы подводите тамошних людей, публикуя их произведения, подписанные их подлинными именами», хотя огласки их имён настойчиво требовали сами советские авторы. Под влиянием нового психологического климата в стране и в связи с ро-

стом контактов между Западом и СССР подверглась эволюции и сама солидаристическая доктрина Национальной Революции в России. Новые социальные факторы, новые поиски стратегической мысли привели к расширению и многообразию революционных приёмов. Радикально расширялось или, если угодно, модернизировалось само понятие «Национальной Революции». Оно перестало быть голой схемой. Оно стало ёмким, «плюралистическим» и более конкретным в разных вариантах. Не переставая быть понятием политическим в классическом смысле, революция в новой трактовке солидаристов стала понятием и социологическим, когда радикальные реформы могут иметь последствия, равнозначные революции.

Вот как отразилось обогащение революционной стратегической мысли в документах солидаристов. В «Основах дела национально-Трудового Союза» (1946) были изложены теоретические ориентиры Национальной Революции, этапы её развития, как себе это мыслили тогда солидаристы:

«Революция никогда не возникает внезапно. Свержению враждебной народу власти, в особенности тоталитарной диктатуры, предшествует долгий период зарождения, организации и разрастания революционной борьбы. Вся революционная борьба имеет, по существу, три основных этапа:

Первый этап — зарождение и оформление идеи. На этом этапе закладывается фундамент всего революционного движения — его творческая идея, которая в дальнейшем лишь развивается и совершенствуется. Если идея верна, если она отвечает стремлениям и нуждам народа, можно с уверенностью сказать, что, независимо от всех усилий антинародной власти подавить её, эта идея овладеет умом и сердцем ведущего слоя нации...

Второй этап — преимущественно организационное развитие революционного дела... Здесь организация окончательно оформляет свою структуру, устанавливает свои стратегические и тактические принципы, укрепляет и увеличивает свои оперативные силы, способные развернуть широкую освободительную борьбу.

Третий этап — развёртывание борьбы во всех направлениях, мобилизация всех революционных сил. Борьба и наступление на всех фронтах ведутся с привлечением широких слоев населения. Время завершающего акта — свержения антинародной диктатуры — зависит... от силы революционной организации и руководимого ею народно-революционного движения».

Чекисты прилагают немалые усилия, чтобы ривосовать солидаристов «поджигателями войны», которым хотелось бы вернуться в Россию в обозе завоевателей. Программное письмо солидаристов от 28.7.1948 г., написанное через три года после окончания второй мировой войны, опровергает эту ложь. Письмо звучит, как будто оно написано сегодня: «Не должны мы закрывать глаза и на тот факт, что все народы мира, в том числе и наш народ,

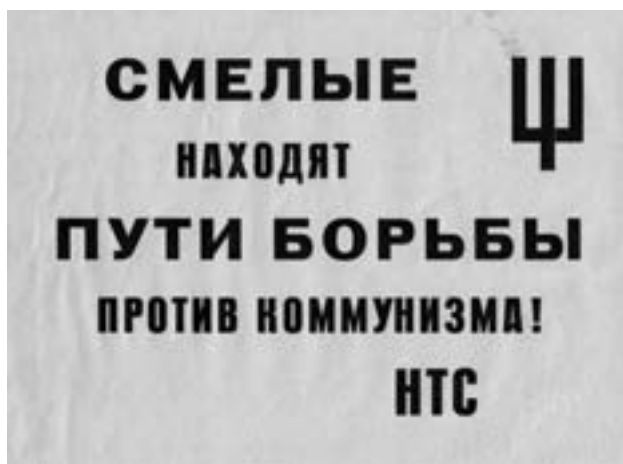
не хотят войны, боятся ее и готовы идти на большие жертвы, чтобы избежать атомных разрушений, гибели миллионов дорогих и близких людей. Исходя из этого, по моральным и политическим соображениям, мы должны делать ставку на Национальную Революцию, совершаемую силами нашего народа до внешнего конфликта» («Дорогой друг» — циркуляр Исполнительного бюро).

На первом же съезде восстановленного после войны Совета НТС (5–9 июля 1946 г.) была сформулирована его внешнеполитическая линия в следующих словах:

«Наша основная ставка — на наш народ и наши силы. Внешние события и силы могут играть в судьбе нашей Родины очень большую тормозящую или способствующую революционно-освободительным процессам роль, но роль отнюдь не решающую. Степень использования благоприятной внешней обстановки будет зависеть от степени признания нас со стороны иностранных факторов и от нашей настойчивости в утверждении Союза в качестве самостоятельной российской силы. Отсюда вытекают наши задачи в иностранном мире: а) представительство во внешнем мире для освободительной борьбы и всего нашего народа; б) нахождение и использование союзных нам сил, кругов и факторов внешнего мира — враждебных коммунистической диктатуре и благоприятствующих идеесвободной России; в) стимулирование во внешнем мире процессов, ведущих к созданию благоприятной для революционно-освободительной борьбы обстановки».

Солидаристы предпочли бы «мирный путь революции», но они считают с реальностью: партолигархия добровольно своей власти народу не уступит, а народ, доведённый тиранической властью до предела терпения, сам может подняться против тиранов. Такой взрыв режима будет означать «стихийную революцию», как это было два раза в самой русской истории — в 1905 г. и в феврале 1917 г. (третья, Октябрьская, была не народная, не стихийная, а организованная монопартийная революция). В этой связи солидаристы заявляют:

Политическая революция есть процесс замены одних государственных принципов другими. Процесс этот растянут во времени и должен принять и принимает формы насильственного взрыва лишь тогда, когда наступает ситуация, в которой правящие верхи оказываются неспособными изменить принципы своего управления, пойти навстречу требованиям общества и ответить на вызов времени. Революционный взрыв нельзя вызвать искусственно, но его нельзя и остановить «антиреволюционными» декларациями, от него не зачураться возгласами: «Мы не хотим насилия!» И, предпочитая мирный и ненасильственный путь преобразований (как солидаристы тоже его предпочитали бы), нельзя закрывать глаза на тот факт, что правящая верхушка КПСС своей близорукой политикой отказа от сколько-нибудь существенных форм, систематическим зажимом всех форм свободы и преследова-

нием всех видов оппозиции создает в стране именно то положение, которое Ленин справедливо называл «революционной ситуацией»: верхи не могут управлять по-старому, а низы не могут жить по-старому.

В декабре 1952 г., анализируя итоги XX съезда КПСС, Совет НТС отмечает:

«В силу закономерного развития коммунизма растут безыдейность и слабость власти... Но не будем предаваться иллюзиям, что революция произойдет сама собой. Она должна быть подготовлена и осуществлена организованными революционными силами».

Еще ранее, в январе 1952 г., Съезд Совета записал:

«Освободительная революция против большевистской тирании должна готовиться и проводиться не только ради разрушения существующего на родине жестокого строя и не для реставрации прошлого, а во имя творческой идеи свободного построения лучшего и справедливого социально-политического порядка. Осуществление такой революции возможно только в том случае, если на борьбу с большевизмом будут мобилизованы все слои населения»...

Однако Совет НТС из понятия «революция» решительно исключает террор и диверсии. В той же резолюции подчеркнута: «Индивидуальный террор, диверсия, игра на низменных инстинктах должны быть категорически исключены из дела освободительной борьбы»... Несмотря на то, что чекисты стараются спровоцировать НТС на переход к тактике индивидуального террора (захват члена Совета НТС А. Трушновича, попытки покушений на членов Совета Г. Околовича и В. Поремского), НТС в мае 1954 г. ещё раз повторяет своё постановление, опровергающее террор и диверсии.

Очередной съезд Совета НТС в июле 1956 г. принял развернутую резолюцию, озаглавленную: «Политическая обстановка, власть и правящий слой, народ и революционные силы после XX съезда КПСС». Оценка Советом НТС решений XX съезда по разоблачению преступлений Сталина и его «культы личности», а также анализ политической атмосферы в стране, сложившейся после разоблачений Сталина, оказались верными. Совет дал

также оценку и тем надеждам народа на реформы («реформизм»), которые были тогда широко распространены в стране («оттепель»).

Нетрудно угадать в этом анализе совершенно ясное предвидение возникновения будущих движений — таких, как «Демократическое движение», «Правозащитное движение», движение защитников веры, национальные движения, профсоюзное движение.

Однако стратегическая мысль солидаристов находится в бесперывных поисках наиболее оптимального решения проблемы революции, то есть такого решения, которое можно было бы назвать «мирной революцией». Солидаристы отводят все обвинения по их адресу, что они проповедуют народное кровопролитие.

В «Стратегических проблемах освободительной борьбы» (1972 г.) дано определение, о какой революции идет речь у российских солидаристов:

«Понятие “революция” используется нашими противниками для обвинения нас в стремлении к террору, гражданской войне и пролитию крови. Это обвинение недобросовестно. Революция для нас отнюдь не самоцель и самоценность, но социологическое понятие, означающее радикальное изменение существующих общественных отношений; конкретно, полное и окончательное преодоление социализма того вида, в котором он построен Сталиным и поддерживается его наследниками. Понятие революции само по себе отнюдь не связано с насилием и кровопролитием. Открытия Коперника или Дарвина тоже справедливо называются “революционными”, и никто не думает о кровопролитии, говоря о промышленной и научно-технической революции. Христианство означало революцию, то есть коренной переворот в религиозных представлениях человечества. Введение демократии в политическую жизнь народов было революционным актом. Революционно всё, что перестраивает существующее на новой основе, что изменяет не проявления, не поверхность, а принципиальный подход к бытию. Тот, кто считает бессмысленным вымалывание поблажек у олигархической диктатуры и понимает, что права и свободы не дают, а берут, в наших глазах — революционер».

Солидаристы предвидят, что смена режима может происходить в разных формах, при помощи разных методов, — мирных и немирных, — при участии разных социальных сил или даже в результате взаимодействия всех этих форм, методов и сил.

В «Программе Народно-Трудового Союза (российских солидаристов)» говорится, что революция в СССР может происходить в разных формах и на разных путях. Там сказано:

«Смена режима может быть осуществлена:

либо путем постоянной и повсеместной организованной борьбы за осуществление нарастающих требований народа, путем постепенного разрушения партийных монополий;

- либо путем захвата власти, с целью проведения радикальных изменений режима, группой людей, занимающих ключевые позиции в партийно-государственном аппарате или в армии;
- либо путем открытых столкновений народа с карательными органами власти, переходящих во всеобщее восстание;
- либо, что вероятнее всего, в результате взаимодействия этих путей» (с. 134, 1975, «Посев»).

Даже интеллигентные советские люди оправдывают свою поддержку коммунистической диктатуры ссылкой на то, что они не знают другой, разумной альтернативы. На это российские солидаристы ответили подробнейшим образом разработанной политической, экономической, социальной и культурной программой. Изданная массовым тиражом в изданной выше книге «Программы» на 142 страницах, она уже нашла дорогу к советскому человеку.

С солидаристами можно и нужно спорить, но невозможно оспаривать, что солидаристы предложили стране свою развернутую альтернативу:

почему и как надо ликвидировать советскую тиранию,

1. как и на каких основах надо создавать новое, правовое государство.

Более того. В этой программе предложены и мероприятия, которые должны быть проведены в жизнь уже в «переходный период». Сюда входят:

полное умиротворение страны и установление единого правопорядка;

1. упразднение управительных органов на местах и создание системы местных самоуправлений;
2. роспуск КПСС, запрещение деятельности всех её учреждений, конфискация её имущества;
3. ликвидация всех органов террора, предание суду персонально виновных в преступлениях против человечности, недопущение самосудов;
4. освобождение всех политзаключённых;
5. недопущение дискриминации по признаку прежнего состояния в КПСС;
6. обеспечение условий для возникновения свободной печати, общественных объединений и политических организаций;
7. переход всех земель и имущества колхозов в руки самих крестьян;
8. содействие развитию, наравне с государственным, общественного и частного секторов хозяйства;
9. сохранение обороноспособности страны и неприкосновенности её границ;
10. вывод войск из оккупированных «братских стран», прекращение поддержки коммунистических режимов в других странах;
11. подготовка и проведение свободных выборов во Всенародное учредительное собрание для выработки новой Конституции. На этих выборах НТС будет участвовать как одна из политических партий страны и отстаивать солидаристические принципы и мероприятия, изложенные в его Программе.

Встают ещё два вопроса:

Интересы какого социального класса или социальной группы представляют солидаристы как политическая партия?

1. К какому политическому спектру общественной конфигурации в смысле классического деления партий на правых, центристских и левых можно отнести НТС?

Ответ на первый вопрос вытекает уже из самого мировоззрения НТС — из философии солидаризма. В чем смысл философии солидаризма в общественных отношениях людей, дан ответ в самой Программе солидаристов: «Солидарность является основой общественного развития. Всякий перевес принципов борьбы над принципами солидарности неминуемо ведет к кризисам и потрясениям, разрушающим само общество. Подобно тому, как любовь, привязанность, симпатии, доброжелательство являются преобладающими, например, в семейных отношениях, так и нормальные стремления членов человеческого коллектива к товариществу, взаимопомощи и сотрудничеству, развиваясь до степени осознанной солидарности, становятся основными и преобладающими в общественных отношениях. Новый строй создается поэтому на основе развития и укрепления естественной человеческой солидарности... *Не антагонистическая борьба классов и групп, а солидарность является основой общественного прогресса*» (там же, сс. 39–40). Поэтому Программа солидаристов объявляет свободу не классовой категорией, как у большевиков, а универсальной ценностью всего общества.

«Свобода — необходимое условие развития личности и общества», — сказано в этой Программе. Поэтому НТС, в свете его программных документов, претендует на представительство не классовых и не групповых, а общенародных интересов. Этим по существу дан ответ и на второй вопрос, а именно — к какому политическому спектру отнести НТС? Выдающийся теоретик солидаристов по разработке стратегической мысли В. Д. Поремский писал по тому же вопросу еще в 1948 г.:

«Мы отличаемся от правых, реакционно-реставрационных, консервативных кругов тем, что мы являемся, по существу, течением прогрессивным, органически новаторским. Мы отличаемся от клерикалов отрицанием партийности Церкви и предпочтением духа форме. Мы отличаемся от либералистических направлений отрицанием мнимой спасительности неограниченной формальной свободы и стремлением наполнить свободу духом служения высшим ценностям и жаждой самосовершенствования; мы являемся, в известном смысле, «партией духовного возрождения». Мы отличаемся от левых, социалистических течений тем, что отрицаем решительно, в корне, материалистическое мировоззрение, теорию классовой борьбы и классовой диктатуры и идеал мертвящего коллективизма. Кроме того, будучи сторонниками революционной борьбы с тоталитарной диктатурой, мы исповедуем на даль-

нейшее принцип органической эволюции и социальных реформ» («Дорогой друг» 7.XI.48).

В циркулярном письме НТС того же года эта мысль изложена следующими словами:

«Хотя солидаристическое движение является собой нечто принципиально новое, выходящее за плоскость обычной политической шахматной доски, и является приемлемым для всех прогрессивных сил — будь то отошедшие от марксизма и материализма социалисты, будь то готовые склониться перед народной волей в выборе формы правления будущей России монархисты, — в эмигрантском политическом спектре наше место, скорее всего, между социалистами и либералами» («Дорогой друг» 18.1.48).

По национальному вопросу у солидаристов есть определенная эволюция, но они, видимо, здесь ещё не сказали своего последнего слова, между тем в разработке революционной стратегии в таком многонациональном государстве, как СССР, характер постановки национальной проблемы будет играть выдающуюся роль в смысле притягивания или отталкивания нерусских народов в общем фронте борьбы против советской тирании. Это хорошо понимал такой демагог, как Ленин, когда он, планируя большевистский переворот, писал: «Ни один демократ не может отрицать также *права* Украины на свободное отделение от России» (Ленин, ПСС, т. 32, с. 351). В Программе НТС по национальному вопросу сказано: «Население нынешних союзных республик СССР, путём свободного волеизъявления (плебисцита), само решает, желает ли оно быть в составе России или предпочитает жить в отдельных государственных образованиях. Эти государственные образования, свободным решением, могут продолжать свой исторический путь совместно с Россией, на началах конфедерации. Таким образом открывается перспектива для превращения нынешнего насильственного сообщества Советского Союза в свободное содружество наций — Российский Союз» (сс. 72–73). Такая постановка вопроса для нерусских народов, по моему убеждению, неприемлема. Если солидаристы хотят завоевать доверие и поддержку у нерусских народов в борьбе против большевизма, то следует поставить национальный вопрос так, как ставит его мировая демократия: безусловное признание права нерусских народов СССР на полное национальное самоопределение вплоть до отделения от России. Путь к национальному единению лежит через национальное размежевание. Это и есть психологический итог кошмарной практики «ленинско-сталинской национальной политики» советской империи под эгидой «единого Союза».

Внешний мир заинтересован в сохранении в сохранении в России коммунизма по многим причинам, спас его от гибели дважды: во время гражданской войны, отказавшись поддержать Белое движение, и во время второй мировой войны, оказал Сталину безусловную и неограниченную военно-материальную помощь. Для очистки своей небезупреч-

ной политической совести военные союзники Сталина назвали тиранию Сталина новым типом «восточной демократии». Они же Ялтинской капитуляцией февраля 1945 г. открыли шлюзы коммунизму вовне, во все направления земного шара, в результате чего одна треть человечества в Европе и Азии оказалась под кровавым сапогом Сталина и его единомышленников. Остальное доделывают на наших глазах его наследники. Объективным союзником Сталина в трагедии народов СССР явился и Гитлер со своей тупоумной восточной политикой отождествления большевизма с русским народом, со своей каннибальской философией исторической приверженности русских к тирании и рабству (как будто все народы мира не проходили через рабство, феодализм и абсолютизм). Чем это кончилось, — известно. Нечто подобное происходит и сейчас: на Западе появились «эксперты» по русским делам, которые сегодня проповедают то же самое, что проповедовал вчера Гитлер: русскому человеку нравится родиться рабом и рабом умереть! Это, мол, ему завещали татарские ханы и русские цари. Если случится война и данная философия новоявленных экспертов окажется официальной доктриной западного психологического ведения войны, то Запад должен знать, что он ее проиграет после первого же выстрела. Исторический опыт учит, что русских победить военной силой невозможно, но убедить их силой политической, — революцией, — вполне возможно. Другими словами, Россию победить может только Россия. Стратегия НТС исходит из этого — предложить своему народу убедительную альтернативу освобождения от тирании через революцию.

Я знаю, что слово «революция» пугает многих. Это потому, что не могут забыть звериный лик Ок-

тябрьской революции, в памяти встают кровавые сцены гражданской войны, пугает экстремизм в русском характере, боятся оглушительного взрыва всего этого накопившегося у народа в течение десятилетий произвола диктатуры. Опасаются того, что наблюдал монархист Шульгин в 1917 г.: «Зверь вышел из клетки, но увы, этот зверь был его Величество русский народ!»

Однако Россия теперь другая, — страна сплошной грамотности и тридцатимиллионной интеллигенции. Такая страна может выбрать путь «мирной революции», как его выбрали Греция, Испания, Португалия. Я, конечно, знаю, что СССР — явление уникальное, поэтому и масштабы нужны иные. Зато я знаю и другое: ни в одной стране диктатуры не была так велика жажда свободы, как в нынешнем СССР. Задача осуществления революции в том и заключается, чтобы перевести эту статическую энергию жажды свободы в динамическую энергию борьбы за свободу. Для этого существует тоже вернейший по форме легальный, а по существу революционный путь: *организация всеобщего давления народа на тиранический режим*. Один из мастеров польской августовской «мирной революции» 1980 г. Куронь сказал: «Даже глупейшее правительство в конце концов приходит к выводу, что невозможно управлять страной против воли всего народа». Героическая Польша подаёт пример. Народы СССР имеют все шансы доказать это. Советская тирания не падает только потому, что мы ее как следует не толкаем.

Так повторим же вместе с Ницше:

«Друзья мои, разве я жесток? — Я говорю только: “То, что падает, толкни!”».

Освальд фон Нелль-Брейнинг

Солидаризм — идея для послетоталитарной России

Католический священник Освальд фон Нелль-Брейнинг — один из видных западных учёных, внёсших значительный вклад в развитие теории и практики солидаризма. Автор многочисленных трудов по богословию, философии и социологии, автор папской социальной энциклики «Квадрагезимо анно» (1932). После войны — влиятельный член «Научно-экономического совета» западногерманского министерства экономики, руководимого тогда Людвигом Эрхардом, считающимся одним из авторов «немецкого экономического чуда». Интервью, данное О. фон Нелль-Брейнингом представителям НТС Николаю Артёмову и Михаилу Назарову, публикуется в сокращённом виде.

— У Вас есть опыт, приобретённый в процессе возрождения разрушенной страны, покончившей с тоталитаризмом. В ходе этого социального процесса Вы стояли на позициях солидаризма, о котором идёт речь и в Ваших книгах. Вы принимали участие в создании «немецкого экономического чуда». Принципы солидаризма и персонализма отражены в социальном устрой-

стве и конституции Федеративной Республики Германии. Как Вы оцениваете роль солидаризма в построении этой новой Германии?

— Само слово «солидаризм» не играло никакой роли при возрождении свободной части Германии после конца нацистского господства. Солидаристические идеи оказали влияние, однако никто не употреблял слова «солидаризм». В том числе и те не-

многочисленные католические круги, которые называли свои представления об общественном порядке солидаризмом, едва ли упоминали это слово открыто, — по той простой причине, что оно не производит у нас впечатления.

Социализм — этот термин обладает чрезвычайной притягательной силой, и не только среди рабочих. Услышав же слово «солидаризм», люди лишь покачивают головой, оно не вызывает у них никаких эмоций. Но на практике под маркой «социализма» воплощается немало солидаристических идей.

У меня лично очень хорошие отношения с ведущими — больше в смысле идейном, чем политическом — социал-демократами. И они вполне разделяют все важнейшие принципы, которые мы назвали бы солидаристическими. Но как только я употребляю слово «солидаризм», они тут же поднимают руки: «Нет-нет, об этом мы и слышать не хотим!» И я не настаиваю. Мне важно, чтобы дело делалось; мне безразлично, какое имя будет дано новорождённому.

Если мы хотим, чтобы люди осуществили эти идеи, то мы прежде всего должны избегать этого слова. Это вас удивит, но это факт.

— Но ведь солидаризм можно назвать и по-другому: «христианское социальное учение»?

— Да, вы правы, под этим названием многие принимают это учение, причем даже те, которые отрещиваются от него, когда оно выступает под именем «солидаризма». После всех ужасов нацизма католическая Церковь приобрела очень большое уважение именно из-за её социального учения. Христиане в Германии не имели никакого учения об обществе, кроме социального учения католической Церкви. Общественное мнение знало, собственно, только католическое социальное учение, и можно сказать, даже переоценивало это учение.

— Хотелось бы узнать подробнее о Вашем практическом вкладе в построение посттоталитарного государственного устройства Германии.

— Я не политик, никогда не стоял у власти и никогда не стремился к этому. В известной степени я был советником правительства. И чему вы могли бы у меня научиться — это принципам. Я их никогда не скрывал, они содержатся в моих книгах, и вы их читали.

Я принимал участие в работе «Научно-экономического совета», который сначала был совещательным органом по управлению объединённых экономических территорий, а после образования ФРГ — участвовал в выработке экономической политики страны. Авторитетные члены Совета считали, что в наших экспертных отчётах очень сильно чувствовалось моё влияние. Но, в общем, невозможно разделить, где чьё, мы работали вместе. Позже один из моих коллег сказал: «Вы были нашей совестью». Это верно по своей сути, так как я всегда обращал внимание на этическую сторону обсуждавшихся нами проблем.

— Сколько человек входило в состав этого Совета?

— Сначала было 17, потом, кажется, 25. Замысел был таков: 8 специалистов по рыночной экономике, 8 специалистов по централизованному планированию, и я — семнадцатый. Но эти деления в процессе работы исчезли. В действительности это было 17 человек, обладавших здравым человеческим смыслом. У нас никогда не было конфликтов, в большинстве вопросов мы приходили к единому мнению. Могу припомнить лишь один жаркий спор: о том, понял ли что-либо наш министр экономики Эрхард или нет.

Нашим сознанием руководили две основных мысли: то, что мы пережили, не должно повториться; и вторая — мы должны создать такую общественную систему, которая обеспечивала бы разумное и здоровое равновесие между свободным самоопределением индивидуума и его обязанностями по отношению к обществу. При этом шок, полученный от тоталитаризма, побуждал нас в случае сомнения склоняться скорее в сторону свободы, чем в сторону социальных обязанностей. Эта опасность, конечно, существовала. В области экономики эта тенденция выражалась в неолиберализме.

Насколько позволяло моё влияние, я старался приглушить эту неолиберальную тенденцию и достичь равновесия между нею и тенденцией «свободного демократического социализма», который тогда называл себя также неосоциализмом. В Совете я выполнял роль как бы шарнира между этими обеими группами, и думаю, что это во многом способствовало тому, что мы практически всегда приходили к совместным решениям.

— Для нас, российских солидаристов, очень важно, что после краха тоталитаризма в Германии солидаризм был той основой, на которой строилось новое общество; что и сегодня ещё можно еще найти много элементов солидаризма.

— Да, это так. Только этого не принято говорить... В основе экспертных отчетов нашего «Научно-экономического Совета» лежало многое из католического социального учения. Но попробуйте сказать об этом вслух!

— Нам тоже приходится сталкиваться с непониманием и недоверием. Кое-кто, не давая себе труда как следует ознакомиться с солидаризмом, утверждает, что мы «хотим ввести солидарность сверху вниз». И мы слышим: «Солидаризм — это тот же тоталитаризм, только в новой, овечьей шкуре». А со стороны христианского мира мы слышим: «Ваш солидаризм — это новая религия, эрзац-религия!» Русский солидарист Сергей Левицкий сформулировал суть солидаризма как «социальную проекцию христианства». Мы имеем в виду воплощение принципов христианства в общественно-политическую жизнь. Однако в России наряду с христианством представлены почти все религии: буддизм, мусульманство, иудаизм и др. Поэто-

му и в социальной области дело обстоит для нас так просто, как в чисто христианских странах. Какова, по-Вашему, вообще связь солидаризма с религией?

— Что исходя из позиций христианства можно прийти к социальной философии солидаризма, доказано на практике, ибо эта философия разработана верующими христианами, в частности, католиками. Но это не значит, что к ней можно прийти только с позиций христианства. Солидаризм — это результат здравого человеческого мышления, и поэтому приемлем для каждого. Даже атеист, надо надеяться, способен к здравому мышлению. В ФРГ даже люди, которые лично не считают себя христианами, воспринимают слова: «Да, это по-христиански», — как похвалу. Все находят это положительным. Но вполне возможно, что мусульманин будет реагировать на эти слова иначе.

Я всегда придерживался мнения, что то социальное учение, которое мы разрабатываем как католическое, в своей большей части возможно и без ссылки на Христа, и даже без ссылки на теизм, ибо оно следует из самой природы вещей. Но последняя санкция его, то есть безусловное обязательство, что человек не имеет права отказываться от этих норм, что он обязан следовать этому учению, — это мы, конечно, выводим только из святости Бога. Но первоначальный солидаризм, то есть французский, претендовал как раз на то, чтобы быть внецерковной моралью.

Как мы можем предложить норму поведения людей по отношению друг к другу — норму, включающую взаимное уважение, любовь и т. д., — если мы не связываем это со священной волей Божией? В этом и заключалась проблема французского солидаризма. Когда Хайнрих Пеш начал говорить о солидаризме, он сначала натолкнулся на недоверие: ага, он, стало быть, хочет заменить христианство внецерковной этикой...

— И реакция людей бывает весьма негативной, когда они полагают, что мы хотим навязать им солидарность там, где они её и знать не хотят.

— Является ли солидаризм в первую очередь этическим принципом? Я бы сказал: нет! Для меня это прежде всего производное из опыта: так устроен мир. Мы, люди, связаны друг с другом таким образом, что только так и можем быть людьми в том смысле в каком задумал человека Творец. А именно: ни как исключительный индивидуум, ни как простое колесико в большой машине, а как существо, в котором Господь совместил, с одной стороны, неповторимое, заключённое в себе и отвечающее за себя существо, и с другой стороны, существо, которое не может довольствоваться самим собой, а требует для своего самоосуществления общество другого человека. Самое ценное, что человек может испытать и что он может сотворить, вообще не реализуемо в одном индивидууме. Оказать доверие другому человеку я могу, только имея отношение

к другому человеку. Крайний индивидуалист на это не способен.

Или быть благодарным — эта прекрасная добродетель возможна только в отношении к другим людям. Абсолютный индивидуалист — кому он может быть благодарным? Он ничего не может себе представить под этим понятием, не говоря уже об осуществлении его. Такие вещи, как супружеская любовь, любовь ребенка к родителям, исконное доверие ребенка к своим родителям, — это всё ценности, вообще немислимые в индивидууме, отделённом от общества.

Итак, уже в этих наивысших ценностях, наполняющих человеческую жизнь, человек явственно предстает как нечто большее, чем просто индивидуум. Он одновременно — существо общественное.

Это не так легко выразить словами. Когда я говорю одно, это звучит так, будто я отрицаю другое. И я спешу сказать: не забывайте, что другое тоже здесь присутствует, что речь идет о синтезе этих обеих сторон человека. Во внешних проявлениях жизни мы уже в самом начале видим, что ребенок не может быть зачат без участия двух людей различного пола. И чтобы ребенок выжил, мать (или лицо, заменяющее её) должны заботиться о нём.

Во всём процессе становления и сохранения нашей жизни, в условиях опасностей, грозящих нам каждый день и каждый час, — мы зависим от взаимопомощи со стороны других людей. Это — факты! Ни одна система, ни крайне индивидуалистическая, ни крайне тоталитарная, не может устоять перед этими фактами. С помощью насилия можно до определённой степени осуществить ту или иную крайность, но до последнего логического конца, которым эти системы так хвастаются, это ещё никогда не доводилось, ибо это просто невозможно практически.

— На эти факты можно не обращать внимания, можно работать против них, но это приведет к большим разрушительным последствиям, как, например, в СССР.

— Да. Это не подтвердило правоты этой системы, а наоборот — явилось ее эмпирическим опровержением. В осуществлении утопии можно зайти очень далеко, но народное хозяйство, построенное на основе полностью централизованного управления, невозможно. Можно ли каждому человеку, сидящему за столом, приказать, что он должен положить себе в рот — картошку или салат? Тут капитулирует любая система, ведь это нельзя осуществить даже в тюрьме! Но тоталитарную систему всё-таки можно, с применением насилия, осуществить в большой степени, чего нельзя сказать о системе индивидуалистической. Ведь если вы начнете применять насилие, то этим вы положите конец самой индивидуалистической системе.

Солидаристическая концепция человеческого бытия как совместного существования людей основывается прежде всего на её фактической очевид-

ности. Если я признаю этот факт, то в онтологическом смысле я — солидарист.

Эту фактическую очевидность мы выражаем простой формулой: мы все сидим в одной лодке. Но, конечно, и эту формулу можно истолковать по-разному, например: раз мы сидим в одной лодке — значит, тоталитаризм. Эту формулу можно изложить и разумно, но никакая формула не даёт гарантии, что она будет правильно истолкована. Некоторые интерпретируют эту формулу крайне неверно, в противоречие здравому смыслу, и считают, что этим они опровергают солидаризм: мол, если у этих солидаристов нет ничего другого, кроме этой глупой формулы, то их нельзя принимать всерьёз.

Но что означает это для организации человеческого общества? Очень хорошо излагает это профессор Гундлах (Проф. Густав Гундлах (1892–1963), видный католический ученый-солидарист, автор трудов в области социальной философии и экономики. — *Ред.*) Для человеческого общества это означает прежде всего, что принцип солидарности является юридическим понятием.

Иными словами: право означает то же, что и общественный порядок, а всё, что относится к общественному порядку, имеет правовую природу. Всё остальное, что наполняет жизнь человека, но не определяет структуру общества, принадлежит к другим областям ценностей, — не к области права.

Я, как отдельная личность, связан с обществом, членом которого я являюсь, но и общество также имеет обратную связь со мной, его членом. И вследствие этого общество не может меня поглотить, не может принудить меня отказаться от себя самого, общество не может использовать меня как просто средство для осуществления своих целей и требовать от меня, чтобы я позволил использовать себя в качестве такового. Общество не имеет также права пожертвовать целым поколением людей, вложить его в фундамент для будущего. Должно быть следующее: в той мере, в которой члены общества имеют обязательства перед обществом, в той же мере и общество имеет обязательства перед его членами, то есть всё, к чему стремится общество, должно служить на благо его членов. Если этого нет, то общество противоречит его собственному смыслу, оно в этом случае «гипостазируется», оно становится самоцелью. Но общество не может быть самоцелью, у него нет никакого иного смысла существования, как только в его членах. Оно не стоит рядом с его членами, оно не стоит над ними, — оно существует только в своих членах, и поэтому оно существует только для своих членов, а не для себя самого, — такого общества, оторванного от своих членов, вообще нет.

Это — фундаментальный философский принцип, и дело за практическим осуществлением его в политике.

— **Какие основные требования к экономическому и общественно-политическому устрой-**

ству общества вытекают из его солидаристического понимания?

— Хотя принцип солидарности лежит в основе человеческого общества, люди часто склонны поддаваться искушению эгоизма, в ущерб чувству ответственности. Этого не в силах изменить никакая система. Человек способен ошибаться, и кроме того, он подвержен греху. Именно мы, христиане, должны признать, что даже с приходом Спасителя, Иисуса Христа, не преодолена греховность человека, но показан путь борьбы с ней как наша задача. Поэтому и наши политические, социальные и экономические отношения мы должны устроить таким образом, чтобы они не вводили нас в искушение больше, чем это неизбежно.

На первом заседании нашего «Научно-экономического совета» в январе 1948 г. я именно так обосновал свои аргументы в пользу рыночной экономики, выступив против системы центрального планирования. Центральное планирование постоянно требует от человека такого поведения в экономике, которое противоречит его личным интересам. В основе же рыночной системы лежит замысел, чтобы человек, разумным образом преследуя свои цели, одновременно способствовал бы успешному развитию экономики в целом. Франц Бем — политик, способствовавший во многом достижению примирения Германии с Израилем, облёк эту мысль в христианскую форму: рыночная экономика меньше вводит нас в искушение.

Система центрального планирования может функционировать, лишь если она поддерживается абсолютным террором. Тогда люди взвешивают: стоит ли из-за какой-то небольшой выгоды рисковать головой? И они в большинстве случаев следуют предписаниям властей. Если же централизованная экономика больше не может осуществлять этот террор и у человека появляется возможность противиться ее требованиям и поступать по-своему, без серьезной опасности для себя, то эта система терпит крах — именно из-за человеческого эгоизма.

В рыночной экономике конфликт между личным интересом, с одной стороны, и интересами общества, с другой стороны, хотя и не устраняется, но он несравнимо меньший. Поэтому я считаю, что с тем минимумом морали, который существует у людей, можно осуществить рыночную систему, но нельзя осуществить систему центрального планирования, не прибегая при этом к террору, а террор мы отвергаем.

— **Все три основные партии в ФРГ говорят о «социальном рыночном хозяйстве». Каково Ваше отношение к нему?**

— Сначала нужно точно определить, что мы понимаем под «социальным рыночным хозяйством». Этот термин ввел проф. Мюллер-Армак и дал ему определение в словаре общественных наук. Но если Вы хотите знать моё мнение, то в его определении

«социального рыночного хозяйства» нет ни капли от социального.

Я всегда подчёркивал, что рынок сам по себе не в состоянии обеспечить справедливое распределение товаров, соответствующее потребностям людей. В особенно невыгодном положении при этом находятся семьи. Ведь в рыночной экономике котируются только те результаты труда, которые имеют ценность на рынке. И чтобы покрывать свои потребности, семья должна отдавать на рынок те результаты своего труда, ценность которых признаётся рынком. Но семья в очень большой степени обременена и таким трудом, ценность которого рынком не признаётся: например, все воспитание потомства или забота об уже нетрудоспособных членах семьи... Это побуждает некоторых не иметь детей.

Бездетные семьи имеют более высокое благосостояние за счет тех семей, которые воспитывают подрастающее поколение. Поэтому семьи, не имеющие детей, вносят несравнимо меньший вклад в своё обеспечение старости, чем те семьи, которые воспитывают детей. Практически получается, что одни обеспечивают пенсию другим, потому что ставшие взрослыми дети должны своим трудом содержать всё состарившееся поколение. И чем меньше рождается детей, тем больше им придется работать в будущем, чтобы обеспечить старость пенсионеров, в том числе и собственных родителей. Это лишь один из примеров, почему чисто рыночная система экономики, какой является наша, несправедлива по отношению к семьям...

Более справедливым было бы вместо индивидуального обеспечения семьи правильно организовать социальное обеспечение.

— *Другими словами, Вы выступаете не за такое «социальное рыночное хозяйство», в котором слово «социальное» служит просто украшением, а за последовательное «социально-ответственное» рыночное хозяйство?*

— Можно спорить о том, имеет ли вообще смысл объединять вместе понятия «социальное» и «рыночное хозяйство». Но то, что вы только что сказали, верно. Если мы по ряду причин считаем правильным организацию хозяйства по рыночному принципу, то одновременно мы должны позаботиться о создании таких институций, которые другими способами обеспечивали бы то, чего рынок обеспечить не в состоянии.

— *Большая Советская Энциклопедия пишет о солидаризме, утверждая примерно следующее: солидаристы проповедают классовый мир и хотят поставить себя над классами.*

— Что ж, если это правильно истолковать, то это соответствует истине и звучит неплохо. Взаимосвязь интересов обоих классов сильнее и важнее, чем противоречия между ними. Классовая структура общества должна быть преодолена.

Если под капиталистическим развитием понимать управление экономики меньшинством, обла-

дающим собственностью на средства производства, когда подавляющее большинство населения получает работу у этого меньшинства, — то это абсурдное и неестественное состояние. Предоставленное собственной динамике, оно лишь обостряется. Широкие массы населения имеют, в лучшем случае, финансовые возможности, но не имеют реальных возможностей влияния.

Реальная экономическая власть аккумулируется при этом в руках все меньшей и меньшей части общества, так что в итоге не так уж важно, становится ли на её место государство. Мы должны сказать, что такое устройство общества противоречит здравому смыслу, ибо оно не обеспечивает всем своим членам той возможности приобщения к культурным ценностям, которую оно могло бы обеспечить. Поэтому мы должны пытаться найти такое общественное устройство, при котором не только меньшинство, но и большинство сможет сказать: да, мы согласны с таким общественным устройством, оно отвечает нашим насущным потребностям.

— *Что же можно представить себе под таким обществом?*

— В латинском тексте говорится, что общество должно состоять из «ordines» (т. е. из групп, объединённых общностью профессиональных или сословных интересов. — *Ред.*). На романских языках это было передано так, что общество должно организовываться в корпорации; однако использование этого слова привело к большим недоразумениям. Позже я ввел для обозначения этого понятия термин «производительно-функциональное сообщество»

(«Leistungsge-meinschaft»). Дело заключается в том, чтобы внутри общества самоорганизовывались группы, выполняющие различные функции по обеспечению жизни общества. Например, народное образование, здравоохранение, средства сообщения. Сюда относятся, конечно, и крупные области экономики. Все они должны самоорганизовываться таким образом, чтобы как можно больше задач решать на уровне самоуправления. Государственное законодательство было бы разгружено от решения множества специальных вопросов и могло бы сосредоточиться на регулировании правильных взаимоотношений между этими группами и их взаимодополнения.

— *То есть, понятие «профессионально-сословной» структуры общества не совсем точно отражает суть того, о чем Вы говорите...*

— Это понятие («Berufsstand») неточно и вводит в заблуждение. Во-первых, речь идет не об объединении по признаку профессии: например, в металлообрабатывающей отрасли работают не только металлисты, но и секретарши, юристы, специалисты по сбыту и др., то есть они объединяются не по профессиональному признаку, а по функции их группы в рамках всего общества. Также неприменимо тут и понятие «сословия», с которым часто отождествляют либо социально-кастовое деление, либо деление по происхождению...

Идея общественного устройства, разработанная мною, неправильно толковалась представителями всех направлений. И иногда я думал: лучше бы было вообще ничего этого не писать, было бы спокойнее. Но, несмотря на это, я убеждён в том, что необходимо было затронуть этот существенный вопрос. Разве можно опровергнуть Маркса одними утверждениями, что он безбожник, да к тому же ещё еврей!

Нужно признать, что Маркс правильно увидел классовую структуру существующего общества, но неправильно истолковал ее. Если бы в теории Маркса не было ничего правильного, то его идеи не стали бы одной из основных мировых сил. Это доказывает, что в его идеях большая динамика. И если мы хотим преодолеть их, то одних ругательств не достаточно. Не поможет и то, если изо-

бражать марксизм в искажённом виде или обезоруживаться перед ним. Нужно отделить в теории Маркса правильное его видение классовой структуры общества от идеологической шелухи и балласта, который он нагромоздил. Но с 1930 года до сих пор в этой области ничего не было сделано!

— *В посткоммунистической России НТС как партия российских солидаристов будет стремиться к осуществлению того общественного строя, о котором мы здесь говорили. Уже сейчас в среде российской оппозиции можно отметить много родственных нам по духу направлений...*

— Я надеюсь, что придёт время, когда Россия будет посткоммунистической.

Но сегодня это пока что только надежда. Да поможет нам Бог!

Евгений Романов

Возвращение

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АРКАДЬЕВИЧА ГАЛИЧА

«Посев», 1978, №2

Кто-то сказал: «Только что позвонили из Парижа... Скончался Галич...» Это не доходило до сознания. Понадобилось время и разговор с самим собой, чтобы привести в равновесие реальность сообщения с ощущением его нереальности. И возникали в памяти, в беспорядке, из совсем недавнего прошлого, встречи и разговоры.

Кто не знал Галича заочно? Я редактировал для первой его книги вывезенный из России, затрепанный многими руками сборник его стихов-песен, списанных с магнитофонных лент. Много было искажений, разночтений — но это не ослабило впечатления. На трудно читаемой «четвертой эриковской копии» хорошо виделось мастерство большого поэта. А в биографию на суперобложке вкралась ошибка — «сидел в лагере». Но стихи его о лагерях, тюрьмах и пересылках, о заключенных и палачах, по своему звучанию, по образам, по раскрытию их внутреннего мира — это лирика, не гражданская поэзия. А в лирике поэт, прежде всего, выражает себя и окружающее его — через себя. И было непредставимо, что «сидел в лагере» — это ошибка. Но таков оказался строй души поэта Галича, такова оказалась сила его чувствования, что сумел он побывать там, где не был.

Эта способность правильно чувствовать поразила меня при первой же встрече. Приехал он во Франкфурт через несколько дней после прилёта из Москвы в Вену. Мы сидели с ним вдвоём в комнате небольшого пансиончика, и я, по его просьбе, рассказывал ему о политическом положении на Западе. Он задавал вопросы. Его, прежде всего, интересовало отношение тех или иных западных сил к России. Я старался быть максимально объектив-

Евгений Романов

ным. И он несколько раз сам давал характеристики, чёткие и правильные. «Вы хорошо информированы», — сказал я по поводу одной из его характеристик. «Нет. Но я так чувствую».

Говорили мы, разумеется, и об эмиграции. И тут он впервые высказал мысль, к которой ещё не раз возвращался во время наших последующих встреч:

«Советская власть стала плохой не с того дня, когда я, или кто-либо другой, начал считать её плохой, — сказал он. — Советская власть была плохой с первого дня своего существования. И борьба против неё началась с того же дня. И никогда не прекращалась. Тех, кто боролся, можно во многом обвинять, но в одном, основном, они были всегда правы: против советской власти надо было бороться. Поэтому должна существовать преемственность борьбы».

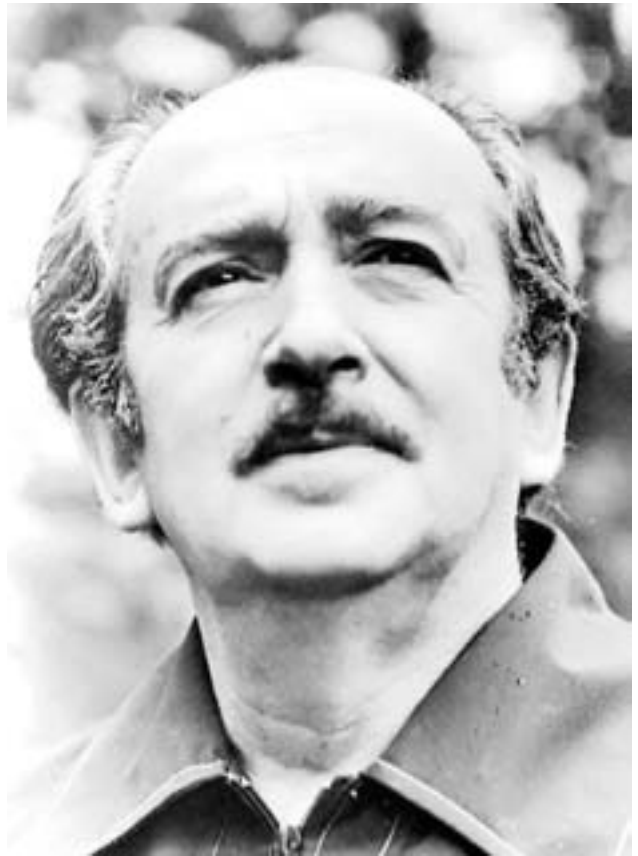
То же и с эмиграцией, — одним из отражений этой борьбы. Русская эмиграция началась не тогда, когда я, или кто-либо другой, стал эмигрантом. Эмиграция началась вместе с советской властью. Эмиграция может делиться по политическим, культурным, земляческим, национальным и другим признакам. В этом может быть смысл. Деление по “эмигрантскому стажу” — бессмысленно».

Когда в одну из следующих встреч — это было уже после его открытых выступлений — мы вернулись к той же теме, он сказал: «Культура — объединяющее начало для эмиграции, я видел, это, когда выступал».

Некоторые из тех, кто с ним работал на «Свободе», упрекали его в «слабохарактерности». Вероятно, он не был твёрдым администратором, но со слабохарактерностью это не имеет ничего общего. Душевная мягкость, стремление умиротворить — не лучшие качества для административных отношений. Но зато это прекрасные качества для отношений человеческих. С ним было очень легко и просто — с первого же взгляда, с первого рукопожатия, с первого слова. Хотя во время его первого приезда во Франкфурт я провел с ним вместе всего несколько часов, мы прощались на аэродроме — он с Ангелиной Николаевной летел дальше, в Осло — так, будто знали друг друга всегда. Удивительное чувство полного взаимного доверия с первой же встречи. — И было это не столько в том, что он говорил и как говорил, а в глазах. Во всяком случае — для меня.

Те немногие из наших иностранных друзей, которые успели побывать у него ещё в Москве (ни одного из них он не позабыл, когда попал на Запад), возвращались оттуда его друзьями. А с Виктором Спарре, известным норвежским художником, соединила его братская дружба. В Копенгагене на съезде «Морального вооружения» (в работе которого он участвовал вскоре после появления на Западе), где завязалось у него много новых дружеских контактов, он выступил с призывом к твёрдости и действию: «Моральное вооружение нужно не только для самосовершенствования, но, прежде всего, для действия». Это было его первое выступление в большой иностранной аудитории, но он сразу почувствовал среду, нашел нужные слова и оставил след в душах многих.

В маленьком баварском городке случился у него сердечный приступ. Я поехал навестить его вместе с моим другом, редактором «Посева» Ярославом Трушновичем.

Врач нас успокоил: «Жизни не угрожает. Но сердце пошаливает. Следить надо». Он лежал в палате один. Около кровати — магнитофон. Он работал над книгой, которая оказалась последней, — «Когда я вернусь». От наших уговоров — не переутомляться — отмахнулся: «Это меня не утомляет. Раз могу писать, значит, мне хорошо». А взволновался, когда стал делиться трудностями жизненными: предстоял переезд в Париж. Сердце к переезду в Париж у него не лежало: трудный город, дороговизна, незнание языка. Потом вернулся к творческим планам: «Закончу эту книжечку стихов — скажите Льву Александровичу, что вот-вот закончу (это “вот-вот” затянулось почти на год), — буду писать прозу. Есть замысел и материал для “одесской истории”. По форме — приключенческий роман, но по теме — серьёзно. (Неоконченная рукопись эта лежит сейчас у меня. Галич прислал ее в “Посев” прошлой осенью). Потом ещё хочу написать вроде “Генеральной репетиции”, из жизни, но, конечно, без вставки. Я ведь хотел “Матросскую тишину” напечатать, а пьесы плохо идут, а в оформлении, видите, пошла. Ну и, конечно, ту книгу, о которой мы с вами уже говорили».

Пришла сестра делать внутривенное вливание: сосуд с прозрачной жидкостью, трубка, игла. Пошутил: «Добавили бы вы туда что-нибудь алкогольное». Мы попрощались.

А разговор о «той книге» был у меня дома. После приёма в Союз он ночевал у меня. Сидели мы допоздна. Больше я говорил, он только вопросы подбрасывал. А говорил я о Союзе. Разговор начался с традиции, сохранившейся с военных времён: текст обязательства члена НТС, написанный на листке

бумаги, вступающий после прочтения подписывает, и листок сжигается. Делалось это тогда по соображениям конспиративным: списков не вели, членских билетов не выдавали. Но помимо конспирации, был здесь и символ — не на бумаге, а в сердце запечатляется верность тому делу, которому по свободной воле обязался служить. Сентиментальная традиция для сегодняшних времён? Может быть. Но когда обнимал я Александра Аркадьевича, поздравляя с приёмом в Союз, взволнованные были у него глаза.

И в этот вечер рассказал он о плане задуманной книги: «Многолетними усилиями создали “наши” определенный образ НТС. От него и надо отталкиваться и снимать, пласт за пластом, наслоения клеветы, осторожно снимать, как будто операцию делаешь. Это не должна быть пропаганда против пропаганды. Это должен быть рассказ про жизнь, про то, как я сам это увидел. Поэтому и начать надо будет с моей первой встречи на Венском аэродроме. Встретил Поремский — “злодей и убийца”. Вроде, как если бы меня в Москве Андропов приехал встречать. А времени потребовалось совсем немного, чтобы “снять пласт”».

Лежит сейчас у меня на столе последняя книга Галича. На обложке, им самим выбранной, — крест. В послесловии: «...Каждое стихотворение, каждая строчка, а уж, тем более, книжка — последние. И, стало быть, это моя последняя книжка. Впрочем, в глубине души, я всё-таки надеюсь, что мне удастся написать ещё кое-что». Не удалось... Но и тем, что написано, вошёл он в русскую поэзию напрочно. А вот этот крест на обложке «последней книжки»? Не могу не думать, что и тут сказалась его сила чувствования.

«Когда я вернусь» — не с вопросительным знаком. Знал, что вернётся. Вернётся в нашем общем Деле, в строю мертвых и живых друзей. Вернется и будет ходить по России своими стихами-песнями. И уже вернулся к Тому, Кого искал и нашел:

*Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем —
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!*

«Клуб Александра Галича» создан инициативной группой людей, в активе которых тогда, в 2003 году, было одно серьёзное свершение — установка памятной доски Александру Аркадьевичу Галичу в Новосибирском Академгородке, на здании бывшего клуба-кафе «Под интегралом» и проведение иных юбилейных мероприятий (концерта местных бардов, посвящённого памяти А. А. Галича, вечера памяти А. А. Галича и др.) — к 85-летию со дня его рождения.

Идея создания «Клуба Александра Галича» появилась у этой группы, называвшейся Оргкомитетом, параллельно — как идея некоей реабилитации разгромленного в те же времена, когда травили и А. А. Галича, очага свободы и вольномыслия — клуба «Под интегралом».

Разумеется, иное время на дворе и иные задачи. Но верность свободе и гражданственности, коей обладал А. А. Галич, — неперемнное качество нового общественного объединения. Оно ещё существовало без юридической регистрации и чётко прописанного устава — в пилотном варианте, когда 14 ноября 2003 года стартовал интернет-проект «Клуб Александра Галича» (GALICHCLUB).

Мы не без оснований надеялись, что нашу инициативу поддержат не только местные барды, да и вообще не только новосибирцы — у нас уже было немало друзей в самых разных уголках мира.

Поэтому этот «пробный шар» мы и запустили в свободном, вольнолюбивом, неподцензурном — а, следовательно, близком нам по духу и любимом — Интернете, который всех нас связывает. Друзья из Франкфурта-на-Майне устроили нам поездку на могилу А. А. Галича под Парижем, где мы возложили памятный камень. В поездке мы узнали лично многих зарубежных друзей А. А. Галича, услышали воспоминания о нём Харри Поля, М. В. Славинского... Друзья из США существенно пополнили нашу картотеку статей об Александре Аркадьевиче, участвовали в создании нашего сайта Мы очень благодарны за это Фатеху Вергасову, Валерию Лебедеву, Марку Копелеву. «Считаю верным, что вы расширили свой сайт текущей политикой, это делает его не только музеем, но и действующей трибуной», — написал нам Валерий Лебедев из Бостона.

Наш Клуб существует не только виртуально. С августа 2004 года мы зарегистрировались как юридическое лицо с полным названием: «Новосибирская городская общественная организация «Клуб Александра Галича» и сокращённым: «Галич-Клуб». Активная деятельность Клуба развивается в нескольких направлениях: пропаганда творчества А. А. Галича и сбор информации о нём, поддержка гражданского творчества, в том числе сибирских и российских бардов (первым Лауреатом Диплома и Премии Клуба стал бард из Москвы А. Городецкий), правозащитная деятельность... Всё это отражено на сайте. Множество самых разных людей и организаций в Москве, Новосибирске и других городах с признательностью поддерживают нас, пишут нам, делают ссылки на наш сайт, приезжают в гости в наш Клуб (легендарный бард А. Городницкий, писатель-сатирик В. Шендерович, актёр театра и кино В. Смехов). Очень надеемся, что так будет и впредь. Ищем «братьев по разуму». И по вольнолюбивому галичевскому духу.

Свободные Независимые Граждане, (получилось СНГ, но мы мыслим гораздо шире!) — объединяйтесь!

Редакция сайта «GALICHCLUB»

Валерий Сендеров

Песня про майора Белова

«Посев», 1993, № 4

Моё тюремное бытие было на редкость однообразным. Лефортово (один сосед), год ШИЗО, лагерная больница. Потом ПКТ (лагерная тюрьма). Всё это время один. Перевод в Чистопольскую тюрьму — в ней тоже большая часть срока в одиночке. Думаю, почти ни у кого в наши дни не было так мало, как у меня, лагерных встреч.

Есть всё же один человек... Встречался я с ним не раз — и всегда в обстоятельствах не вполне обычных. Интересно ли это сегодня? — читателю судить. Но не оставляет чувство: должен я о нём рассказать.

...Арест затянулся. Я не оговорился: именно арест. Все несколько часов шёл, конечно, и сопутствующий обыск. Очень халтурный, кстати: работать товарищи не умели. Нехитрые мои тайнички с бумагами (надо же было использовать последние отпущенные дни) так и не были обнаружены.

Но подлинным действием был не обыск. Подъезжали разноцветные машины, в квартиру торжественно заходили лица. Поодиночке, по нескольку... Даже на штатских костюмах непостижимым образом запечатлевалась степень важности лиц: можно было различить, кто главный, а кто ещё главнее. Персоны оглядывали комнату, изрекали что-либо ускользающе-глубокомысленное... И, получив почтительный ответ, неспешно удалялись.

Обыск проводила прокуратура, но участвовал в нём и сотрудник КГБ, капитан Мелёхин. Фактически он был «вторым лицом»: руководитель группы, интеллигентный мужчина в штатском, как бы курировал процедуру, к нему обращались по спорным вопросам. Мы поинтересовались, что за странный синтез: если прокуратура, то при чём тут Валерий Николаевич? «Работы много, товарищам из КГБ приходится нам помогать», — объяснил мужчина. «Система правильная: работы-то будет всё прибавляться», — отвлёкся я от чтения Набокова.

Во всём этом была одна странность. Дело моё с самого начала было «энтээсовским». Статьи в «Посеве» под своим именем будут самыми тяжёлыми пунктами обвинения — кто в 1982 году мог в этом сомневаться? Во всех известных мне случаях дела НТС вёл КГБ. А тут всё наоборот: демонстративные попытки «перекинуть» на прокуратуру!

Но объяснялся парадокс просто. Престижную работу вылавливать «агентов НТС» «Контора Глубокого Бурения» никому уступать, конечно, не собиралась. А тут... Злодей годами работает под носом, прекрасно им известен — а что он связан ещё и с НТС, узнаётся от него самого, когда он считает нужным об этом заявить! Большой чести Всевидящему Оку ситуация явно не делала — вот пусть прокуратура и расхлёбывает...

Моя тактика была, разумеется, противоположной: коль я сейчас счёл выгодным выступить открыто, значит, и прозвучать это должно как можно громче. И вот я уже арестован, меня везут в Бутырки. Слева и справа — Мелёхин и руководитель группы. Впереди, рядом с шофёром, — ещё одна «прокуратура». Ну что ж? Подслушанные телефонные разговоры к делу не подошьёшь; а вот то, что я сейчас скажу этой разнородной публике, запроколировать придётся.

Я сделал официальное заявление о своём членстве в НТС.

— Ну, значит, придётся посидеть подольше, — заметил сосед из прокуратуры.

— Спасибо, я знаю.

— А вообще... Не любите Вы Советскую власть. Понимаю, разные бывают причины... Но как Вы могли с ними связаться?

— А что? — встревожился я.

— Да ведь это всё агенты Гестапо... — собеседник преисполнился энтузиазма.

— Зачем же Гестапо обижать? Организация преступная, конечно. Но всё же не фирме Валерия Николаевича чета. Своих агентов не расстреливала, в концлагерях не морила...

— А что Вы скажете об их сегодняшнем сотрудничестве с ЦРУ? — изменил тему сосед.

— Вы конкретно или в принципе?

— И то, и другое.

— Конкретно: сомневаюсь. Кто получает от американцев хоть немного (по их масштабам), все живут побогаче НТС. А в принципе... Союз принимает помощь лишь при одном условии: не ставить нам никаких условий. Это гарантирует независимость, а кто сочувствует нашему делу, — мы можем быть только благодарны.

— А если вам КГБ деньги предложит?

— Прекрасная идея: КГБ давно пора искупать свои грехи перед Россией. Можем даже пообещать не трогать на подрыв и ослабление. Издадим, допустим, ещё раз «Мастера и Маргариту».

— Но не будете же Вы отрицать, что все они там — антисемиты?

— Я-то не буду... Но вот в прессе вашей прочёл недавно, что сионисты. Правда, и про антисемитов читал, в той же статье, кажется...

Машина подъехала, началась тюремная жизнь. Компания подобралась хорошая: валютчик, мошенник, домушник и антисоветчик. Четверо в маленькой камере — шумновато, но жить можно. Домушник гордо сказал, что брал квартиры исключительно коммунистов. Вообще он на родную власть был страшно зол: замки делают такие, что набора из двух отмычек на любой достаточно. Раньше его профес-

сия была искусством, а теперь, из-за большевиков проклятых, поналезло всякой шпаны. Лёша лежал на койке, учил английский: после лагеря намеревался переквалифицироваться в валютчики. Мошенник Вася тоже надувал большевиков, но не по идейным соображениям, а по прозаическим: у беспартийных всё равно нет ни шиша...

Но в начавшейся весёлой жизни — засел у меня в голове человек из прокуратуры. Не то чтобы я думал о нём специально, но — засел. Кажется, что странного: почему бы не натаскать человека из подсобной конторы на НТС-овские дела? Но чудилась во всём этом какая-то загадка. И была уверенность: когда-нибудь она разрешится...

Недели через три меня перевели в Лефортово. Что ж, первая удача: списать дело на прокуратуру им не удалось.

И в тот же день — первый допрос. Вёлся он на повышенных тонах: корректно, но «на пределе». Думаю, это была попытка ошеломить, сразу ввести отношения в психологически нужное русло. Вся система обработки КГБ, которую я наблюдал, и состояла из подобных трюков. Нехитро; но набор многообразен, исполнение подчас виртуозно. Неудивительно, что контора нередко добивалась нужного ей эффекта.

Меня ввели в огромный кабинет начальника следственного отдела, усадили в кресло. Начало было банальным:

— Знаете ли Вы, почему прокуратура передала нам Ваше дело?

— Конечно, знаю. — Я сделал паузу, и гебисты довольно переглянулись. — По вашей покорнейшей просьбе. В прокуратуре люди интеллигентные, неудобно же им было вам отказать.

Помолчали.

— А если так, то почему мы попросили их об этом?

— Это уж вам виднее. Согласитесь, было бы невежливо с моей стороны лезть в чужие, дела.

— Но это ведь и Вас касается.

— Ни в малейшей мере. Как человек, склонный к компромиссам, я признаю правительство князя Львова — скрепя сердце, чтобы избежать междоусобицы в стране. Но, начиная с Керенского, все вы узурпаторы, «законам» вашим та же цена, что расклеенным по стенкам матросским декретам. А потому говорить об «арестах», «следствиях» — бессмысленно... Я военнопленный, из этого и исходите.

Здесь у моих собеседников слегка сдали нервы. Гадости, которые мы друг другу наговорили, пересказывать не буду, неинтересно. Но посреди бурного диалога я вдруг почувствовал: сзади, в нескольких шагах, кто-то стоит. Я резко обернулся — молчаливый участник допроса быстро отступил за занавеску...

Главный удар товарищи заготовили под конец.

— Вот Вы не признаёте Советскую власть.

Я кивнул.

— А что Вы на это скажете? «Нет власти не от Бога», — торжественно извлёк Библию генерал.

— А что мне говорить, Иоанн Златоуст это место чётко изъяснил: разбойник, похитивший Скипетр и Корону, властью от этого ещё не становится. Но его трудов у вас нет. Можно Вас попросить: прочтите, пожалуйста, тремя стихами ниже.

— «Ибо начальник есть Божий слуга...»

— А вы — Божьи слуги?

Генерал помрачнел; но я избавил его от грустных рассуждений о том, что он и начальником, стало быть, не является.

— В Писании есть одно место специально о вашем следствии, там сказано, как мне себя вести, — перевёл я разговор на другую тему.

Наличие в Новом Завете специальных разъяснений насчёт КГБ сотрудников заинтересовало.

— Будьте добры, откройте, если можно, «Послание к ефессянам», главу 5, стих 11, — попросил я.

— «...и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте». — Чекист вздохнул. — Что ж, Валерий Анатольевич. На допросы я Вам советую ходить, иначе будем доставлять силой. А прочее — дело Ваше...

Такие слова не могли не вызвать у меня энтузиазма.

— Конечно, буду ходить. В Писании на это прямое повеление есть.

Веселее собеседники не стали, но удивления скрыть не смогли.

— Я вижу, Вы утомились. Давайте, я Вам сам прочту. — Но генерал, надо отдать ему должное, решил вынести всё до конца. — Тогда откройте, пожалуйста, «Второе послание к Тимофею», главу 2, последние два стиха.

— «С кротостию наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю», — мрачно зачитал начальник отдела.

По дороге в камеру я отгонял от себя странный эпизод. Тьфу, дьявол. Мерещится мне уже, что ли, эта личность?

Наставлять противников мне не пришлось: на допросы меня почему-то почти не вызывали. Да и сами вызовы, строго говоря, допросами не были. Мне зачитывали документы, вопросы; фиксировали в протоколе отказ от подписи. Основные разговоры были «внепротокольные». Чекисты живо интересовались программой НТС, целями, историей. Я оказался в двойственном положении. Моей линии такие разговоры не нарушали: почему бы военнопленному не объяснить, за что он борется? Но... устраивать для КГБ лекторий по Союзу... Всё же я решил: пусть вместо бреда, которым они пичкают не только народ, но и сами себя, знают правду. Нельзя, в конце концов, считать их прокажёнными: кому-то что-то — да западёт.

Бумаги, бумаги... Дошёл черёд и до моего «машинного» заявления. Следовательно зачитал рапорты: «По дороге в следственный изолятор В. А. Сендеров сообщил...» Рапортов было три: одного

не хватало. Я чуть не удержался от вопроса, но решил интереса не проявлять. Был уверен: это ещё не конец...

Суд, этап, лагерь. Меня ввели в большую комнату. За длинным столом сидело всевозможное начальство, вошедшего ощупывали десятки глаз. Я представился: осуждённый Сендеров, год рождения, статья, срок. Всё, «как положено». Многие диссиденты настаивали, что они не осуждённые, а заключённые, считали унижительным брать руки за спину... Мне на эти мелочи было наплевать, кроме того, лагерь не курорт, эта любимая присказка «начальничков» справедлива. И я сразу положил себе за правило: беречь силы для главных направленных борьбы.

Представилось и руководство. Мне объяснили, кто есть кто, к кому по каким вопросам следует обращаться. Словом, возможность стать образцовым заключённым вновь прибывшему предоставлялась — только пользуйся. Потом спросили, как я намерен себя вести. Вряд ли они рассчитывали услышать правду, но в моём случае им повезло.

— Долг пленного простой: сидеть — так во все времена считалось. «Заниматься политикой» от забора до забора я не собираюсь. Изучу, наконец, основательно Библию, буду работать над своими математическими задачами.

Начальники недоумённо переглянулись.

— Ну... а работать Вы собираетесь?

— Почему нет? На ваш режим я смотрю, как на определённые общественные условности. Не будете мешать в главных моих планах — и я условности нарушать не буду.

На сем разговор и завершился, меня отпустили.

Любой лагерник посмеётся, конечно, над наивностью моих расчётов. И будет прав — но всё-таки не на все сто процентов. Задним числом обзревая недолгую свою гулаговскую эпопею, могу сказать то же, что и тогда: принять мои условия им было выгодно. Не натерпелись бы, бедняги, всего, что им предстояло... Но вот рассчитывать, что они это поймут, — согласен, это было и впрямь нелепо.

Вызывал меня и лагерный гебист, майор Балабанов. С ним всё было ясно с первой же встречи, но я пришёл и на вторую. Убедился окончательно: тратить время на этого беспросветного дебила бессмысленно. Я сообщил гражданину майору: больше с ним разговаривать не собираюсь. Не потому, что он чекист, а потому, что дурак, и мне неинтересно. Так пусть своему начальству и передаст.

Не знаю уж, выполнил ли Балабанов мою просьбу. Но больше я его не видел. Пока не... Впрочем, не стоит забегать вперёд.

Итог всех дипломатических переговоров оказался простым: Библию конфисковали, математические записи, которые я успел сделать, отобрали и уничтожили.

Что ж, не хотите по-хорошему... Я встал на статус политзаключённого: отказался от выполнения

любых требований режима, от работы, от ношения нагрудного знака с фамилией...

Меня переселили в карцер — и выйти из него на зону мне уже не довелось.

Если лагерь был самым свободным местом в СССР, то карцер — самым свободным местом в лагере: что хочешь, то и делай. Скажем, одна из тюремно-лагерных неприятностей — постоянный свет, днём и ночью: ни минуты ты не можешь побыть в темноте. Это неудобство я преодолевал по «методу Колумба»: по команде «отбой» выбивал лампочку. Терпеливо дожидался, пока ввинтят новую, потом вышибал и её. «Вас накажут», — грозно предупреждали прапорщики. «А как?» — встревоженно спрашивал я. «Посадят в карцер» — «А-а-а...»

Я всё гадал: когда же они поймут, наконец, всю прелесть ситуации? Прошло полгода: и на вопрос, как же всё-таки меня накажут, стражи начали угрюмо отмалчиваться.

А что они, бедные, могли сделать? Надеть за буйство наручники? Но это требует специального оформления, рапортов. Посижу 2 часа в наручниках спокойно — и их полагается снять, а после этого я очередную лампочку выбью. Главная же заповедь любого из этих патологических бездельников: чтоб дежурство спокойно, без происшествий прошло.

Естественно, товарищи сдавались. Только спрашивали опасливо: «Вы ничего с собой в темноте не сделаете?» — «Вас переживу», — утешал я их. И располагался на опущенных на ночь нарах.

Вообще лагерные труженики, от прапорщика и до майора существа хрупкие и закомплексованные. Довести их до нервного истощения — задача не из сложных, нужны только энтузиазм и методичность в работе. Конечно, возможности в карцере ограничены. Но зато времени избыток; так неужто я за день не выполню намеченный план, не изобрету большевикам какую-нибудь новую пакость за следующие отчётные сутки?

Раз в неделю устраивался торжественный обход: начальник лагеря в сопровождении свиты заглядывал в каждую камеру, спрашивал, нет ли претензий. Однажды я пожаловался, что прапорщики ругаются матом. «Но... они же не в Ваш адрес», — не понял майор Осин. — «Ещё бы. Но всё равно: это непорядок, извольте прекратить». — «Хорошо... я распоряжусь», — оторопело согласился майор.

Всё это выглядело карикатурно. Расчёт, однако, был точный: общество в 80-е годы цементировалось тотальным лицемерием, не было уже иного скрепляющего вещества. Никто не сомневался: получив подобную жалобу, прокурор выразится так, как целому наряду прапорщиков в самых сладких снах не приснится. Но... жалоба есть жалоба, ответить, что поведение надзорсостава правильно, на неё нельзя. А зачем бедняге Осину нарушение святого святых лагерного благообразия?

После этого обхода, в дежурке воцарилось угрюмое молчание: по-другому-то изъясняться служилые просто не умели!

Нашёлся, однако, среди них диссидент. Прапорщик Атаев приказу демонстративно не подчинился. Можно было его понять: несмотря на восточное происхождение, он единственный проявлял в матерщине определённый филологический талант. Но однажды я на что-то разозлился и сорвал злобу на бедном Алике: наорал, что напишу на него жалобы во все инстанции и что ему придётся плохо.

— Ладно... Мне что... Выгонят — уйду в пожарные, — погрузился Атаев.

Мне стало его жаль: был он, в общем-то, неплохой малый.

— Слушайте, Атаев, — изменил я тон. — Ну, в России это как бы принято. Но ведь у Вас в народе мат за страшное оскорбление почитается.

Атаев гордо встрепенулся.

— Я, ..., — русский, — торжественно сказал он. — Вся жизнь, ..., по-русски говорю — и, ..., говорить буду. Я не выдержал и расхохотался.

— Бес с Вами, Атаев. Говорите по-советски. Вам — можно!

Так текли месяцы. Лефортово отодвинулось далеко в прошлое, я о нём уже и не вспоминал. Да и силы таяли. Дух наш полностью в руках Божиих — но не плоть. К концу года я уже почти не вставал с пола: экономил оставшуюся энергию.

В один из дней Атаев открыл кормушку.

— К Вам приехали, — шёпотом сказал он.

Я сделал пригласительный жест: всегда рад гостям.

— Идёмте в дежурку, — замотал головой прапорщик.

— Никуда я не пойду, Атаев, мне и здесь хорошо. Да Вы же и сами видите...

Прапорщик распахнул дверь и подставил спину.

— Пошли, — решительно сказал он. — Я тебе донесу.

Что за чудеса? Я взгромоздился на Атаева, он торжественно пронёс меня по коридору и усадил в кресло. Я с наслаждением расположился и оглядел дежурку.

За столом сидел человек в скромной кожаной курточке. Рядом почтительно пристроился Балабанов, позади — прочее начальство. Все смотрели на меня.

— Здравствуйтесь, — сказал человек.

— Здравствуйтесь.

Пришелец явно не знал, как начать разговор.

— Вы меня не узнаете?

Я посмотрел внимательно. Где-то я его видел... Я отрицательно покачал головой.

— Простите...

— Ну как же? — укоризненно сказал незнакомец. — Я майор Белов, из Главного управления КГБ. Помните, я ещё Вас арестовывал?

Тёплая дежурка, мягкое кресло... Меня разморило, перед глазами всё плыло.

— В моём аресте действительно участвовал сотрудник КГБ, капитан Мелёхин... А! — вдруг понял я. — Вы... «из прокуратуры»?

Майор смущённо улыбнулся. Первая неловкость была преодолена, и начался разговор — издалека, как водится.

— Как Ваши дела?

— Спасибо. Мои — великолепно.

Майор понял намёк.

— А знаете историю с Х. У. (он назвал известного диссидента)? Полностью признал себя виновным, ездил с нами по городу, выдал всю литературу...

— Слышал, — кивнул я. — Это же ваш единственный крупный успех за последние годы. Такая сенсация — как не знать!

— В итоге 5 + 5, — закончил майор.

Этого я не знал, был уверен, что Х. У. давно на свободе.

— Зачем же так? Кто же после этого каяться станет?

— А у него была часть вторая.

Я кивнул: понятно. По ст. 70 ч. 2 («рецидив») можно было дать не до семи лет лагерей, а до десяти особого режима. По первой судимости Х. У. отправили в «психушку» — интересно, можно ли бывшего «невменяемого» рецидивистом считать?

Но не в законе же дело. А в гуманизме образца 1984 года. Который мне демонстрируется: «из этого и исходите».

Ещё несколько «подходов» — и Белов перешёл к делу.

— Валерий Анатольевич, — начал он. — Мы узнали о Вашем положении здесь...

— «Вражьи голоса» слушаете? — укоризненно спросил я.

Майор расхохотался. Перестраиваться он умел на ходу и сразу понял, что паясничать насчёт их трогательной решимости мне помогать не стоит.

— Ситуация тупиковая, — перешёл Белов на деловой тон. — В наших интересах всё разрешить. В Ваших тоже: для Вас ещё 5 лет ШИЗО не самоцель, Вы ставите определённые условия. Скажите какие, а мы сделаем, что от нас зависит.

Я повторил свои требования: Библия, молитвослов, крест; возможность заниматься математикой. Майор подробно записывал.

Разговор подходил к концу. Мы обменялись несколькими пустыми фразами, попрощались. Оказавшийся рядом Атаев взвалил меня на спину.

Вдруг Белов посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд у него был уже не профессиональный — человеческий.

— Спасибо, что Вы после всего хоть разговариваете с нами, — неожиданно сказал он.

Я как-то неловко махнул рукой: тут уж у меня не нашлось, что ответить...

В итоге исторического визита мне дали заниматься математикой. Точнее: записывать свои результаты в особые тетрадки, в коих по приказу лагерного начальства был торжественно пронумерован каждый лист. «Смотрите: если хоть один пропадёт — отберём», — предупредил зам. началь-

ника по режиму. Бедный майор Букин! КГБ, по паршивым своим, недоступным честному солдатскому уму резонам, позволил врагу записывать свои шпионские значки. А попадут они прямиком в ЦРУ и «Моссад» — так его же, пешку, и подставят!

Библию мне, однако, не вернули. Так что сыграли вроде бы 1:1. Но на самом деле нет: какое требование главное — в этом вопросе у меня с советскими расхождений не было. Статус я, конечно, не снял — и через полгода был переведён в Чистопольскую тюрьму. Там Библию и молитвослов вернули сразу. Вообще обстановка в Чистополе оказалась другой. Дело, конечно, не в том, где лучше «начальство»: это при всех условиях существенной роли играть не могло. Но в «крытке» собрали самых злостных, да дальше тюрьмы и не пошлешь. У КГБ хватало ума не воспитывать всяких там бегунов, карягиных, марченко — не те овцы, чтобы получить с них хоть шерсти клок. Идеал «органов» в отношении нашего террариума был скромн: сиди тихо, живи и давай жить другим.

Конечно, не всё было так идиллически: бывали у меня и резкие конфликты, и сопутствующие за-

тяжные голодовки. Но чекист в тюрьме был нормальный, не идиот балабановского типа. Все свои требования я мог ему изложить, а он — пересказать напрямую: большую часть времени он проводил в Москве. Так что необходимость в «спецкомандировках» из Центра отпала — и больше я майора Белова не видел.

Но вспоминаю о нём иногда. Нет, я вовсе не за то, чтобы таких людей наказывали, судили. А если до этого когда-нибудь и дойдёт — выступлю свидетелем защиты. Ведь прошибло его, вырвалась в конце лагерного нашего разговора человеческая фраза — чего же ещё? У кого просыпается совесть — другого судьи за прошлое и не надо.

Тревожит меня сегодняшний день. Ведь Вы, майор, душитель. Я это не в обиду — просто констатирую факт. Обработываете Вы талантливо (призвание, значит, есть), профессионально, культурно (есть навык и опыт). И сомневаюсь я, простите, в наличии у Вас второй какой-нибудь специальности.

Так что же Вы нынче делаете, чем занимаетесь — в переименованной нашей стране?

Михаил Славинский

Борьба за доброе имя России

ИЗ КНИГИ «ПАРИЖСКИЕ ЗАРИСОВКИ (ИЗ ЖИЗНИ ЗАРУБЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НТС)»

Франкфурт-на-Майне, 2006

Серьёзное внимание было уделено ставшей уже обыденной работе с французским окружением. Несмотря на постоянное смешение понятий «советский» и «русский» в западных средствах массовой информации, Союзу удавалось всё же время от времени проталкивать материалы правильного направления.

Так, в газете «Villages des bords de Marne» от 10 марта 1983, под заголовком «СССР — гигант на глиняных ногах». НТС организует «сопротивление», появилась большая статья румынского эмигранта Д. Новаковичи, полностью посвящённая НТС. Подробно описывая деятельность Союза, автор статьи настойчиво подчеркивал, что «Глава КГБ Юрий Андропов, в 1967 году назвал эту организацию “врагом № 1 советской власти”». Благодаря усилиям четы Жедилягиных, столь же благожелательная Союзу и «Посеву» статья появилась в известном еженедельнике «Ля ви франсэз».

Тема враждебного отношения Запада к понятию «Россия» была поднята в выступлении доктора политических наук Марко Марковичи, состоявшемся 12 марта в помещении Клуба. В своём сообщении, озаглавленном «Постоянство внешней политики России — миф или реальность?» докладчик затронул актуальную и огорчительную тему о ненависти к России, столь распространенной в Европе. Он категорически отверг заявления члена французского

Руины дома в Шреиндлингене под Франкфуртом. На заднем плане — оборудование радиостанции НТС, установленной в России, 27 июля 1988 года.
© Михаил НТС, Франкфурт-на-Майне (Германия)

движения «новых правых» Алена де Бенуа, который утверждал, что при советской власти цели внешней политики якобы полностью совпадали с умыслами царской России. На самом деле, как убедительно показал М. Марковичи, не панслависты и не славянофилы ненавидели Европу, а существовала односторонняя настроенность европейских стран против России... Та же ненависть к России побуждает и сегодня многих европейцев утверждать, что коммунизм, мол, свойственен русскому народу.

Анализу положения в Советском Союзе и перспективам освободительной борьбы был посвящён цикл докладов, прочитанных в помещении Клуба

во время зимнего сезона 1983–1984 гг. В январе 1984 г. друг Союза полковник генерального штаба французской армии в отставке М.В. Гардер, уже не раз выступавший в клубе, поделился соображениями о военной стратегии СССР. Подчеркнув, что Советский Союз, ранее обращавший основное внимание на дальний Восток, взял затем прицел на Европу, которую докладчик охарактеризовал, как значительно разложенную коммунизмом. С докладами выступили также автор книги о генерале Врангеле Н.Г. Росс и председатель НТС Е.Р. Романов. Все сообщения собирали, как всегда, многочисленную аудиторию.

Александр Штамм

СОВЕТСКИЙ БЫТ

ИЗ КНИГИ «ДВЕ РОССИИ XX ВЕКА»

Человек появлялся на свет в СССР обычно в родильном отделении какой-нибудь государственной больницы. Появлялся — если ему повезло. В 1970-х годах примерно 2/3 всех беременностей кончались абортom, и только 1/3 — родами. Противозачаточные средства были крайне скудны; презервативы стали производить в 1944 году по секретному приказу Сталина, чтобы ограничить распространение венерических болезней в армии. Половое просвещение отсутствовало, власть делала вид, что «секса в СССР нет».

В родильных домах порой в одном помещении принимали роды сразу у 16–20 женщин. Питание предлагалось плохое, а передавать роженицам скоропортящиеся продукты запрещалось: их негде было хранить. Мужей в родильные отделения не допускали. Затем мать перемещали в послеродовое отделение, куда младенца приносили для кормления. По данным ООН, в 1980-х годах в 90 странах из 200 младенческая смертность была ниже, чем в СССР.

Серьёзную проблему для женщин представляло соблюдение гигиены в критические дни. В СССР не существовало гигиенических прокладок; когда в аптеках «выкидывали» вату, за ней выстраивались очереди.

Формально СССР по числу больничных коек на 10 тыс. душ занимал одно из первых мест в мире. Но условия в больницах и поликлиниках, медицинская аппаратура находились на уровне слаборазвитых стран. За сложные хирургические операции обычно платили прямо медперсоналу. Ходила поговорка: «Лечиться даром — даром лечиться!»

В 1955 году, перед началом массового строительства жилья, в коммуналках и общежитиях жили

Александр Штамм

82% горожан. Часто там отсутствовали ванная, горячая вода и центральное отопление.

Крещение младенца создавало трудности. Священник был обязан сообщить сведения о нём, которые попадали в госбезопасность и на работу родителей.

После двух лет в яслях ребенок попадал в детский сад, где находился до семи лет. Школьная форма для девочек состояла из коричневого платья и двух фартуков: белого — парадного, и чёрного — повседневного, для мальчиков с 1973 года ввели синюю форму нового образца, без неё не пускали в школу. Существовала и пионерская форма: красный галстук, «белый верх, тёмный низ».

Все школьники с первого по третий классы обязательно состояли в младшем звене пионерской организации — октябрятках. Принимали туда в первую после поступления в школу годовщину Октября. В третьем и четвёртом классах детей принимали в пионеры, вступающий должен был произнести «Торжественное обещание»: «...жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Ком-

Б.С. Пушкирёв. Две России XX века. Обзор истории 1917–1993 / Соавторы: К.М. Александров, С.С. Балмасов, В.Э. Долинин, В.Ж. Цветков, Ю.С. Цурганов, А.Ю. Штамм. – М.: Посев, 2008, 591 с.

мунистическая партия». Каникулы дети проводили в пионерских лагерях.

По достижении пятнадцати лет подростков старались привлечь в ВЛКСМ (комсомол), который престижем не пользовался, но членство в нём было полезно, а порой и необходимо для поступления в вуз. По окончании 8-го класса открывалось три пути: профессионально-техническое училище (ПТУ), техникум, 9-й класс. Власти старались загнать подростков именно в ПТУ — не хватало рабочих рук. Уровень образования в этих училищах был крайне низок.

Учебники проходили тщательную проверку в ЦК КПСС. Все учебники по гуманитарным предметам заполняла ложь. Историю СССР (которая почему-то начиналась с Урарту — государства 860–593 гг. до Р.Х. на Армянском нагорье) свели к тому, что все народы СССР до 1917 г. были жестоко угнетены и поэтому всегда боролись против власти. Зато после 1917 г. наступила идиллия, прерванная лишь вероломным нападением фашистов. Их разгромили с помощью «10 ударов Советской армии» — ранее известных как «10 сталинских ударов». Обществоведение сводилось к заучиванию преимуществ социалистического строя над капиталистическим. Из русской литературы было удалено множество имён, зато очень много времени посвящалось «классикам» советской литературы. О них и полагалось писать сочинения, хотя предлагались и вольные темы вроде «Быть коммунистом — значит мечтать, думать, хотеть, сметь!» Люди, развитые в гуманитарной области, становились таковыми вопреки школе, благодаря домашнему воспитанию и юношеской любознательности.

В вузе «промывание мозгов» продолжалось, более месяца ежегодно выпадало из учебного времени на сельхозработы и переборку картошки на овощебазах.

Поисками работы выпускник вуза в советское время не занимался: защитившие диплом на дневном отделении подлежали распределению. Их могли направить работать на три-пять лет в любую точку СССР. При этом до 1956 года не считались с семейным положением, и уклонившимся от работы по распределению могли дать тюремный срок до трёх лет.

«Без бумажки — ты букашка». Основным удостоверением личности в СССР служил паспорт, который граждане получали в возрасте 16 лет. Паспорт давал относительную свободу передвижения. Его ввели в 1932 году для жителей городов, чтобы предотвратить бегство крестьян от коллективизации. Полностью крестьян уравнивали с остальными гражданами лишь при выдаче паспортов нового образца в 1976–1981 годах.

Свободно приобрести квартиру в СССР было нельзя. Прописка означала право на жильё. Нарушение правил прописки каралось тюремным заключением. Практика позволяла лишить людей прописки без судебного приговора. Например, в 1970-х

годах в Ленинграде человека, публично рассказавшего антисоветский анекдот, вызывали в райотдел КГБ для «профилактической» беседы; при этом паспорт он сдавал охраннику. По результатам беседы ему выносили предостережение, а паспорт могли вернуть с аннулированной ленинградской пропиской. Тогда в течение тридцати суток человек подлежал принудительному выселению в назначенный ему пункт за 101-й километр от города.

Помимо паспорта для всех работающих обязательной считалась трудовая книжка. Ушедшему с работы человеку полагалось устроиться на другое место в течение трёх месяцев, при этом через месяц терялся непрерывный стаж (т.е. право на 10-процентную прибавку к пенсии) и понижалась шкала оплаты больничных листов. А через три месяца не устроившегося на работу могли привлечь к уголовной ответственности за тунеядство.

Существовал ещё военный билет. Его обладателю надлежало в течение трёх суток по приезду (даже на время) в другую местность встать на воинский учёт.

И, наконец, ссыльнопоселенцам полагались не паспорта, а специальные удостоверения, лишавшие их свободы передвижения. Но, отбыв ссылку, они всё же имели больше прав, чем колхозники.

Проза советской жизни: дефицит. На приезжающих в СССР из-за границы самое удручающее впечатление производили магазины. Пустые полки, засиженные мухами муляжи товаров, отсутствие упаковки (товар отпускали «в тару покупателя» или заворачивали в оберточную бумагу — полиэтиленовые пакеты были такой редкостью, что их стирали и хранили), отсутствие холодильной техники, назойливый запах гнилой капусты... И тройные очереди: сначала чтобы выбрать товар, потом для того, чтобы за него уплатить в кассе, наконец, чтобы получить его по кассовому чеку.

Цены на одежду не означали, что её можно было легко найти. Про приличные вещи говорили не «купил», а «достал». Как правило, все субботы (в воскресенье промтоварные магазины были закрыты) люди проводили, бегая по магазинам и простаивая в очередях «за дефицитом». На Западе граждан СССР легко было определить по внешнему виду: мужчин по мешковатой одежде. Каждый, кто мог, за границей стремился прежде всего «отовариться».

В 1970-х годах в провинции власти начали вводить талоны на многие продукты. Трудно было купить не только шампунь, но и банное мыло. В очередях теперь стояли и в рабочее время. Водку по талонам покупали даже совершенно непьющие люди: это была ценность, которой расплачивались за разнообразные услуги, как, например, ремонт водопровода.

Холодильников в быту до 1961 года практически не было. Когда их выпуск наладили, ждать покупки «по записи» приходилось года два. Распространение холодильников имело неожиданные последствия: жители провинции стали ездить в крупные города, чтобы достать скоропортящиеся продукты. Появились «колбасные электрички». Это ухудши-

ло снабжение больших городов, и часть дефицитного продовольствия направили в систему «столов заказов». К этой системе прикреплялись предприятия и учреждения. Один-два раза в месяц их работники могли приобрести дефицитные продукты: сырокопчёную колбасу и копчёную рыбу, кукурузное масло и майонез, шпроты и зелёный горошек, индийский чай «со слонком». Иногда к советским праздникам в этот набор включали 140 г. красной икры. Кроме дефицита полагалась и «нагрузка» — в виде банки несъедобного консервированного борща или рыбных консервов в томате с перловой крупой. Важная разновидность дефицита — свежие овощи и фрукты. Если летом и осенью их можно было купить, отстояв очередь, то зимой из фруктов продавались только яблоки, апельсины и мандарины; последние приходилось добывать с боем.

Дефицитом до конца советской власти оставались цветные телевизоры, которые к тому же имели свойство взрываться. Легковые автомобили в начале 1950-х были просто недоступны, к началу 1960-х очередь за ними растягивалась на пять-семь лет. Затем в Италии приобрели оборудование для выпуска «Фиата-124» (модификации его выпускаются Волжским автозаводом до сих пор), и к середине 1980-х ожидание в очереди снизилось до двух лет.

Проза советской жизни: блат. Несмотря на тотальный дефицит, люди всё же как-то ухитрялись одеваться, а к праздникам доставать что-нибудь вкусное. Объяснялось это тем, что советская система породила «блат» — совокупность отношений, основанных на оказании взаимных услуг. Начинали складываться обширные горизонтальные связи. Сыну продавца надо было поступать в институт, а институтскому профессору требовалась приличная меховая шапка. Между продавцом и профессором находились посредники, которые и организовывали сделку. Особым видом блата стало оказание бытовых услуг. Здесь действовали чисто денежные отношения. Например, в швейных ателье отсутствовал выбор тканей и фурнитуры, а качество пошива для «человека с улицы» было безобразным. Но если вы попадали в это же ателье по рекомендации знакомых, тут же находилось всё нужное, и вещь шили вполне прилично. Платили вы при этом лично закройщику.

Так как госорганизации ничего не делали качественно, то возникли целые отрасли полуподпольного бытового обслуживания: строительство дач, ремонт квартир, радиоэлектроники и автомобилей. При этом самодельные предприниматели, несмотря на все препоны, добивались высокой степени кооперации. Примером может служить подпольный пошив джинсов: 80% этих брюк, сработанных под лучшие западные фирмы, почти полностью изготавливали в СССР. Текстильные комбинаты выпускали никем не учтённую джинсовую ткань. Прядельно-ниточные — никем не учтённые нитки. Полуподпольные артели производили фурнитуру и лейблы. Кары подпольным предпринимателям

(«цеховикам») полагались сравнительно мягкие, до четырёх лет заключения; правда, по ходу своей деятельности они давали взятки, а за это можно было получить и расстрел.

На работе. Профсоюзы были вертикальными (рабочий состоял в одной организации с директором) и делились по отраслевому принципу. Их члены платили взносы — 2% в месяц от заработка. Помимо оплаты больничных листов, профсоюзы давали возможность приобретения льготных путёвок в дома отдыха. Лучшие доставались начальству.

Обязательная часть советского производственного ритуала — собрания (партийные, производственные, профсоюзные, комсомольские), политинформации и митинги. 7 ноября и 1 мая устраивались демонстрации — шествия по главным улицам с красными знамёнами, партийными лозунгами и портретами вождей. От участия в них люди старались уклониться. Поэтому на больших предприятиях выработался прецедент: нести транспарант и знамя предприятия стоило 25–30 руб., обычный транспарант — 15–20 руб. и т.д.

Жильё становилось важной заботой молодых людей, которые уже обзавелись семьями. Коммуналками становились даже малогабаритные хрущёвские квартиры. Их обитатели женились, рожали детей, разводились, создавали новые семьи. Иногда в 25-метровой двухкомнатной квартире жили четыре-шесть человек. Система прописки и государственной собственности на жильё привязывала людей к своим углам, вынуждая их по 10–12 лет ждать очереди на получение новой квартиры.

В середине 1960-х власть отказалась от государственной монополии на жильё и разрешила жилищно-строительные кооперативы (ЖСК). Люди платили вступительный взнос и ждали 3–4 года; затем получали квартиру и в течение ещё пятнадцати лет выплачивали оставшуюся сумму. Чтобы снизить затраты, члены кооперативов сами работали на строительстве («метод народной стройки»). В 1966–1970 гг. ЖСК построили в Ленинграде 20% нового жилья, в Москве в 1971–1975 — около 10%.

Получив новую квартиру, приходилось ликвидировать оставшиеся после строителей недоделки. Ни материалов, ни инструмента в продаже не было. Много приходилось воровать на работе. Коллеги смотрели на это сквозь пальцы: «Тащи с работы каждый гвоздь — ты здесь хозяин, а не гость!»

Всё же получение отдельных квартир изменило советский быт. У людей появилась возможность уединяться в узком кругу, вести «разговоры на кухне».

От классики к крамоле. СССР называли самой читающей страной в мире, ссылаясь на астрономические тиражи книг. Но советское книгоиздательство в значительной мере работало на выпуск макулатуры: сборников партийных решений, «классиков» марксизма и советской литературы (писателей, чьи книги вышли тиражом более 1 млн. экземпляров).

Люди же стремились достать произведения русской и мировой классики, интересных современных писателей. Такие книги были в дефиците. Поэтому ещё в 1950-х годах возникли «развалы» — книжные барахолки, где люди покупали или обменивали интересующую их литературу. Там встречалась и запрещённая литература, показателем спроса служила цена. В 1970 году журнал «Посев» стоил 25 руб., в магазине один том собрания сочинений Ленина — 55 коп.

Помимо книжных развалов действовали и музыкальные, где продавались западные пластинки (с запрещённой рок-музыкой) или их копии, сделанные на рентгеновской плёнке, а также магнитофонные ленты с записями отечественных бардов (Визбора, Галича, Городницкого, Высоцкого, Кима, Окуджавы). Милиционеры с собаками разгоняли такого рода частную торговлю, но она неизменно возникала вновь.

На отдыхе. Сравнительно немногие отдыхали по профсоюзным путёвкам. И уж совсем ничтожная доля попадала по ним за границу, причём только в соцстраны. Чтобы поехать, допустим, в Болгарию, требовалось пройти комиссию райкома КПСС. Люди сравнительно молодого возраста нередко отправлялись отдыхать на юг «дикарями». Добирались до тёплых краёв с трудом — из-за постоянной нехватки железнодорожных и авиабилетов. Затем предстояло найти жильё. Койка в развалюхе с удобствами во дворе стоила в начале 1980-х 1–3 руб. в сутки при месячной зарплате порядка 100–150 руб. Так как с продуктами и общепитом было плохо, то отдыхающие обычно брали с собой консервы и топлёное масло. С юга ведрами везли недорогие фрукты.

Но основной вид отдыха — загородный. Начиная со второй половины 1960-х, вокруг больших городов стали в огромном количестве возникать садовые и огородные товарищества. Посёлки состояли из небольших домиков на участках по 4–6 соток. Первоначально площадь домика не могла превышать 10–12 кв. м, причём устраивать отопление запрещалось. На участке не допускалось никаких

хозяйственных строений, кроме туалетов; запрещались даже террасы и мансарды. Всё это Президиум ЦК КПСС обсуждал на нескольких заседаниях. Основным аргументом сторонников ограничений: «советского человека нельзя приучать к вещизму». Со временем начались послабления: разрешили и домики побольше, с верандой и печкой, и хозяйственные постройки. Участки в дачных кооперативах, в отличие от садово-огородных, были больше, по 8–10 соток. На них обычно стояли домики щитового серийного производства площадью 25 кв. м. В 1978 году приобретение такого дома обходилось в 1800 руб., но работы по его установке и отделке стоили в несколько раз больше. Загородный отдых в советское время, особенно для людей предпенсионного и пенсионного возраста, сводился к сельхозработам на своих участках.

Советское телевидение. Передачи жёстко регламентировались, действовали четыре канала, и только по первому передачи велись с 7:00 до 23:30. Второй канал — местный — действовал лишь по вечерам, как и четвёртый (культура и спорт). Третий канал — учебный — давал материалы по предметам учебной программы в школах и для студентов-заочников; во время каникул он не работал. Новостная программа «Время» (21:00–21:35) шла одновременно по всем каналам и включала партийно-государственную хронику, новости производства, события (позитивные) в соцстранах, события (негативные) в капиталистических странах, новости культуры и спорта, погоду. Далее — художественный фильм (как правило, советский, производственной тематики) и отбой.

От пенсии до могилы. Пенсионный возраст большинства граждан составлял 60 лет для мужчин и 55 — для женщин. Размер пенсии — 50% среднемесячного заработка за предшествующие пять лет плюс 10% от этой суммы за непрерывный стаж. Предельный размер пенсии ограничивался 132 руб. Люди нередко продолжали работать несколько лет и по достижении пенсионного возраста.

Александр Югов

«Упорядочение» цен при развитии социализме

«Посев», 1978, № 4

Объявленное 1 марта «упорядочение» цен в Советском Союзе ещё раз убедительно показало беспочвенность утверждений об отсутствии инфляции в странах социалистической экономики. В последние годы было особенно отчетливо видно, что инфляция в социалистических странах есть, что она зависит от тех же причин, что и во всем мире, да и количественно она вряд ли меньше, чем в странах рыночной экономики. Одна лишь «маленькая» разница: в этих последних заработная плата работающих по найму, по коллективным договорам, привязана к индексу цен

и растёт вместе с ценами, а в особо благоприятных странах растёт быстрее, чем цены, то есть заметно повышается жизненный стандарт народа. В социалистических же странах никакой привязки заработной платы к ценам нет, зарплата рабочих и служащих десятилетиями остаётся неизменной, прибавок удаются лишь работники отдельных отраслей раз в 15–20 лет, да и эти прибавки представляются агитпропом как милость «партии и правительства». В целом же жизненный стандарт народа если и растёт, то крайне медленно, почти незаметно, причём главным образом

за счет *количества* в труда — совместительство, подработок в вечернее время, почти поголовного женского труда, а также за счёт обкрадывания государства, спекуляции, коррупции. Разумеется, при такой структуре вся тяжесть повышения цен (или оборотной стороны социалистической медали — отсутствия дефицитных товаров в продаже; трудно решить, что хуже) ложится на плечи тех трудящихся, кто не работает в системе обслуживания, не имеет приработков, не имеет что воровать и чем спекулировать.

После повышения цен 1962 года, когда резко, до 35%, были повышены цены на продукты первой необходимости, последующие периодические повышения цен производились якобы на предметы роскоши: золото, серебро, платину, хрусталь, меха, коньяки, икру и т.п. Но круг понятия «роскошь» непрерывно расширяется. В прошлом году существенно повысились цены на импортную одежду, стеклянные и фарфоровые изделия, натуральный шёлк, книги. От 20% до 100% повысилась стоимость всех видов общественного транспорта.

При мартовском повышении цен в круг предметов роскоши попадают уже кофе (цена кофе в зернах возросла в 4–4,5 раза, растворимого кофе — в 3 раза!), какао и шоколадные кондитерские изделия (повышение на 30%), качественные вина. Цена на золото и платину вновь повысилась — на 60%. Государственная цена золота стала настолько высокой (да, того самого золота, из которого Ленин собирался строить общественные уборные!), что для приобретения золотых обручальных колец «лицам, впервые вступающим в брак, выплачивается при регистрации брака соответствующая денежная компенсация».

Но особенно существенно скажется повышение цен на бензин (в среднем в 2 раза), на запчасти к автомобилям и на их ремонт и техобслуживание (в среднем на 35%). Число частных владельцев автомашин, «частников», хоть и медленно, но неуклонно растёт. Теперь уже не только приобрести машину, но и ездить на ней станет роскошью даже для людей с высоким заработком. Иностранные газеты, публикуя новые цифры стоимости бензина в СССР (ок. 20 копеек) и производя перевод по официальному курсу, отмечают, что советский бензин всё же остается самым дешёвым в Европе. При этом часто забывают упомянуть, что для приобретения 1 литра этого «самого дешёвого» бензина советский среднестатистический рабочий должен работать 15–20 минут, в то время как его «оппонент» в ФРГ или Англии тот же литр бензина заработает за 4–5 минут. К сожалению, западная печать порой чересчур всерьёз манипулирует официальным советским курсом.

Безусловно, фактическое удвоение стоимости транспорта вызовет существенный рост цен на колхозных рынках. Спираль цен на овощи, фрукты, мясо, яйца, птицу и т.д. будет раскручиваться практически беспрепятственно, ибо в государственных магазинах, помимо столичных, мало что из этого есть, а что есть — соответственного «государственного» качества.

Удвоение транспортных расходов неминуемо закрутит спираль цен и на товары ширпотреба. Не будем забывать, официальные повышения цен — лишь видимая верхушка айсберга. Государственные предприятия обладают тысячами способами повышать цены на свою продукцию без общегосударственных объявлений. Здесь и псевдомодернизация изделий, и намеренное применение лишь дорогих, «ценностных» комплектующих, и снятие с выпуска дешёвых и невыгодных (предприятию) товаров, и замена этикетки, и фактическое ухудшение качества цепью ведомственных «рацпредложений», и т.д., и т.п. Государство может всё — оно монополист; потребитель не может ничего — конкуренция-то отсутствует.

Повышение цен на бензин на 200% еще больше запутает тот «узелок», который характерен лишь для страны развитого социализма. Не секрет, что большинство автомашин в стране (более 90%) находится не в частных, а в государственных руках. Водители этих машин заправляются по специальным талонам, которые им выдаёт их предприятие или учреждение. Так как каждый водитель умело находит изъяны в нормах расхода горючего, а главное, потому что многие предприятия в погоне за выполнением плановых показателей «накручивают» фиктивные тонно-километры, на руках у шофёров скапливаются талоны на бензин, каковые перепродаются (со скидкой, разумеется) частнику — либо прямо, либо через посредство заправщиков бензостанций. Место заправщика считается одним из самых доходных в стране, за его получение давали крупные взятки, до 2–3 тысяч рублей. Сколько же будут давать теперь?

Надо полагать, в ответ на очередную «заботу партии и правительства» новые «внутренние резервы» вскроют не только бензозаправщики, но и работники шоколадных фабрик, продуктовых баз, ювелирных цехов, авторемонтных мастерских. При новых ценах «самоснабжение» и снабжение соседей и знакомых станет еще более рентабельным мероприятием. На что власть, в свою очередь, ответит усилением контроля, то есть увеличением контрольно-ревизионного аппарата, числа разного рода надсмотрщиков, ВОХРа, ОБХС и других, столь же полезных и производительных инстанций. Социалистическая циркуляция получает новый мощный импульс.

Упорядочение цен от 1 марта предусматривает не только повышение, но и снижение цен — на черно-белые телевизоры, малоемкостные холодильники, синтетические ткани и одежду из них, обувь из синтетики. Снижение на 10–30%. Подобные снижения — также характерная черта развитого социализма. При рыночной экономике, в условиях непрерывной конкурентной борьбы, снижение цен — путем ли регулярных распродаж, различных скидок, ликвидацией промежуточных звеньев на пути к потребителю — происходит также непрерывно. В условиях развитого социализма бюрократическая

лестница для пересмотра цен настолько вырастает, что само снижение цен обязательно запаздывает: изделия уже прочно «затоварены». Предметы, на которые сейчас снижены цены, уже несколько лет как «затоварены», и снижение мало что изменит. Во всяком случае, никакого бума в продаже указанных изделий в первые недели марта не наблюдалось. Мало что, по-видимому, изменят и выросшие «ножницы» между ценами на импортные и отечественные одежду и обувь: советский человек так прочно усвоил формулу «советское — значит отличное», что вряд ли прельстится удешевлённой отечественной синтетикой. Разве что к ней предприимчивые спекулянты пришьют импортные наклейки...

Итак, экономика, при которой в результате взаимодействия инфляционных и конкурентных факторов цены меняются *естественно* — это, по марксистскому определению, анархия производства. А экономика, при которой цены меняются *искусственно*, повышаются сразу вдвое, а то и в 3–4 раза (все предыдущие годы государство продавало в убыток? и за импортное сырьё

переплачивало? или решило вдруг удвоить «норму прибыли»?) — это стройное здание развитого социализма... Не нужно быть экономистом, чтобы достойно оценить это издевательство над здравым смыслом, которое, увы, длится уже не одно десятилетие.

Комментируя из Москвы «упорядочение» цен в СССР, западногерманский тележурналист заметил: «Политических волнений, в отличие от стран Восточной Европы, здесь ожидать не приходится: ведь цены на хлеб не повысились». Можно было бы напомнить ироничному немецкому комментатору о временах Гитлера: что-то немцы, даже перейдя на разного рода «эрзацы», не очень-то склонны были к политическим выступлениям. А ведь за их спиной не стояли десятилетия беспощадного террора и тотального страха...

Политических волнений, действительно, не было. Но в стране уже давно и необратимо идет, говоря марксистским языком, «процесс количественных накоплений». Несомненно, что прошедшее «упорядочение» цен — одно из них.

И. Глазенап

Мы — отсталая страна

«Посев», 1978, № 1

Подводя материальные итоги 60-летнего существования советского строя, мы не собираемся говорить о производстве стали или добыче нефти, поскольку к жизненному уровню населения эти данные имеют, в лучшем случае, самое поверхностное отношение. Нас интересуют конкретные данные о жизненном уровне советских граждан через 60 лет после тех самых «десяти дней, которые потрясли мир». Сравнения с Западом часто производятся и в западной печати; но очень редко делаются сравнения между уровнем жизни теперь и до революции: частично потому, что трудно найти статистические данные той эпохи, а частично потому, что, по мнению многих западных публицистов, сравнивать, собственно говоря, нечего: конечно, русские живут сейчас хуже, чем просвещённые европейцы и американцы; но уж зато они, само собой разумеется, живут много лучше, чем жили их деды при «царизме».

Для советского руководства этот тезис тем более важен, что прогресс по сравнению с «царизмом» служит, прежде всего, «оправданию» революции: если бы этого прогресса не было, то для чего, спрашивается, было делать революцию? В тезисах ЦК КПСС по случаю годовщины, опубликованных в феврале текущего года, «прогресс» показан немалый: за 60 лет советской власти реальные доходы рабочих выросли, оказывается, в 10 раз, а крестьян — в 14 раз.

Для начала займёмся простой арифметикой: если средняя месячная зарплата советского рабочего, за вычетом налогов, едва достигает ста пятидесяти рублей, то это значит, что его дед довольствовался перед первой мировой войной 15 советскими рублями в месяц. Покупательная способность николаевского золотого рубля была, по крайней мере, в пять раз выше советской: яйцо стоило в 1913 г. 1–2 копейки за штуку, сейчас стоит 13 копеек; говядина стоила 35–45 коп/кг, сейчас самая дешёвая в магазине 2 рубля, о ценах на рынке не будем и говорить; пара ботинок стоила 5–7 рублей, теперь 30–50 рублей и т. д. Иными словами, если дореволюционный рабочий довольствовался 15 нынешними рублями в месяц, то это должно означать, что его месячный заработок не превышал *трёх* золотых рублей.

Этому трудно поверить, хотя бы потому, что Ленин в 1912 году писал в статье «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России», что в 1908 году средняя зарплата русских промышленных рабочих составляла 246 рублей в год или 20.50 рублей в месяц. Если мы опять-таки переведём эти николаевские рубли в советские, то получится, что в нынешних деньгах дореволюционный рабочий зарабатывал 102 рубля в месяц, то есть на одну треть меньше, чем теперь. Откуда ЦК КПСС взял соотношение 1 к 10 — остаётся на совести Агитпропа...

Однако нам известно, что данные Ленина заведомо ложны: его цифры средней зарплаты взя-

ты из отчётов фабричных инспекторов, которые делили весь фонд заработной платы данного предприятия на общее число работавших на нём в течение года рабочих. При большой текучести рабочей силы в старое время — например, те рабочие, у которых была семья в деревне, уходили, как правило, домой на время полевых работ — на одном штатном месте на заводе за год могло смениться несколько человек, хотя каждый зарабатывал в месяц положенную по его месту ставку; если разделить эту ставку на число занятых в течение года на данной должности, получится средняя зарплата вдвое, втрое, а то и впятеро ниже действительной. Это давно известно, и пользоваться ленинскими данными в наше время могут либо невежды, либо лица, заинтересованные в получении заведомо отрицательных материалов. Для наших русских читателей отметим, что публицистов последнего типа на Западе довольно много и что, поэтому, ко всем западным данным о старой России следует относиться с осторожностью. Например, известный труд американского экономиста, выходца из России, ныне покойного Наума Ясного, «The Socialized Agriculture of the USSR. Plans and Performance», Stanford, Cal. 1949, неплох в той его части, которая анализирует советское сельское хозяйство, но абсолютно непригоден в главе IX «О дореволюционном доходе и производстве». Наум Ясный пользуется исключительно советскими данными, лишь немногим отличающимися от цитированных нами «тезисов» ЦК КПСС, и «дополняет» их некачественной болтовней о том, что русский мужик жил, «как древние вавилоняне и египтяне», на хлебе и квасе.

Советскими данными пользоваться, конечно, можно, надо только знать, какими: важнейшим качеством всякого историка является умение различать между источниками, заслуживающими и не заслуживающими доверия. В нашем распоряжении есть некоторые, довольно редкие, данные, которыми мы поделимся с читателями.

Речь идёт, следовательно, о том, сколько зарабатывал средний русский рабочий до революции. Для начала напомним, что Н. С. Хрущёв, написавший на своём вынужденном досуге мемуары, напечатанные на Западе, вспоминал, что в 1914 году, когда ему было ровно 20 лет, он работал слесарем на заводе где-то в южно-русской провинции и получал в месяц 45 рублей; жена его, разумеется, не работала, так как у них было двое детей, и жили они в квартире из трёх комнат с кухней. Не без некоторой ностальгии Никита Сергеевич вспоминал, что яйцо стоило тогда копейку, а ботинки, не хуже тех, что он носил, будучи главой советского правительства, стоили 6–7 рублей. Нас в его воспоминаниях интересует, главным образом, то, что 20-летний слесарь зарабатывал, очевидно, *ниже* среднего заработка.

Если советские статистические данные о старой России, начиная, примерно, со сталинских пятилеток, не заслуживают ни малейшего доверия и должны быть причислены к разряду пропагандных сказок, то, например, советскими данными двадцатых годов пользоваться вполне возможно: в те годы статистика ещё не стала жертвой беззастенчивой манипуляции, тем более что много ещё было граждан, помнивших старое время по личному опыту. В «Правде» № 261 от 26 ноября 1927 года была, например, опубликована статья тогдашнего Наркомтруда, некоего В. Шмидта, под заголовком «О политике партии в рабочем вопросе». В ней сообщалось, что в IV квартале 1926–27 хозяйственного года, т.е. в июле-сентябре 1927 года, средняя заработная плата рабочих государственной промышленности достигла 110% довоенной; в той же статье, в другом контексте было упомянуто, что в марте 1927 года эта средняя зарплата рабочего составляла 66 руб. 20 коп. в месяц. Приняв, что с марта по июль 1927 года советская зарплата вряд ли существенно изменилась, мы можем на основании этих двух цифр сделать вывод, что дореволюционная зарплата рабочих, по официальным советским данным, составляла на круг 60 рублей.

Ряд подробностей в статье тов. Шмидта скрыт, и, вероятно, не без умысла: так, например, речь, наверное, идет о номинальной зарплате советских рабочих, т.е. до вычета налогов — цифры в этом случае получаются несколько более высокими, а этим советские наркомы никогда не брезговали. В старое же время налога с лиц наемного труда — будь то слесарь или министр — не существовало, и поэтому номинальная зарплата равнялась реальной.

У нас есть основания подозревать, что Шмидт, кроме того, сообщил неправильное соотношение между советской и дореволюционной заработной платой. Против его заявления, будто бы советские рабочие зарабатывали в 1927 году на 10% больше, чем в старое время, говорят другие данные той же советской печати. Например, газета «Труд» тогда еще, при Томском, не была окончательно превращена в «приводной ремень» партии, как и профсоюз, и имела поэтому возможность писать более или менее правдиво. В номере от 20 апреля 1928 года «Труд» писал, в связи с VI съездом горняков в СССР, что «реальная заработная плата горняка составляет лишь 79,4% довоенного уровня». А о рабочих-металлистах тот же «Труд» писал 12 января 1928 года, что их средняя реальная зарплата составляла 86,5% довоенной; отметим, что в обоих случаях речь шла о наиболее высокооплачиваемых категориях трудящихся. Другими словами, если среднюю советскую зарплату в 1927 году принять равной 66.20 рублям — здесь Шмидт вряд ли был очень далек от истины — то по отношению к довоенной эта цифра, видимо, составляла не 110%, а много меньше. В ту же эпоху весьма компетентный в русских делах английский научный журнал «The Slavonic Review» (Vol. V, No. 13)

за июнь 1926 года сообщал, что средняя зарплата советских рабочих всех отраслей промышленности составляла в 1926 году 48 р. 74 коп. в месяц, что по расчету того же журнала равнялось 69% довоенного заработка; из чего явствует, что средняя дореволюционная зарплата в промышленности составляла 70 р. 63 коп. в месяц, и эти данные, как мы видим, сходятся и с указаниями тогдашней профсоюзной печати, хотя и расходятся с цифрами Наркомтруда.

В нашем распоряжении, кроме того, есть данные о заработной плате по отдельным предприятиям и районам России, напечатанные в начале 1920-х годов в журнале «Архив истории труда в России» (впоследствии переименован в «Труд в России»): в книге № 10 этого журнала за 1923 год мы читаем, что на городском водопроводе в С. Петербурге в 1912–13 гг. чернорабочие зарабатывали 33–40 руб. в месяц («плюс квартира, т.е. общежитие»), а машинисты и слесаря 95–110 руб. В книге № 9 того же журнала находим цифру среднего заработка всех рабочих Путиловского завода в русской столице в 1914 году: 70,57 руб. в месяц. На заводе Леснера в том же году квалифицированные рабочие получали от 63 до 91,50 руб. в месяц («Труд в России» № 1, Ленинград, 1925 г.). В провинции ставки были обычно ниже столичных: на Нижнеднепровском заводе квалифицированным рабочим платили от 32 до 60 руб. в месяц, зато и жизнь там была много дешевле — на одном из таких заводов работал, вероятно, и Хрущёв.

Одним словом, будь то по советским, будь то по зарубежным данным, определение среднего заработка промышленных рабочих в России перед первой мировой войной в 60–70 руб. в месяц можно считать вполне реальным. А это, в свою очередь, означает, что при номинальном заработке в рублях в настоящее время вдвое выше дореволюционного и при ценах в 5–6 раз более высоких, нынешний рабочий в СССР живёт в два с половиной или три раза хуже, чем до революции.

Число рабочих дней в году в советское время, несмотря на введение пятидневной рабочей недели, выше дореволюционного из-за большого числа церковных праздников, соблюдавшихся в старое время. В то время, как сейчас в году всего 8 праздничных дней и общее число рабочих дней равно 252, до революции рабочий год состоял всего лишь из 237 дней, что, кстати, даёт среднюю продолжительность рабочей недели в четыре с половиной дня. Как видим, и в этом отношении рабочий жил при «кровавом царском режиме» не хуже, а лучше, чем сейчас. Правда, рабочий день был несколько длиннее: после очередных его сокращений после 1905 года он составлял, в зависимости от отрасли промышленности от 8 до 10 часов, в среднем 9 часов.

Если мы разделим месячную зарплату — 150 советских рублей и 70 царских — на число рабочих дней в месяц (21 день в СССР и 19,75 в России),

получаем дневной заработок в 7 руб. 14 коп. в СССР и в 3 руб. 54 коп. в России.

Возьмём теперь цены важнейших продуктов питания:

	Россия	СССР
	1913	1976
Хлеб ржаной 1 кг	6–7 коп.	18 коп.
Сахар 1 кг	30 коп.	90 коп.
Масло сливоч. 1 кг	1 р.	3 р. 60 коп.
Мясо 1 кг в среднем	40 коп.	2 р. 50 коп.

На свою дневную зарплату рабочие могут (могли) купить:

	Русский	Советский
	рабочий	рабочий
	1913	1976–77
Хлеба	54 кг	40 кг
Сахара	11,8 кг	7,9 кг
Масла	3,54 кг	1,98 кг
Мяса	8,7 кг	2,85 кг

Иными словами, на дневной заработок русский рабочий до революции мог купить, по сравнению с советским, почти в полтора раза больше хлеба и сахара, почти в два раза больше масла и в три раза больше мяса. Кстати, если послушать тов. Брежнева, то на одну десятую нынешнего советского заработка русский дореволюционный рабочий мог бы купить в день 1 кг ржаного хлеба и полфунта селедки — по советским ценам, конечно, поскольку сравнение делается с советскими заработками. На это уходил бы весь месячный заработок, не оставалось бы ничего ни на квартиру, ни на одежду, ни, тем более, на содержание семьи. Жаль, что тов. Брежнев не удосужился прочесть хотя бы воспоминания Хрущёва!

Заметим, что приведённое нами сравнение далеко не объективно с той точки зрения, что все перечисленные нами продукты питания принадлежат к числу субсидируемых советским государством. Это значит, что их цена искусственно поддерживается на низком уровне, а убытки государство покрывает за счёт невероятно высоких косвенных налогов на другие товары, главным образом на предметы длительного пользования.

В наше время очень распространены сравнения не в деньгах, а в рабочем времени. Действительно, это сравнение не зависит от валютных курсов, которые даже в нормальных условиях не отражают покупательной способности и, к тому же, подвержены колебаниям, по причинам, никакого отношения к жизненному уровню не имеющим. Расчёт того, сколько минут или часов надо работать среднему трудящемуся, чтобы оплатить тот или иной товар, даёт нам в высшей степени объективный критерий жизненного уровня. Приводим ниже соответственный подсчёт для СССР, России и современной Западной Германии. При этом про-

должительность рабочего дня принята нами для СССР и ФРГ равной 8-ми часам, для России — 9-ти часам.

Товар	Стоимость товара в мин. труда		
	СССР	Россия	ФРГ
	1976	1913	1976
Хлеб пшеничный 1 кг	20 мин.	18 мин.	15 мин.
Мясо (говядина) 1 кг	144 мин.	61 мин.	105 мин.
Молоко 1 литр	21 мин.	11 мин.	8 мин.
Масло 1 кг	260 мин.	153 мин.	63 мин.
Сахар 1 кг	65 мин.	46 мин.	10 мин.
Яйца 1 шт.	9,7 мин.	2,3 мин.	1,7 мин.
Маргарин 1 кг	130 мин.	—	31 мин.
Кофе молотый 1 кг	325 мин.	—	142 мин.
Пиво 1 литр	32 мин.	—	11 мин.
Картофель моло- дой 1 кг	72 мин. (на колх. рынке)	3 мин.	2,4 мин.
Рис 1 кг	63 мин.	41 мин.	20 мин.
Обувь мужск. 1 пара	2164 мин.	1000 мин.	569 мин.

Из этих сравнений видно, что СССР стоит по жизненному уровню далеко позади старой России, хотя в остальном мире — как это ясно видно из сравнений с Западной Германией — жизненный уровень против 1913 года очень сильно повысился. Не будет поэтому преувеличением сказать, что резкое улучшение жизни малообеспеченных слоёв населения, наблюдавшееся за последние 30 лет во всем мире, не только прошло мимо советского населения, но, наоборот, вместо прогресса в Советском Союзе имел место регресс, т. е. ухудшение жизни даже по сравнению с давно прошедшей эпохой европейской истории. И опять-таки отметим, что многие из приведенных в нашей таблице продуктов относятся к государственно субсидируемым в СССР, т. е. их цены искусственно занижены, за счёт других товаров, в большинстве своём в нашу таблицу не вошедших.

Любопытно, что даже по сравнению с нынешним высоким жизненным уровнем на Западе затраты рабочего времени в старой России по ряду товаров вполне выдерживает сравнение: для покупки хлеба, молока, яиц и картофеля до революции рабочему приходилось работать лишь немногим дольше, чем сейчас за границей, в то время как мясо в России обходилось чуть ли не вдвое дешевле.

Ещё более редкими данными в международной статистике являются сравнения, например, жизненного уровня в Германии теперь и до первой мировой войны; и уж совсем трудно найти сравнения между уровнем жизни в России в 1913 году и в странах Западной Европы в ту же эпоху. В статье советского экономиста А. Блека «Рабочие на Ленских золотых приисках», в уже цитированном нами журнале «Архив истории труда в России», книга 10 (Петроград, 1923), были приведены следующие данные средних заработков рабочих в Западной Европе до 1914 го-

да, правда, без сравнения с соответственными заработками в России:

Зарботки в золотых рублях

Страна	в год	в месяц
Англия	550	46
Франция	540	45
Германия	450	37,5
Австро-Венгрия	340	28,3

Далее, в нашем распоряжении есть данные по Германии с несколько более высокими средними цифрами: в мюнхенской газете «Зюддойче Цейтунг» от 30 апреля/1 мая 1969 года была помещена заметка о доходах и расходах рабочих в Мюнхене в 1909 году, на основании хозяйственных записей 22-х рабочих семей. Следует заметить, что 22 семьи — довольно мало для выведения средних данных; а с другой стороны, баварское статистическое ведомство взяло сравнительно хорошо оплачиваемых рабочих: из 22-х семей только одна семья чернорабочего, да две других можно с натяжкой причислить к низкооплачиваемым, остальные — сравнительно хорошо зарабатывавшие сапожники, кузнецы, гравёры, металлисты, маляры и т. д. Их средняя зарплата определяется газетой в 1291 марку или 645 зол. рублей в год, т. е. 53,57 руб. в месяц. Поскольку в ту эпоху процент чернорабочих был очень высоким, следует считать данные Блека более близкими к истине. По сравнению с обоими данными (37,50–53,75 руб. в месяц в Германии) средняя зарплата в России порядка 60–70 руб. в месяц представляется тем более высокой, что продукты питания в России были на одну треть дешевле, чем в Западной Европе, а квартиры стоили вдвое дешевле. Приводим некоторые данные для сравнения:

Товары и цены в зол. руб. и коп.

	Россия 1913	Мюнхен 1909
Ржаной хлеб 1 кг	6–7 коп.	18 коп.
Пшеничный хлеб 1 кг	12 коп.	25 коп.
Масло сливочное 1 кг	1,00 руб.	1,50 руб.
Мясо (говядина) 1 кг	35–45 коп.	65–97 коп.
Молоко 1 литр	7,5 коп.	10 коп.

Для иллюстрации того, сколько советские граждане переплачивают при покупке товаров длительного пользования, где государство возвращает себе те суммы, которые оно расходует на субсидирование части продуктов питания, достаточно продолжить наши сравнения с Западной Германией в затратах рабочего времени:

Вид товара	Затраты трудового времени для покупки в	
	В ФРГ	В СССР
Мужская сорочка	204 мин.	534 мин.
Мужской костюм	36 час.	106 час.
Холодильник 150 л.	38 час.	168 час.
Телевизор черно-белый	38 час.	463 час.
Мужской велосипед	20 час.	75 час.

Само собой разумеется, что в приведенных сравнениях не учтены полностью ни качество товара, ни хлопоты в СССР, связанные с дефицитностью, трудностями «доставания» и не меньшими трудностями при эксплуатации (невозможность ремонта или покупки запасных частей и т. д.).

Итоги «соревнования двух систем», о котором любят распространяться органы советской пропаганды, избегая, в большинстве случаев, конкретных сравнений, следует признать весьма плачевными для так называемого «развитого социализма». По сравнению со странами нынешне-

го Запада, Советский Союз по жизненному уровню своего населения должен быть причислен к самым отсталым странам; и даже по сравнению с наименее обеспеченными слоями населения старой России, громадная масса советского населения живёт на уровне, вдвое или втрое более низком.

Неудивительно, что советской статистике приходится прибегать к совершенно фантастической фальсификации статистических данных, как только заходит речь о сравнении жизненного уровня СССР с дореволюционной эпохой.

В. Рощин

Советский туризм: стало ли легче?

«Посев», 1988, № 7

...30 июля прошлого года московские центральные газеты, московское радио и центральное телевидение с большой помпой сообщили, что с 1 января 1988 года вступает в силу новое положение об упрощённом порядке оформления и выезда советских граждан в туристические поездки за рубеж. Правда, упрощение касается только поездок в «братские страны социализма», но и то, как говорится, хлеб. Для рядовых советских людей, 70 лет живущих в строгой изоляции от остального мира, и соцстран настоящая заграница.

Ну и что, полегчало? Вовсе нет. В программе «Резонанс», показанной Первым каналом московского телевидения 14 января с.г., заместители председателей трёх крупнейших советских туристических агентств отвечали на вопросы телезрителей. И вот что выяснилось. Действительно, из почти тридцати вопросов выездной анкеты в новой её форме сохранилось только восемь, вместо требования обойти 16 врачей-специалистов теперь нужно иметь справку от лечащего врача о состоянии здоровья. Но такая скользкая вещь, как согласие «треугольника» (начальника предприятия, профсоюзного и партийного боссов) — осталась. Легко ли такое согласие получить? По своему опыту и опыту моих друзей — могу заверить, что нет, если не посвящать уйму времени «общественной работе» и «политучёбе».

Кстати, это упрощение — по словам заместителя председателя Интуриста Игоря Коновалова — всего лишь эксперимент, действующий в Москве, столицах союзных республик, Бресте, Челябинске, Ужгороде и Якутске. И запланировано продать в ходе эксперимента всего 30 тысяч путёвок.

Проходит этот эксперимент на фоне перехода Интуриста на самокупаемость и подорожания путёвок. Коновалов объясняет подорожание увеличением стоимости обслуживания за рубежом. Но за неделю до передачи заведующий отделом

загрантуризма Запорожского областного совета профсоюзов Г. Рекалов заявил ровно противоположное (см.: «Путёвка за границу дорогое удовольствие», Известия, 6.1.1988). По его словам, ни одна из туристических фирм соцстран цен на обслуживание не подняла, и подорожание путёвок не что иное как стремление Интуриста «спрятать за ценой путёвок свою экономическую несостоятельность».

Цена же путёвок возросла основательно. Например, цена путёвки в Чехословакию в прошлом году выросла с 409 до 500 рублей, в ГДР — с 216 до 300 рублей, причем всё это — без стоимости проезда. Тут же Рекалов добавляет, правда, что наши туристы привыкли уже загорать в Болгарии в ноябре, участвовать в средиземноморских круизах зимой, а на лыжах кататься в саксонской Швейцарии (ГДР) — летом.

Ну то, что советские граждане в собственной стране имеют меньше прав, чем иностранцы, и то, что им сбывают залежалый товар, — это факт давно известный. А вот новая цена путёвок вызывает еще и такие мысли. Госкомстат СССР в конце прошлого года порадовал тем, что, оказывается, средняя заработная плата в Союзе составляет 200,5 рублей («Семейный бюджет», Известия, № 283, 1987). То есть получается, что среднему советскому человеку полгода надо во всём себе отказывать, чтобы по милости «треугольника» съездить за границу. Но с такой цифрой многие не согласны. Вот что написал житель Москвы Л. Корзенков:

«Меня возмутил материал «Семейный бюджет». Здесь — не статистика, а фантастика! Мои родные, работающие в пределах столицы, получают (имея образование!) от 130 до 160 рублей. Их проблемы не в покупке автомобилей, а самых скромных бытовых предметов вещей» (см.: Юрий Рытов. «Семейный бюджет: статистика и реальность». Известия, 19.12.87.).

Есть, однако, и обнадеживающая информация. В той же программе «Резонанс» заместитель председателя бюро молодёжного международного туризма «Спутник» при ЦК ВЛКСМ Александр Черносвитов порадовал, что в его бюро не только цены не выросли, но число путёвок постоянно растёт. Вот только на вопрос, как можно эти путёвки получить, он ответил: «Обычным путём — через комсомольские организации».

Итак, эксперимент оказался дутым, и не видать заграницы большинству простых совет-

ских людей, как своих ушей. Придется довольствоваться тем, что многочисленные советские официальные делегаты расскажут там об успехах демократизации и гласности в Советском Союзе, а советским людям — о кризисе империализма.

Ну а тем, кому все-таки удалось выехать, стоит помнить заключительные слова Игоря Коновалова в телепередаче: «У нас всегда в группе туристов есть сопровождающий, который следит и помогает туристам».

А. Королёв

Гласность и компьютеры

«Посев», 1988, № 7

27 января этого года построенный в середине 1970-х гг. при техническом содействии нескольких американских фирм Камский автомобильный завод начал подготовку к выпуску персональных компьютеров. Для этого в рамках завода создано новое советско-американское предприятие «Диалог». Программным обеспечением выпускаемых компьютеров займутся МГУ и Институт космических исследований Академии наук СССР. Выступая в ежедневной программе теленовостей (27.1.1988), председатель правления «Диалога» особо подчеркивал, что создание данного предприятия является одним из элементов компьютеризации СССР.

О компьютеризации «всех сторон жизни страны» в Советском Союзе говорят уже без малого десять лет, но дальше разговоров дело пока не идёт. Например, в школах введен новый предмет: основы информатики и компьютерных знаний. Однако по данным Министерства просвещения СССР — только около 50 школ в стране располагают компьютерными классами. Да и сама информатика изучается довольно странно: не изучая ни одного из компьютерных языков, изучаются «общие закономерности подобных языков».

Подавляющее большинство советских инженеров и научных работников пока только мечтают о возможности работы на персональных компьютерах. Иначе обстоит дело в «теневой экономике», т.е. на чёрном рынке: здесь за 2–5 тысяч рублей возможно приобрести западный «PC», и за 150–250 рублей набор игровых программ к нему. Реже можно найти программы по обучению иностранным языкам.

Два месяца назад председатель Госкомитета СССР по вычислительной технике и информатике Николай Горшков назвал компьютеризацию страны «задачей, сравнимой по своим масштабам и значению с национальными программами создания атомной или космической индустрии» («Тиражи компьютера», Советская Россия». 8.12.1987). В июле

прошлого года был принят специальный стандарт на выпускаемые в СССР «PC». По словам Горшкова, ни один из двух производимых ныне «PC» этому стандарту не соответствует, но нужда в них так велика, что специальным решением правительства разрешён их выпуск до конца 1989 года.

Сейчас в СССР выпускается около 100 тысяч «PC» в год, в ближайшее время намечается увеличить их выпуск до 500 тысяч в год. Насыщение рынка — по прогнозам Госкомитета по вычислительной технике — должно наступить где-то лет через десять-пятнадцать. По этим же прогнозам, советская экономика нуждается в 20–25 миллионах персональных компьютеров. Николай Горшков считает, что половина из них находится в сфере образования: институты, техникумы, школы; другая половина — в научных учреждениях.

Ни слова не говорится о действительно частных владельцах. И это вовсе не от дефицита компьютеров. Дело здесь в том, что «PC» сейчас — идеальный метод не только накопления и обработки информации, но и её тиражирования и передачи. Недаром выпускаемые в СССР и изредка попадающие в розничную продажу «PC» «Микроша» и «Электроника-85» не только не имеют принтеров, но даже не имеют гнезд для их подключения. Использование же преобразователей для компьютерной связи (так называемых Modem) запрещено законом. Комиссионные магазины принимают на продажу от населения подержанные компьютеры только без принтеров, а за распространение на них печатной информации советский гражданин легко подпадает под действие закона о нелегальном тиражировании печатной продукции.

Демократизация и гласность, видимо, имеют определённые границы, разделяющие интересы государства и населения. С одной стороны, мы видим довольно большой поток критической информации, некоторую либерализацию внутренней жизни. С другой — грубейшие нарушения Конституции, которая гарантирует гражданам свободу печати

и обмена информацией «в интересах социалистического государства».

А где гарантия, что под видом игровых или обучающих программ советские люди не будут передавать друг другу или, не дай Бог, на Запад «злые антисоветские измышления»? Кроме того, связь — явление двустороннее. Значит, и с Запада

можно принимать информационные потоки. Что же тогда делать с цензурой и глушилками? Нет, даже для Горбачёва в данной ситуации лучший выход — запретительство. Что же до Хельсинкских соглашений, да и до собственных заявлений — так это, как в русской поговорке: закон что дышло, куда повернёшь — туда и вышло.

Путь к будущей России

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАРОДНО-ТРУДОВОГО СОЮЗА РОССИЙСКИХ СОЛИДАРИСТОВ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКУМЕНТА

I. Российская катастрофа...

3. Победа большевиков дорого обошлась России и всему миру.

а. Место правового государства заняла «диктатура партии пролетариата», означавшая, по Ленину, «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть» {В. Ленин. Сочинения, 2-е изд., т. 25, с. 441}. Место национальных интересов России заняло «дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики» {В. Ленин. Сочинения, 5-е изд., т. 41, с. 215}. Место христианских ценностей, на которых девять столетий строилась российская государственность, занял принцип Коммунистического манифеста: «Коммунизм отменяет религию и мораль».

б. Попытка навязать России коммунистическую утопию стоила нам в течение первых 40 лет, по разным оценкам, от 45 до 60 миллионов жизней. Свыше 10 миллионов наиболее способных и предприимчивых крестьян было загублено при коллективизации {См., напр.: И. Дядькин. Неестественная смертность в СССР, 1983}.

в. Массовый террор, рабовладельческое закабаление, ГУЛАГ, истребление духовенства, разгром интеллигенции, уничтожение памятников истории, подавление литературы, искусства, науки и общественной жизни, полное их подчинение политическому диктату, упадок культуры быта и огрубление нравов, воспитание поколений на лжи, доносах и страхе — вот некоторые издержки первых десятилетий «построения социализма».

г. Затем последовала война, развязать которую помог договор Сталина с Гитлером в 1939 году. После полутора лет поражений, победа была куплена поистине великой кровью: наши потери в восемь раз превышали немецкие.

д. Надежды на послевоенное просветление не оправдались. Усилился террор. Были насильственно переселены целые народы. Власть расширила сферу влияния за пределы страны. В ответ на установление коммунистических режимов в Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, на под-

держку партизан в Греции, переворот в Чехословакии, блокаду Берлина и нападение на Южную Корею Запад начал вооружаться и отстраивать военно-политические блоки. В семидесятые годы началось бурное развитие советских ракетно-ядерных и военно-морских сил; была создана сеть прокоммунистических диктатур в странах Третьего мира; окончательно оформилась «доктрина Брежнев», согласно которой смену капитализма социализмом обеспечивают вооружённые силы СССР. Все это вызвало на Западе новое усиление вооружений, а также, к сожалению, и враждебное отношение к России, а не только к ленинскому социализму.

е. Директивное плановое хозяйство — наследие сталинской индустриализации — было способно наладить в гигантских масштабах танкостроение и судостроение, освоить атомное и термоядерное оружие, обеспечить выход в космос. Но его рост был обусловлен легкодоступными резервами сырья и рабочей силы. По мере их хищнической растраты темпы замедлились и стало ясно, что «преимущества социализма» (концентрация усилий на решающих участках, отсутствие экономических циклов и т.д.) сводятся на нет его изъянами: непригодностью к более интенсивному использованию наличных ресурсов, неспособностью отличать ненужные затраты от полезных, слабостью стимулов для новаторства и соблюдения качества. Отсюда: постоянные недостатки при постоянном расточительстве, низкий жизненный уровень при огромном хозяйственном напряжении, непроизводительность физического и умственного труда и незаинтересованность в нём.

ж. Несостоятельной оказалась и советская социальная политика: бедственное положение инвалидов и пенсионеров; примитивное состояние «бесплатной» медицины; непомерная нагрузка на женщину, утратившую даже те права, которые ей обеспечивали существовавшие до революции законы о труде; совершенно недостаточная поддержка многодетных семей. Общественные язвы, такие как служебные злоупотребления, взяточничество, алкоголизм, которые принято было считать «пороками

капитализма», оказались, в гораздо большей мере, присущи социализму.

3. Разрушается не только социальная ткань общества, но и сама среда обитания: отравлены воздух и водоёмы от Ладоги до Байкала, разрушены, размыты и выветрены плодородные почвы, хищнически вырубаются леса, исковеркана тундра варварским использованием техники.

4. Таковы итоги семидесятилетнего господства ленинских идей. Лишь отказавшись от них, можно восстановить историческую ткань России и обеспечить народу достойную жизнь...

IV. Наше мировоззрение

1. В основе нового устройства общества мы видим, прежде всего, **отказ от всякого утопизма**, от любой попытки строительства «земного рая» при помощи государственной власти. **Счастье — предмет частных забот**. Задача же политики — оградить жизнь от конкретного зла на земле, избежать ада. Какая-то мера принуждения неизбежна, чтобы оградить зло, но принуждением нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит границы государственной власти и подчиняет политическую деятельность ценностям, которые выше неё.

2. В обществе не избежать конфликтов. Но первичны в нем не борьба, а **сотрудничество и солидарность**, без которых и борьба невозможна. Общество, ставящее во главу угла солидарность, стремится **не подавлять конфликты, ущемляя одну из сторон, а разрешать их, выявляя общие для обеих сторон ценности и соподчиняя им столкнувшиеся интересы**.

3. Содержание жизни общества — в служении людей свободно избранным ими ценностям. Личные, семейные, профессиональные, политические, эстетические, нравственные, религиозные ценности могут сочетаться по-разному. Но их выбор определяет поступки человека. Во многих областях служение осуществляется наиболее полно через **добровольные объединения**. Их может быть множество — от семьи и клуба друзей, до предприятия, фирмы, общества, союза, политической партии. Управляясь автономно, они дают людям возможность солидарной деятельности и свободного соревнования. **Совокупность самоуправляющихся объединений граждан и составляет гражданское общество**.

4. **Основным в отношениях между государством и гражданским обществом мы считаем не подчинение, а согласование. Задача государства не командовать обществом, а служить ему**. То есть, как бы играть роль светофора, который регулирует движение, но не указывает водителям цели их пути. Такое ограничение власти и функций государственной машины смягчает проблему бюрократии, способствуя:

- развитию **внегосударственных организаций** как коммерческих, так и общественных, которые менее бюрократичны;

- развитию множества **малых организаций**, где дружелюбность преобладает над формализмом.

Предоставленная самой себе, любая бюрократия множится, пока её рост не остановит другая сила. Наиболее реальная гарантия от чрезмерного развития бюрократии — прямой контроль контрагентов, при котором организации с непродуктивной бюрократией грозит банкротство.

5. **Саморегулирующееся общество строит свои учреждения так, чтобы отрицательные силы в нём по возможности сдерживали и уравновешивали одна другую, требуя лишь в крайнем случае государственного вмешательства. Главный инструмент здесь — конкуренция**. Она сублимирует отрицательные энергии зависти, жадности, антагонизма, перерабатывая их на пользу обществу. Вместо мобилизации общества на дальнюю сверхцель, ставится задача устройства жизни общества в целом.

6. Такой замысел общества и государства мы называем **солидаристическим**. Зачем нам нужна такая формулировка? Во-первых, чтобы отойти от крайностей индивидуализма и коллективизма. Показать, что речь идёт не о возврате к капитализму или каком-либо ином возврате, а о движении вперёд — по направлению, которое наблюдается и в других странах. Во-вторых, потому, что сотрудничество классов — вопрос существенный; пока он не решён, остается соблазн решать его тоталитарным путем. В-третьих, потому, что учение солидаризма — со зрелой традицией на Западе и Востоке — может стать новым политическим синтезом на почве коренных идеалов России.

7. Мы стоим за демократию в России. Демократию без прилагательных. Обусловленная демократия («народная», «социалистическая» или иная) — уже не демократия. Демократия — это народоправство, **это руководство, ответственное перед народом, это управление с согласия управляемых; это и равное достоинство каждого гражданина**, отсутствие партийных или сословных привилегий. В кризисах XX века демократия доказала свою жизнеспособность, способность перестраиваться и впитывать новые идейные элементы. **В солидаризме мы видим идейное обеспечение демократии на будущее**. Демократию не обеспечить с позиции, что «единственная ценность есть отсутствие ценностей». Не ценности как таковые, а ложные ценности ведут к неверной политике. Ищущий практических решений политик не должен чуждаться философских поисков...

V. Роль организации...

3. Свою преемственность НТС ведет от тех, кто, начиная с октября 1917 года, был убеждён в ложности пути, на которые тогда вступила наша страна, кто защищал честь и свободу России в гражданской войне против большевистского насилия. Стремившаяся преодолеть политические ошибки Белого движения молодёжь и дети его участников составили первый призыв НТС за границей. Второй при-

звив, в условиях подполья военного времени, составила интеллигенция в оккупированной России и в рабочих лагерях Германии, где НТС стоял «за Россию без немцев и без большевиков», стремясь нести идею русской национальной «третьей силы» по обе стороны фронта. Наконец — новейший призыв 70-х и 80-х годов — призыв наших современников по обе стороны границы, кому дорога свобода России. Верность НТС России засвидетельствовали все те члены НТС, кто отдал свою жизнь: кто погиб при переходе границы с Запада на Восток в 30-е годы; кто погиб от рук Гестапо и НКВД во время второй мировой войны или в послевоенные годы в сталинских лагерях, от террористических актов советской власти в 50-е годы или в результате репрессий 1960–80-х годов. Засвидетельствовали её и все те, кто жертвовал своим досугом, достатком, карьерой, благополучием, а то и годами свободы ради служения делу.

4. Первичная деятельность Союза — **изложение и распространение идей**. Организационные мероприятия, как создание издательства «Посев» за границей в 1945 году, издание журналов «Посев» и «Грани», выступления перед иностранцами, контакты с соотечественниками за границей и отстройка организации в России, подчинены первой задаче. Потому что существенным политическим сдвигам предшествуют идеи. Революции 1917 года предшествовали десятилетия распространения социалистических идей. Конец существующего сегодня строя наступит, когда идеи национального обновления России овладеют сознанием и волею людей...

7. НТС сегодня — не столько партия или «орден», сколько, прежде всего, именно **Союз, братство** людей, связанных служением новой России. Масштабы материальных возможностей у него были и будут несравненно меньше, чем у КПСС; соревноваться с ней он может лишь **иным качеством**, кодексом поведения, отличным от бюрократических структур.

а. В отличие от ленинцев, НТС всегда отрицал принцип «чем хуже, тем лучше», приветствуя мероприятия, улучшающие положение народа и ослабляющие репрессии и принуждение. Враг НТС — **не люди, а система** диктатуры и **идеи**, на которых она зиждется...

б. НТС всегда отрицал идею «компартии наоборот», как преступное стремление повторить уже совершенные ошибки под иным флагом, как непонимание всей глубины задач российского раскрепощения.

в. НТС всегда отрицал решающую роль иностранных сил: «учитывая наличие в иностранном мире благоприятных факторов, мы должны знать, что не найдем там желания выполнять за нас русское дело. Новую жизнь может создать лишь сам российский народ и только своими руками» («Основы Дела», 1946).

г. НТС всегда искал не формального объединения различных политических групп в эмиграции или в стране, а сотрудничества в деле для решения конкретных задач...

Забываясь о численном росте, НТС стремится не к простому набору новых членов, а к привлечению близких по духу людей; не к поиску известных имён, а к тому, чтобы делами создавать собственные имена; в нём ценятся не прошлые, а **нынешние** заслуги. Нельзя формально «поступить», «записаться» в НТС: в него можно войти лишь, если человек ощутит этот шаг как оправдание своей жизни и без притворства может сказать: «Союз — это я; я — это Союз».

«Не жди, когда позовут, иди сам».

«Источник сил найдём только в себе».

В области политики, НТС сегодня — мост, переброшенный из дореволюционного прошлого России в её пореволюционное будущее. **В сегодняшней России член НТС — гражданин России завтрашнего дня.**

Одобрено Советом НТС в ноябре 1987 г.

1991–2010. РОССИЯ И ПОСЛЕСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Бороться за законную власть! 19 августа 1991

Сегодня группа коммунистов во главе с руководителями репрессивных органов, незаконно сместив Президента страны, захватила центральную власть. Их цель — возврат к тоталитарной системе на территории всего Советского Союза.

Под угрозой, в первую очередь, находятся свободно избранный народом Президент России, его правительство и Верховный Совет Российской Федерации. В России именно они — законная власть, которая противостоит самозванному «комитету

по чрезвычайному положению». Российского Президента надо поддерживать во всех его начинаниях по восстановлению законности в республике, а тем самым и во всей стране. Если он призывает к забастовкам — надо бастовать. Если он призывает к демонстрациям — надо демонстрировать.

Костяк советской армии — русские. Офицеры и солдаты должны поддержать российского Президента и не выполнять приказов, направленных против него и его законного правительства. Армия

должна защищать интересы народа, а не быть инструментом подавления в руках самозванного «комитета».

Население и власти национальных республик должны встать выше своих, частных интересов и требовать подписания выработанного в рамках законности Союзного договора. Одна из целей заговорщиков — сорвать этот договор и воспрепятствовать стабилизации положения в стране. Республики должны поддержать Президента и правительство Российской Федерации. Только общие усилия демократических, патриотических сил всей страны могут предотвратить надвигающуюся экономическую и социальную катастрофу.

Мы призываем всех членов Народно-Трудового Союза российских солидаристов действовать в рамках этой оценки положения соответственно местной обстановке. Введение особого положения для нашей организации в России предоставляется на усмотрение руководителей групп и регионов.

В сплоченности наш Союз пройдет через этот критический период российской истории — с готовностью к испытаниям, с верой в лучшее будущее России.

Исполнительное Бюро Совета НТС

Москва. Август 1991. Фото. В. Жарова

Крушение режима, но не распад страны! Сентябрь 1991

На наших глазах происходит распад созданного коммунистической партией тоталитарного государства. Было бы ошибкой отождествлять этот процесс со стремлением народов к самостоятельности в исторически сложившихся многонациональных странах. Там обособление происходило на национальной основе, имело естественный характер и приводило к созданию федеративных и конфедеративных общностей, удовлетворявших взаимные интересы новосозданных государств.

Распад СССР происходит не столько по национальным, сколько по идейно-политическим причинам. Это бегство от «Центра», «национального по форме, социалистического по содержанию». Накопившаяся ненависть к коммунистическому режиму приводит к росту ожесточения и недоверия между народами. Мы как солидаристы не можем не выразить глубокого сожаления по поводу тех форм, которые принял этот процесс.

Солидаристы всегда признавали право наций на самоопределение. Право это должно осуществляться в условиях полноценных политических, экономических и социальных свобод путём демократического волеизъявления всего населения соответствующих территорий, т. е. плебисцита. До сих пор эти условия были соблюдены далеко не во всех

республиках. В ряде этих республик, как и в их автономиях и в автономиях России, происходит блокирование крайних националистов и коммунистов. Для нас неприемлем национал-коммунистический сепаратизм, где бы он ни возникал.

«Парад суверенитетов» организован руководством КПСС по примеру Ленина, демагогически использовавшего лозунг «самоопределения вплоть до отделения» для того, чтобы ослабить государство и облегчить захват власти. В наше время тот же приём, рассчитанный на подрыв изнутри всей страны и каждой из республик, используется для сохранения власти мафиозных, коррумпированных, номенклатурных структур, даже если они отмежевываются от коммунизма и прикрываются «национальными интересами».

Исторические, экономические, культурные и демографические причины, общие принципы солидаризма позволяют прийти к федеративному устройству того государства, которое решат создать наши народы. Более того, полноценное решение всех наших проблем возможно только на федеративной основе. В силу общности происхождения, исторических судеб, религиозного и культурного единства ядром такой федерации должны стать русский, украинский и белорусский народы.

При этом мы считаем естественным и необходимым право каждой из республик на защиту интересов своих национальных меньшинств, в том числе и русских, как на территории членов федерации, так и в обособившихся государствах. Права эти должны защищаться мирным путём, с использованием парламентских и экономических рычагов, и закрепляться в договорах.

Однако республики, путем свободных плебисцитов решившие строить полностью независимые государства, в силу тех же экономических, стратегических и демографических причин, всё равно будут иметь особые отношения с Россией и с созданным на её основе федеративным Союзом. Мы считаем, что эти особые отношения должны предусматривать механизмы, предотвращающие иждивенчество — экономическое, военное и иное. Необходимым условием всех видов сотрудничества должно быть наличие свободно избранных, демократических органов власти.

Российские солидаристы убеждены, что общее историческое и геополитическое месторазвитие, взаимная выгода, логика общемирового процесса создают предпосылки для будущей формы добро-

вольного объединения страны. Большинство народов исторической России и сегодня едины, как столетия назад. Поэтому противоречащий общенациональному самосознанию **россиян** расчёт на расчленение нашей страны, на распродажу государственности, на эксплуатацию и манипулирование ослабленными и растерявшимися народами основан на ошибочной и близорукой оценке реальности. Такое развитие ведёт к шовинизму, ксенофобии, появлению новых национальных меньшинств, «граждан второго сорта». Это чревато установлением новых диктатур и непредсказуемыми последствиями для наших соседей, в том числе и на Западе.

Это тем более опасно, что нынешнее руководство страны и большинства республик не имеет даже той легитимации, которую имело Временное правительство в 1917 г. Повсеместное проведение свободных выборов и создание власти, облеченной доверием народа, — жизненно необходимая задача, не терпящая отлагательства.

*Совет
Народно-Трудового Союза
российских солидаристов*

Положить конец безвластию и смуте

ОБРАЩЕНИЕ СОВЕТА НТС К ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Безответственному всевластию Верховного Совета, порождающему смуту и хаос и разрушающему российскую государственность, пора положить предел. Как граждане свободной России мы обращаемся к Президенту Российской Федерации.

Как президент, свободно избранный народом в переломном 1991 году, как президент, чьи властные полномочия подтверждены апрельским референдумом 1993 года, Вы обязаны взять на себя временно всю полноту верховной власти, чтобы преодолеть нарастающее безвластие и вернуть народу веру в свое государство, в своих правителей и в свои силы. Это Ваш исторический долг.

Мы убеждены, что решительные действия президента по преодолению кризиса власти и наведению элементарного порядка в стране без оглядки на все еще действующую «советскую» Конституцию — будут поддержаны большинством граждан России. Мы ждем, что Вы как президент:

1. Объявите стратегию и программу ближайших шагов верховной власти для преодоления государственного кризиса.
2. Сумеете дать почувствовать русскому и другим российским народам, что новая Россия будет вести свою преемственность от положительных традиций дооктябрьской России и от традиции 74-летнего народного сопротивления коммунизму.
3. Выведете страну из создавшегося конституционного тупика и доведете до конца устройство

единой Федеративной России на принципах политического, экономического и правового равноправия всех земель, одновременно упорядочив взаимоотношения прав и обязанностей Федерального и Земельных правительств, в частности, в вопросе налоговой политики.

4. Не ограничьте Ваше видение новой России нынешними пределами Российской Федерации, а предусмотрите воссоединение на добровольных началах и на основе свободного волеизъявления тех народов, которые пожелают восстановить исторически-традиционные связи в рамках новой союзной государственности.

5. Поставьте барьеры расхищению государственной собственности номенклатурой, резко ускорив в то же время передачу земли тем, кто на ней будет жить и работать, а также приватизацию жилья и предприятий в пользу самых широких слоев населения.

6. Определите срок действия чрезвычайных полномочий президентской власти с тем, чтобы он был завершён свободными выборами в новые органы власти в центре и на местах.

Наша организация, со своей стороны, готова всемерно содействовать формированию широкого патриотически-демократического движения в поддержку разумных и твердых действий президентской власти.

Совет НТС, сентябрь 1993 г.

Проводить в жизнь

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО БЮРО СОВЕТА НТС

Президент объявил о решительных мерах, к которым мы его призывали. Этот его шаг мы приветствуем. Мы ждем от Президента столь же решительных и неуклонных действий по претворению объявленных мер в жизнь.

От этого зависит судьба страны.

Мы призываем все организации, которые видят величие России в свободе и благосостоянии её граждан, отбросив ненужные эмоции и амбиции своих руководителей, объединить свои силы для

противостояния антиреформистской оппозиции на предстоящих выборах.

Мы призываем граждан России не поддаваться на провокации агонизирующей советской системы и поддержать действия Президента, ставящие своей целью создание в нашей стране правового демократического государства с рыночной экономикой.

Вместе мы победим. Поодиночке — погибнем.

23 сентября 1993 г.

Борис Пушкарёв

Из России в Россию: долгий путь

Борис Сергеевич Пушкарёв — родился в 1929 г. в Праге в семье историка С.Г. Пушкарёва, покинувшего Россию в 1920 г. в рядах армии Врангеля. Весной 1945 г. семья покинула Прагу и прибыла в Западную Германию, где Борис закончил гимназию. Приехав в 1949 г. в США, закончил Йельский университет со степенью бакалавра (1954), магистра (1957). В соавторстве с проф. Х. Туннардом выпустил книгу «Рукотворная Америка», получившую национальную премию 1963 г. С 1961 по 1990 год служил в Ассоциации регионального плана в Нью-Йорке, последние годы как вице-президент по научно-исследовательской работе. В 1967–1979 гг. — внештатный профессор Нью-Йоркского университета. Главные книги (по-английски) «Городское пространство для пешеходов» (MIT Press, 1975), «Зависимость общественного транспорта от плотности застройки» и «Городской рельсовый транспорт Америки» (Indiana University Press, 1977 и 1982). Выйдя на пенсию в 1990 г., работал на общественных началах в аппарате НТС в Германии. Весной 1992 г. переехал в Москву; выпустил сборник статей «Россия и опыт Запада» (1995), получил российское гражданство и в 1999 г. стал директором Издательства, исследовательского и просветительского содружества «Посев».

Издательство «ПОСЕВ» было основано 65 лет назад в Германии людьми, вынужденными покинуть Россию: кто за 25 лет до того, в ходе Гражданской войны, а кто 2 года назад, в ходе Второй мировой. Жители лагеря Менхегоф под Касселем, где возник «ПОСЕВ» были политическими эмигрантами, но издательская работа началась по причинам чисто практическим: скопление почти трёх тысяч русских людей в иностранном окружении требовало издания информационных листков, распоряжений, учебных пособий для школы и различных курсов. Поскольку военное командование в оккупированной Германии запрещало эмигрантам политическую деятельность, сельскохозяйственное название «ПОСЕВ» было уместным, но нацелено оно было не на грядки, которые возделывали беженцы, а на будущее, на сеяние «разумного, доброго, вечного».

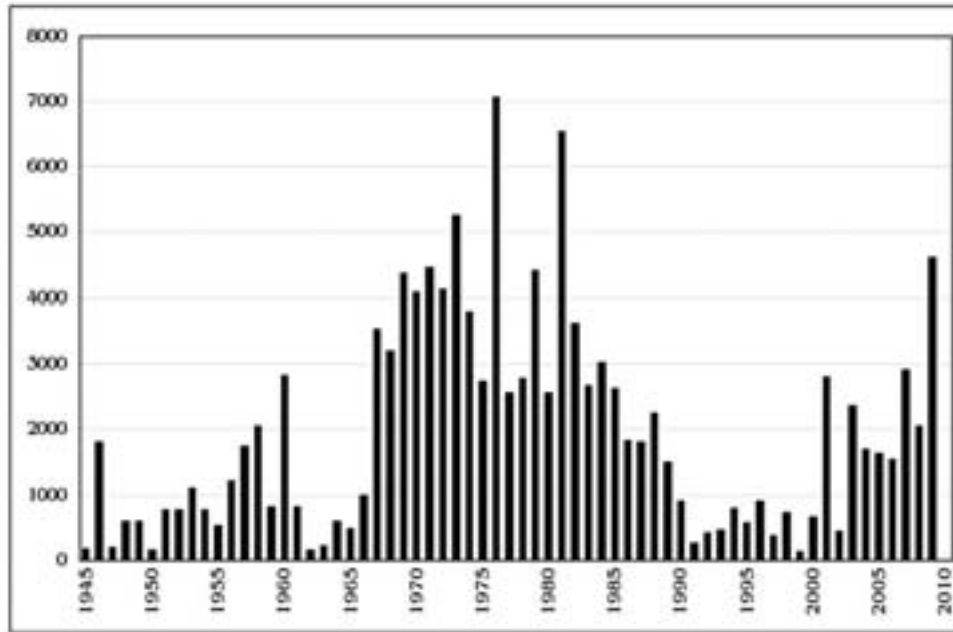
В ноябре 1945 г. вышел первый номер еженедельника «Посев» — сначала ротаторным, а с февраля 1946 уже типографским способом. С лета 1946 г. стал выходить «толстый» литературный журнал «ГРАНИ». Известность издательства вышла за ограду лагеря Менхегоф, стала проникать

в русскую общественность западных зон оккупации Германии и Австрии, где русских беженцев, не желавших возвращаться в СССР, тогда жило более 100 тысяч. А совокупный тираж изданий «Посева» и издававшейся в Регенсбурге газеты «Эхо» достигал 10 тыс.

Распространению этих изданий способствовал тот факт, что за ними стоял НТС — Национально-Трудовой Союз, имевший тогда ячейки во всех местах скопления русских эмигрантов в Западной Европе. Основанный в 1930 году в Белграде как организация молодежи Белого Движения (только лица, родившиеся после 1895 г., могли быть членами), НТС в годы войны занял морально верную, но практически неустойчивую позицию «Россия без немцев и большевиков» и понёс большие потери. Всё же он вышел из пожара войны окрепшим, с кадрами, состоявшими примерно поровну из «старых» и «новых» эмигрантов. Причём 6 из 12 членов Совета НТС, избранных в 1946 году, были бывшими узниками нацистских тюрем и концлагерей. Это свидетельствовало об антифашистской природе организации и со временем способствовало получению поддержки от американцев.

Но не сразу. Осенью 1946 г. беженское управление ЮНРПА объявило перерегистрацию эмигрантов

ВЫПУСК КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ПОСЕВ» ЗА 65 ЛЕТ

По вертикали: число страниц в книгах, выпущенных за каждый год.

Спад в 1952 году обусловлен взрывом в «старом» «Посеве» и переселением на новое место. Постепенное сокращение производства в 1980-е годы связано с расширением рамок свободы на родине и сокращением потребности в «тамиздате». Виден рост производства после 1999 года в связи с созданием «Содружества «Посев» в Москве и быстрый выход на уровень производства Франкфуртского периода.

ской прессы на всех языках, и издательство «ПОСЕВ» было с ноября 1946 по апрель 1947 г. закрыто. К тому же жители лагеря Менхегоф подверглись проверке, в результате которой ряду членов НТС там оставаться не разрешили. Они переехали «на немецкую экономику», как тогда говорилось, в городок Лимбург-на-Лане, недалеко от Франкфурта. Здесь «Посев» возобновил работу. При помощи немецких друзей из христианских демократов был получен доступ к линотипу и ротационной машине. Небольшой штат издательства состоял из видных деятелей НТС и их жён, выполнявших всю работу по редактуре, переводам, корректуре, набору, вёрстке и рассылке. Из книг этого раннего периода можно отметить С. А. Левицкого «Основы органического мировоззрения» — учебник по философии, переизданный позже в Москве; М. Розанова «Завоеватели белых пятен» — первую послевоенную книгу о советских концлагерях; Н. Синевирского (Мондича) «Год в стане врага» — о работе агента НТС в органах СМЕРШ; Г. Климова «В Берлинском Кремле» — воспоминания офицера, служившего в штабе советских войск в Германии; А. Казанцева «Третья сила: история одной попытки» — рассказ редактора газеты «Воля Народа» о том, как создавалось власовское движение. Были изданы и русские переводы иностранных книг — например «Скотский хутор» и «1984» Джорджа Оруэлла или «Благосостояние для всех» Людвига Эрхарта.

В Лимбургский период известность издательства выходит за пределы Германии, завязываются связи с довоенной эмиграцией в Париже. В журнале «ГРАНИ» где первоначально печатались преимущественно авторы «второй эмиграции», теперь

выступают Иван Бунин, Борис Зайцев, Георгий Иванов, Н. А. Тэффи, Б. П. Вышеславцев и другие классики «первой». А вместе с разездом эмигрантов из Европы разъезжаются и подписчики «Посева» и «Граней» — по США, Канаде, Австралии, Южной Америке. «Посев» рисует земной шар на своем логотипе.

В 1952 году «Посев» получил возможность арендовать двухэтажный, повреждённый бомбёжками дом в старой части города Франкфурт-на-Майне. Издательство и типография туда переехали. Дела на новом месте пошли успешно, поощряемые событиями на родине: смертью Сталина и XX Съездом КПСС. После XX Съезда, следуя анализу, проделанному Советом НТС, издательство «Посев» печатает в журнале «Грани» № 32 «Обращение к деятелям литературы, науки и искусства порабождённой России» с предложением присылать произведения, не могущие пройти советскую цензуру, для публикации в «Посеве». У многих эмигрантов это вызвало бурю возмущения: разве так можно? Провокация! И впрямь, три года отклика не было. Но в 1960 году, когда НТС наладил поездки своих курьеров, под видом иностранных туристов, в СССР, отклик начался, они стали вывозить рукописи. А в обратном направлении потекла печатная продукция — «Тамиздат».

НТС давно занимался изготовлением листовок и брошюр для заброски в СССР, а в 1955–1965 гг. выходил специальный журнал для советских граждан за границей «НАШИ ДНИ» (вышло 35 выпусков). Но всё это могло восприниматься как «ихнее». А авторы Тамиздата были определённно «свои».

Одним из последствий успешного начала Тамиздата стал взрыв, совершенный в июле 1961 года

во дворе дома «Посева» на Мерианштрассе, 24. Больших повреждений он не причинил, но напугал соседей и заставил владельца отказать «Посеву» в продолжении аренды. На собранные наспех средства в 1962 г. был куплен пустой участок земли на окраине города и сооружено промышленного типа помещение. При его постройке тоже было обнаружено взрывное устройство, но ведавший теперь издательством опытный подпольщик Г. С. Околович его разрядил. Технические службы издательства туда переехали. В 1972 г. рядом было возведено трехэтажное конторское здание, в котором разместились все бюро издательства и несекретные службы НТС. Они оставались там 20 лет. Щедрое взносы на постройку дома поступили от множества эмигрантов, а проект безвозмездно разработал архитектор А. И. Лушников.

В годы расцвета «Посева» как еженедельника, 1955–1965, его редактировал А. В. Светланин (Н. Н. Лихачёв), прежде военкор Второй ударной армии. Он умел обнаружить в СССР события, не замеченные западными СМИ, такие как молодёжные волнения в Темир-Тау 1959 г., рабочие беспорядки в Донбассе и расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 г. После его смерти, начиная с 1968 года, «Посев» стал ежемесячником. Тесная связь с подпольем в СССР наполняла его перепечатками из Самиздата и собственными корреспонденциями с мест, а равно и аналитическими статьями, для которых не было места в еженедельнике. Для России с конца 1976 г. и до конца 1989 г. малым форматом издавался **ежеквартальный сборник** избранных материалов из ежемесячного «Посева». Он доставлялся в страну разными путями, в частности, моряками, которые продавали его на черном рынке. На «развалах» он продавался по 10–15 рублей, что равнялось 3–5 бутылкам водки, а судебных процессов, связанных с распространением «Посева», были десятки. За хранение «Посева» на дому срока, в теории, не полагалось, но КГБ конфисковал найденные экземпляры.

Тем временем книгоиздательство «Посев» из эмигрантского превратилось в значительной мере в российское. Начиная с 1963 года, авторами «посевских» книг в следующей последовательности выступают — Федор Абрамов, Валерий Тарсис, Михаил Нарица, Булат Окуджава, Анна Ахматова, Александр Солженицын, Александр Гинзбург («Белая книга» по делу Синявского и Даниэля), Евгения Гинзбург, Белла Ахмадулина, Андрей Сахаров («Размышления о прогрессе...» 1968), Михаил Булгаков (несокращенный текст «Мастера и Маргариты»), Александр Галич, Наталья Горбаневская, Анатолий Марченко: в 1969 г. вышло собрание сочинений А. И. Солженицына в шести томах. Затем следовали Анатолий Кузнецов, Василий Гроссман, Владимир Максимов, Е. Олицкая, Г. Озеров, А. Гладили, Анатолий Левитин-Краснов, Г. Померанц, И. Русланов (Б. Евдокимов), Аркадий и Борис Стругацкие, Леонид Владимиров, о. Сергей Желуд-

ков, Дмитрий Панин, Н. Коржавин, Виктор Некрасов, Леонид Бородин, Борис Комаров, Владимир Осипов, Игорь Ефимов, Виктор Соснора, Юрий Галансков, Владимир Корнилов, Андрей Самохин, Георгий Владимов, В. Лысенко, Сергей Поликанов, Ростислав Евдокимов, Владимир Солоухин. Некоторые из этих авторов выходили в «Посеве» и в переводе на немецкий язык. Кроме того, издательство занималось продажей прав для публикации и на другие языки.

Еще шире был набор авторов из России в журнале «ГРАНИ», который с 1956 по 1982 год талантливо вела Наталия Тарасова. Строго «Самиздату» (в частности, «Хронике текущих событий») были вначале посвящены специальные выпуски «Посева», а потом, когда собиранием Самиздата занялось радио «Свобода», «Посев» стал печатать избранное в сборниках «Вольное слово» карманного формата (с 1972 по 1980-е гг. вышло 44 выпуска). Аналогичным изданием на религиозные темы была «Надежда: христианское чтение», 12 выпусков под редакцией Зои Крахмальниковой. В 1980-е годы, когда выпуск книг основного издательства во Франкфурте сократился, несколько книг выпустили на местные средства «Посев-Австралия» в Мельбурне и 11 книг «Посев-США» в Нью-Йорке. Руководили издательством в 1970-е годы Л. А. Пар, а в 1980-е — Н. Б. Жданов.

С 1987 года члены НТС в России начали выходить из подполья, в октябре 1988 г. на стадионе «Локомотив» в Ленинграде они впервые на советской территории подняли трехцветный российский флаг, который быстро завоевал страну, в 1989 г. началось массовое размножение квартального издания «Посева» в России: его тираж достиг 50 000. Размножение в 1990–1992 гг. шло при участии издательства «Терра». В августе 1991 группы НТС в 20 городах выступили в поддержку Ельцина, и в начале 1992 года директор франкфуртского «Посева» Екатерина Самсонова-Брейтбарт открыла филиал издательства в Москве. Дом НТС в Париже на Рю Бломе был продан, и на эти деньги в 1994 году куплен один этаж дома дореволюционной постройки в центре Москвы между улицами Петровка и Неглинная, где обосновалось издательство. С 1999 года вместо филиала было оформлено российское предприятие — Некоммерческое партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество ПОСЕВ», директором которого стал Б. С. Пушкарёв. Задача Содружества была в Уставе определена так: **«Представлять и развивать в послесоветской России положительные ценности исторической России и 70-летнего сопротивления коммунизму в России и в эмиграции».**

И содержание, и тираж журнала «Посев» при пересадке на родную почву претерпели жесткий спад, но ставший к 1996 году главным редактором А. Ю. Штамм из Петербурга постепенно укрепил

журнал как демократический орган, преданный российскому (в отличие от советского) патриотизму. 10 лет спустя Штамма на посту главного редактора сменил Ю. С. Цурганов. А в 1997 году «Грани», под редакцией Т. А. Жилкиной, по финансовым причинам отделились от «Посева» и с тех пор издаются самостоятельно.

Книгоиздательство поначалу было скромным, 19 названий за 8 лет «филиала», но потом, за первые 10 лет «Содружества» вышло уже 66 книг, причем более солидных. Издательская политика — «что из того, что мы можем дать, важнее всего для России?» вызревала постепенно и зависела оттого, кто к нам пришел. Мы исходили из того, что будущее зависит от прошлого, а постсоветская Россия очень мало знает о тех, кто за нее боролся на протяжении десятилетий. В 1997 году началось издание двух важных серий: «Библиотечки россияведения» и альманаха «Белая гвардия». Первая представляла собой серию брошюр, посвященных в значительной мере народным восстаниям: Ярославскому, Ижевскому, Тамбовскому и др. В каждом из этих городов проводились конференции, привлекавшие местных историков и краеведов. Альманах же «Белая Гвардия» под редакцией В. Ж. Цветкова быстро стал общенациональным органом по истории Белого Движения. Почти каждый номер посвящался определенной теме — например, последний, 10-й, отношениям Православной Церкви и Белого движения. Через «школу» альманаха прошла целая плеяда молодых историков. Одним из последствий его издания стало открытие памятника генералу С. Л. Маркову в 2003 году в Сальске, близ места его гибели. Это был первый памятник белому генералу в России.

Затем последовала ещё более увесистая серия монографий «Белые воины», посвящённых генералам Маркову, Дроздовскому, Дитерихсу, Каппелю, Кутепову под редакцией В. Ж. Цветкова и Р. Г. Гагкуева и под покровительством А. Н. Алекаева. Выпуск тома про Каппеля тоже имел практические последствия — обнаружение его пропавшей могилы в Харбине и перезахоронение в Москве.

Вне серий стоит несколько учебных пособий — по истории и по философии фундаментальные труды С. Г. Пушкарева «Россия 1801–1917» и С. А. Левицкого «Свобода и ответственность», В. Сендерова «Портрет солидаризма» и другие, по экономике, конституционному праву; еще не завершён трёхтомник В. Ж. Цветкова «Белое дело». Упомянем и мемуары — А. Р. Трушновича о России между Первой мировой войной и коллективизацией — «Воспоминания корниловца», и Р. В. Полчанинова «Молодёжь русского Зарубежья 1941–1951», а из государственных деятелей — мемуары Чан Кайши «Советская Россия в Китае». Большой популярностью пользуется «Чёрная книга имен, которым не место на карте России» (3 издания с 2005 года) и сборник статей «Вторая мировая: иной взгляд». В числе новейших изданий — капитальный

(1120 стр.) справочник К. М. Александрова «Офицерский корпус армии А. А. Власова 1944–1945». Исполнительным директором издательства в последние, наиболее успешные годы, служит О. А. Кузнецова.

Возможно, что самым значительным изданием «Посева» в России станет вышедший весной 2008 года коллективный труд «Две России XX века. Обзор истории 1917–1993», над которым работала более пяти лет. От существующих учебников наша книга отличается, прежде всего, тем, что она излагает не только историю советского государства, но и историю сопротивления этому государству. Не держа в поле зрения одновременно обоих участников исторической драмы, нельзя её полностью понять. Это — методическое соображение. А второе — политическое. Если убедиться, что все 76 лет существования советской власти существовало и сопротивление этой власти, «блуждающая Россия» (а никакое не предательство), то отпадает соблазн величать Сталина русским вождем и становится понятно, что СССР — не был Россией. И теперь в России особенно важно понять, что предтечи нынешней постсоветской России — это вовсе не советская власть, а те, кто ей сопротивлялся и, в конце концов, победил в августе 1991 и в октябре 1993. То есть нынешней России нужна правильная родословная, и мы в книге стараемся ей эту родословную дать. В родословную русской свободы вписаны и те советские солдаты, которые в 1953 году отказались стрелять в берлинских рабочих и заплатились за это жизнью, и те, кто в 1956 году перешёл на сторону восставших венгров, и те, кто в августе 1991 отказался штурмовать Белый дом в Москве. А ответственность за советские преступления за Катынь, голодомор и прочие, лежит не на России, а на руководстве правившей тогда партии.

Помимо этого идейного подтекста, который мы в книге не афишируем, мы там критически обобщаем огромный статистический материал по террору, по потерям населения, по уровню жизни в СССР и после него, в сравнении, в частности, с Финляндией, по советскому вооружению, советской экспансии, наконец, по эмиграции. Мы надеемся, что со временем наша книга станет **каноническим текстом** по ряду спорных вопросов истории XX века. И отчасти это уже происходит: вышедший прошлой осенью двухтомник А. Б. Зубова «История России XX век» — по числу страниц втрое больше нашей книги — основан в значительной мере на наших текстах.

Литература;

Свободное слово «Посева». М., «Посев», 1995. 208 с.

НТС Мысль и дело. М., «Посев» 2000. 128 с.

П. Н. Базанов Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции 1917–1988. 2-е изд. СПб., ГУКИ, 2008. 468 с.

Какие книги «Посева» люди покупали на московской ярмарке 2010 года?

Содружество «Посев» уже давно участвует в международной книжной ярмарке, проходящей ежегодно в начале сентября во Всероссийском выставочном центре (ВВЦ) в Москве. Наше участие имеет три цели: 1. чисто рекламную — оповестить мир о нашем существовании, 2. торговую — использовать представляющуюся возможность продажи книг и 3. общественную — знакомиться с нашими клиентами. Последняя задача вполне приятная: приходят люди, часто совсем незнакомые, благодарят за работу, поощряют: молодцы, мол, давайте дальше! Однако измерить такое благоволение трудно. А измерить объём продаж просто.

Чистая выручка «Посева» от продажи книг на ВВЦ растёт из года в год. Вначале мы еле сводили концы с концами, вставал даже вопрос — а стоит ли нам участвовать. Но, по мере расширения ассортимента представленных нами книг — своих и других издательств, — чистый доход от продажи стал нарастать. В 2009 году он несколько упал — вероятно, в связи с общим экономическим положением, но в этом, 2010 году, он поднялся в полтора раза, и мы получили самый высокий доход за всё время участия в ярмарке. Читатель, естественно, спросит, а что же это такое вы продавали? Приводим список 13 наиболее ходких книг этого года (в конце строки — число поданных на ярмарке экземпляров).

Александров. Мифы о генерале Власове (2010, 200 р.) 58

Чёрная книга имен... 3-е изд. (2008, 100 р.) 25

Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера (1992, 40 р.) 20

Сенников. Тамбовское восстание (2004, 60 р.) 12

Пушкарёв Б.С. и др. Две России XX века (2008, 250 р.) 8

За Россию и Свободу (2007, 50 р.) 8

Науменко. Великое предательство (2009, 300 р.) 8

Александров. Офицерский корпус РОА (2009, 2000 р.) 7

Вторая мировая: иной взгляд (2008, 220 р.) 6

Ярославское восстание (1998, 30 р.) 6

Пушкарёв С.Г. Россия 1801–1917. (2001, 150 р.) 5

Минаева. Потаённые конституции России (2010, 150 р.) 5

Генерал Кутепов (2010, 400 р.) 5

Прежде всего, бросается в глаза, что из 13 самых ходких на ярмарке книг только 3 книги текущего года издания. Это отражает нашу издательскую политику. В отличие от коммерческих издательств мы не считаем, что успешна только та книга, тираж которой распродан за полгода. Мы стараемся издавать книги, которые будут привлекать интерес длительное время, и наш читатель нас поддерживает, актив-

но покупая книги и 12-летней, и 18-летней давности.

Относительно тематики, это власовская тема. На первом месте новая книга Кирилла Александрова, опровергающая выдумки и наветы, роящиеся сегодня в прессе и в Интернете. Близко за ней следует наше издание 18-летней давности, мемуары Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, ключевой фигуры власовского движения. И не последним номером в списке идет биографический справочник Александрова про офицерский корпус РОА — тысячестраничный том, который продается по нешуточной цене в 2 тыс. рублей. Актуальна и более широкая тема Второй мировой войны, к которой относятся сборник статей «Вторая мировая: иной взгляд» (сост. Ю. Цурганов) и книга Науменко про выдачи казаков.

Что же до текущей политики, то в обществе наблюдается некоторое пробуждение интереса к устранению советских географических названий, и наша «Чёрная книга имен, которым не место на карте России» — выдержав три издания, продолжает бойко продаваться.

Обращает на себя внимание интерес читателей к новаторскому исследованию Сенникова про Тамбовское восстание, и также неновой брошюре про восстание Ярославское. Тема Белого движения — наша коренная тема: ей посвящены «За Россию и свободу» и новейший том в серии «Белые войны» — про Кутепова. Устойчиво идет продажа наших двух учебников по истории — «Две России XX века» и «Россия 1801–1917», равно как и новой книги покойной Н. Минаевой «Потаённые конституции России».

На стенде «Посева» на ярмарке было выставлено более сотни книг, как своих, так и других издательств, и перечислить всё, что продавалось по одному или несколько экземпляров нет возможности. Продавались, естественно, и текущие номера журнала «Посев» — по 40 рублей за штуку, 43 штуки. Но стоит обратить внимание и на то, что продавалось слабо или вовсе не продавалось. Одна такая тема, утратившая популярность, — это эмиграция. В конце 2009 года мы выпустили содержательную книгу Р.В. Полчанинова «Молодёжь русского Зарубежья 1941–1951», но на ярмарке было куплено только 3 экземпляра, а книги «Судьбы поколения», вышедшей при нашем участии в издательстве «Русский Путь» в 2006 году, — вообще ни одного. Подобным же образом не вызывает интереса и тема о солидаризме — из двух — наших недавних книжек на эту тему на ярмарке не куплено ни одной.

Общественное мнение, по-видимому, пытается справиться с гигантскими нерешёнными вопросами нашего прошлого: советская версия Второй мировой войны, как и белого движения и народных восстаний явно не удовлетворяет. На фоне этих ключевых событий национального бытия бледнеет интерес к малому и далёкому

явлению второй эмиграции, а 70 лет диамата могут отбить вкус к любой философии. Но существенно не то, что некоторые наши любимые

темы не вызывают интереса, а то, что на темы вызывающие интерес, нам есть, что компетентно сказать.

Вячеслав Долинин

Архив НТС во Франкфурте-на-Майне

Вестник Мемориала. Вып. 6. СПб.: НИЦ Мемориал. 2001

Архив НТС (Народно-Трудового Союза российских солидаристов) находится в здании бывшей штаб-квартиры НТС, построенном в 1971 году. До 1992 года кроме самой штаб-квартиры здесь находилось издательство «Посев» и редакции журналов «Посев» и «Грани». После 1992 года, когда руководство организации переехало в Москву, часть помещений продолжают занимать представительство издательства «Посев», местное отделение Союза и архив, а часть сдана в аренду. Архив НТС подвергся первичной систематизации только в 1970-х годах, когда К. Брюно начала приводить в порядок архивное собрание НТС. После её смерти работу продолжил А. Редлих. Однако и до сих пор значительная часть материалов остается неразобранной, причем описана лишь небольшая часть документов, поэтому сегодня можно сделать лишь самое общее описание архива.

Архив включает в себя девять фондов. Это фонд документов организации НТС, фонды издательства «Посев» и журналов «Посев» и «Грани», собрание самиздата, собрание фото и аудио/видео документов, музейная коллекция, фонд Закрытого сектора НТС и собрание материалов по истории русской эмиграции.

Фонд документов организации НТС состоит из 469 дел и делится на пять блоков (описей). Первый (119 дел) включает в себя внутренние документы организации. Это материалы руководящих органов Союза (протоколы заседаний Исполнительного Бюро НТС, инструктивные письма руководства в региональные отделы и т. д.), документы отделов Союза, действовавших во многих странах мира (в Австралии, Бельгии, Великобритании, Германии, Франции, Югославии и др.), внутрисоюзная печать (информационные бюллетени, учебная литература и т. д.), внутренняя переписка.

Второй блок (78 дел) состоит из материалов, отражающих работу НТС, направленную на Советский Союз. Здесь представлены листовки, брошюры и другие печатные материалы, нелегально засылавшиеся на территорию СССР, скрипты передач радиостанции Свободная Россия (1950–1976). Здесь же хранится документация о воздушных шарах, с помощью которых на территорию СССР забрасывалась литература НТС (1950–1967), материалы о почтовой акции «Стрела» (засылке литературы по почте). Интересна подборка камуфляжных изданий книг и брошюр, обложки которых были

скопированы с подлинных советских изданий, а под обложками скрывалась литература НТС.

В третий блок (132 дела) входят материалы, посвященные связям Союза с западной общественностью. Одной из задач НТС было противостояние коммунистической пропаганде на Западе. С этой целью Союз создавал комсоды (комитеты содействия), объединявшие западную общественность, делавшую общую с НТС работу Комсоды действовали в Италии, Дании, США, Швеции и многих других странах. В архиве представлены документы комсодов и других дружественных Союзу общественных организаций (Фламандский комитет, скандинавские СМОГи и др.), переписка Отдела внешних сношений НТС, материалы международных правозащитных конференций, организованных Союзом. В этом же блоке представлена литература, издававшаяся комсодами на многих языках, в том числе и переводы из самиздата.

В состав четвертого блока (59 дел) входят материалы по истории НТС. Это мемуары членов Союза, исследовательские работы по истории НТС, личные архивы ряда руководителей организации. Здесь же материалы о членах НТС, захваченных советскими спецслужбами, о войне, которую КГБ вёл против Союза. В архиве хранятся материалы о малоизвестных эпизодах террористической деятельности КГБ.

Пятый блок (81 дело) представляет из себя собрание подборок из печати разных стран мира, посвященных НТС. Среди них есть и специальные подборки, отражающие реакцию печати на отдельные акции НТС, на политические процессы в СССР, на провокации КГБ против Союза и т. д. В этом блоке собраны публикации на английском, голландском, итальянском, норвежском, шведском и других языках. Публикации об НТС в советской печати (13 дел) представлены начиная с 1932 года. В целом материалов 1930–1940-х годов в архиве относительно немного – 67 дел. К настоящему времени описано менее 10 процентов дел этого фонда. Остальные фонды могут быть описаны еще менее подробно. Архив издательства «Посев» насчитывает более 200 дел и охватывает период с 1945 по 1999 год. В нём представлены договоры с авторами книг, выпущенных за эти годы и издательством, авторские рукописи и другие материалы.

Архивы журналов «Посев» (1945–1999) и «Грани» (1946–1996) не разобраны на отдельные дела,

их объём и состав этих фондов пока не поддается точному определению. Собрание самиздата состоит из материалов, полученных по нелегальным каналам из СССР в 1950–1980-е годы и насчитывает несколько сот документов.

Собрание фотодокументов включает снимки и негативы 1920–1990-х годов. Сохранились, в частности, фотопластинки 1920-х. К сожалению, многие портретные фотографии 1920–1930-х годов не подписаны, и идентификация снимков представляет собой весьма трудную задачу. В собрание аудиоматериалов входят записи передач радиостанции «Свободная Россия» (1950–1970-е), записи, сделанные на различных конференциях, и др. Здесь же многочасовые записи рассказов перебежчика Н. Хохлова, засланного КГБ в 1954 в ФРГ с заданием убить одного из руководителей НТС Г. Околовича — и перешедшего на сторону НТС.

В состав музейной коллекции входят воздушные шары, применявшиеся для засылки на территорию СССР политической литературы, ротаторы и прочая множительная техника, которой НТС пользовался еще в лагерях Ди-Пи в 1940-х годах, личные вещи членов Союза, погибших от рук советских

спецслужб, и другие материалы, рассказывающие о деятельности НТС в 1930–1980-е годы. Эти материалы еще никогда не экспонировались.

Архив Закрытого сектора (1950–1980-е) в основном микрофильмован. В нем сосредоточены материалы о секретных операциях НТС. Среди них учебные материалы, которые использовались при подготовке членов Союза к работе на территории СССР, сведения об орлах-курьерах, при помощи которых осуществлялась связь между зарубежным НТС и оппозицией в Советском Союзе (начиная с 1960 года нашу страну посетило свыше 3 тыс. орлов).

В целом архив НТС представляет собой уникальный источник материалов по истории XX века, но прежде, чем эти документы смогут быть введены в научный оборот, архивные фонды требуют основательной обработки. По решению руководства НТС, часть документов (документы Закрытого сектора) в настоящее время все еще не могут быть открыты.

Обследование архива НТС проводилось в сентябре 2000 года по гранту Фонда Конрада Аденауэра.

Григорий Амнуэль

Как я снимал фильм «Редлих — люди с той стороны»

Не знаю, сколько было снято в СССР, да и в постсоветское время фильмов, порочащих НТС и «Посев», или, как это более правильно, — рассказывающих о них «советскую» правду, но вот фильмов правдивых я среди них не встречал. Именно поэтому беру на себя смелость рассказать в юбилейном номере дорогому читателю немного о съёмках фильма «Редлих — люди с той стороны».

Разумеется, с «Посевом» я был знаком ещё с 70-х годов, и часто встречающаяся фамилия Редлих в силу семейных корней не могла не привлекать моего особого внимания. Тем приятнее было неожиданно встретиться в 90-е годы во Франкфурте с Андреем Редлихом. Мы подружились и стали регулярно проводить вместе время, обсуждая те или иные проблемы и вопросы. Однажды Андрей пригласил к себе домой, где мне повезло познакомиться с Романом Николаевичем и Людмилой Глебовной. Выпив исконной хорватской сливовицы и выкурив душистую самокрутку, мы незаметно перешли на вопросы истории, и тут начался разговор, которого я не забуду никогда. Выйдя глубоко за полночь, я сказал Андрею: это надо снимать, давай сделаем из этого кино.

Нужно знать деликатность Андрея, который сразу сказал: «А стоит ли, неудобно, ведь есть и другие

люди, которые, может быть, могут рассказать судьбу XX века, НТС и «Посева» лучше». Может быть, и есть, но я слышал этот рассказ со всей полнотой переживаний и красотой русской, настоящей, речи, и мне, уже снявшему к тому времени полтора десятка фильмов, было понятно — я только что видел кино, и нужно сделать всё, чтобы его увидели другие. Попытался убедить Андрея. На следующий день переговоры с Людмилой Глебовной и договорились. Будет возможность и оказия, приезжайте, мы будем рады, попробуем...

Я понимал, Роман Николаевич и Людмила Глебовна люди преклонного возраста, так что на раскачку особого времени нет, нужно спешить. В Москве связался со своим другом, известным, много раз награждённым призами оператором Шандором Беркешши, и уговорил его, в перерыве между съёмками большого сериала, между прочим, «Детей Арбата», слетать на три дня во Франкфурт и снять кино. Уговорил тем, что мои герои это тоже дети «Арбата», только прожившие другую жизнь и шедшие другим путём неприятия советского тоталитарного строя и настоящей борьбы с советской оккупацией их любимой страны.

Прилетели во Франкфурт и прямо с колёс приехали к Редлихам снимать. Людмила Глебовна заохала, стала доставать бесценные альбомы с фотографиями, Роман Николаевич закурил и ушёл в другую комнату: «... я пока покурю, а вы работайте, а там посмотрим...» Разложили альбомы, «Посевы», другие издания, и начали снимать.

Пересказывать фильм не буду, кто мог — видел, а кому-то это ещё предстоит. Фильм живой и ничуть не постарел ни по актуальности рассказа, ни по злободневности. Цепляет за живое, да так, что после показов на фестивалях правозащитного фильма «Сталкер» и фестиваля фильмов Русского

зарубежья разворачивались такие жаркие дискуссии, что впору было доставать огнетушители.

Трудное это дело в России — смотреть и слушать честный, простой рассказ о трагической истории семьи русских патриотов и интеллигентов в XX веке. Трудно простым, созданным «советской» системой, людям понимать и принимать, понятие чести, Родины, патриотизма, которые сохраняли люди, не принявшие трагический Октябрь с его «победами». И тем важнее звучат с экрана слова Романа Николаевича, обращённые и к зрителю, и к себе: «Трудно остаться человеком в советском обществе, нужно научиться врать и себе, и другим». Именно это часто случается у авторов и героев «советского» кино, да и «постсоветского», типа «михалковского», тоже.

Увы, очень скоро после премьеры фильма в Германии Романа Николаевича не стало. Тяжело болен, но продолжает свой век Людмила Глебовна, живёт и несёт эту память большая семья Редлихов, и я рад, что теперь, благодаря фильму, эту бесценную память хранят и зрители фильма.

В последних кадрах, снятых у красивейшей русской церкви на высокой горе над Висбаденом, бродя между плит русского кладбища, где упокоены теперь и Роман Николаевич, и многие его друзья по борьбе и по делу, мы вместе с Шандором с волнением читали славные русские фамилии, и дворянские, и разночинские. Все НАСТОЯЩИЕ именно с большой буквы. Фамилии Русских патриотов, РОССИЯН. И сами собой зазвучали слова эмигрантской песни, которая заканчивает фильм: «Молись, кунак, в краю чужом, молись, кунак, за отчий дом...»

Для меня этот фильм стоит отдельно от всего моего творчества, и я благодарен и судьбе, и Богу, что мне выпала честь его снять и сделать. А те три дня съёмок и общения с семьёй Редлихов я не забуду никогда.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Модернизация сознания

ОТКЛИК СОВЕТА НТС НА ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА «РОССИЯ, ВПЕРЕД» И ЕГО ПОСЛАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИИ

В своих выступлениях осенью 2009 года Президент призывает к модернизации страны, прежде всего её экономики. Он вспоминает о насильственных модернизациях при Петре I и при большевиках, вызвавших огромные жертвы, упуская из виду решающую модернизацию 1880–1916 годов, начавшуюся вследствие Великих реформ Александра II и достигшую вершины при Думской монархии. Ключевые показатели образования и производства за это время поднялись в 10 раз, а достигнутый научный уровень сделал позднейшие советские атомные и космические успехи возможными.

Президент обращает внимание и на барьеры, мешающие модернизации сегодня. На первом месте «вековая коррупция». А вековая ли? В 1917 году Временное правительство очень хотело уличить правительство Николая II в коррупции и не нашло улик. «Вековая» коррупция была изжита, если не считать мелких полицейских взяток (позволявших, например, лицам иудейского вероисповедания жить вне черты оседлости). Происхождение нынешней коррупции иное — она продукт разложения советского аппарата при Брежневле. Полный цинизм в отношении государственных и правовых ценностей и стяжательство как реакция на прину-

дительный альтруизм были перенесены номенклатурой из СССР в новую Россию. Смены номенклатуры, «люстраций», увы, не произошло.

Другой барьер — по Медведеву — «патерналистические настроения», уверенность, что все вопросы должно за тебя решать государство. Между тем, до революции в России ни купечество, ни «кулачество» (вскоре уничтоженное как класс), ни интеллигенция, ни малочисленный пролетариат отсутствием инициативы не страдали. Правилу «Не высовывайся!» научили семь десятилетий жизни в тоталитарных условиях.

Обобщая, скажем, что свинцовой гирей, мешающей нам двигаться вперёд, служат многочисленные наслоения советского менталитета. От этого менталитета и надо избавляться, в самых разных областях. Нужна прежде всего «модернизация» сознания. Об этом не заботится власть, но этим она должна заниматься в первую очередь.

1. Понимание истории

а) Большую часть XX века одновременно существовало две России: Россия советская и Россия антисоветская. Первая захватила власть в 1917 году незаконным насилием и 70 лет подавляла вторую. Когда подавление прекратилось, советская Россия и рухнула. По логике вещей, нынешняя Россия есть наследница России антисоветской. Ее отношение к Церкви, к собственности, к деньгам, к внешней политике прямо противоположно советскому. Потому нашему антисоветскому прошлому и надо уделять должное внимание при изучении истории, а его героям — должный почёт. Постсоветская власть частично это признала. В.В. Путин отдал почести нескольким деятелям Белого движения. Но сопротивление большевизму не ограничивалось теми, кого перезахоронили на кладбище Донского монастыря. Продолжались восстания, церковное сопротивление, борьба крестьян против коллективизации, вылившаяся позже в так называемый «коллорабационизм». Который был движим отнюдь не симпатиями к гитлеризму, а стремлением сохранить людям жизнь и создать альтернативу советской власти. После войны — восстания в концлагерях, отказ советских солдат — ценою своей жизни — стрелять в восставших немцев в 1953 и венгров в 1956 годах, диссидентство, антисоветская деятельность внутрироссийских и зарубежных подпольных организаций. Это часть истории народа, которую надо всем знать. Множество свидетельств о ней запечатаны в ведомственных архивах, которые надо раскрыть. Никаких запретных тем в нашей истории быть не должно.

б) Коммунистическая диктатура Сталина и нацистская диктатура Гитлера — явления одного порядка. В своё время их даже звали «братьями коммунации». Один истреблял преимущественно свой народ, другой — чужие народы. Трагедия русского народа в 1941–1945 гг. в том, что, защищая свою страну, он защищал и диктатуру Сталина, а борясь против Сталина, он помогал врагу внешнему. Эту

трагедию нельзя маскировать медоточивой риторикой про Великую отечественную. Война была не только Отечественной. Она, особенно на первом этапе, была и войной гражданской (кто знает, что в Сталинграде на немецкой стороне без всякого Власова пало 50 000 советских граждан? Их трагедии где стоит памятник?) А на последнем этапе она была войной завоевательной, направленной на коммунизацию Европы. Страны Восточной Европы в 1945 году ощутили не освобождение, а смену одной диктатуры — 4-хлетней, на другую, 40-летнюю. Если мы это поймем, мы легче найдем общий язык с нашими западными соседями.

в) Последние годы сильна тенденция обелять диктатуру Сталина. И голодомор, мол, был не такой страшный, и террор преувеличен, и главное — СССР был таким же государством, как все: они с Гитлером договорились в Мюнхене, а мы с Риббентропом в Москве. Это как раз и есть фальсификация истории. СССР не был таким же государством, как все, он назывался «государством нового типа». Его руководящим ядром, по Конституции, была компартия, представлявшая собой секцию Коминтерна, ставившего себе цель мировой пролетарской диктатуры. И образование Советского Союза, по декабрьскому договору 1922 г., должно было стать «решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». К 1991 году эта цель отпала, и СССР распался; он никогда не был российским государством, хотя некоторым и хотелось его таким видеть. И в 1939 году война была Сталину нужна именно как средство приблизиться к цели мирового коммунизма. Следуя завету Ленина, надо было стравить капиталистические страны к войне между собой. И в реализации захватнических планов коммунизма Сталин и его наследники преуспели: через 40 лет после упразднения Коминтерна, к 1983 году, они объединили в «лагере мира и социализма» (государствах, признающих марксизм-ленинизм) 34% населения Земли.

г) Катынь, Куропаты, Винница, Бутово и сотни иных расстрельных мест, массовые депортации вызывают порой у комментаторов лукавый вопрос: что нам, стыдиться своего прошлого или оправдывать его? Не надо ни того, ни другого. Надо называть преступления преступлениями и определять преступников. Не надо путать народ и режим. В каждом народе, и в русском, и в украинском, и в польском, находились пособники преступлений, но в массе своей русский народ первым стал жертвой режима. Не «мы» виноваты в Катыни, а сталинская власть, которой мы — не преемники.

д) Понимание истории важно потому, что оно задает направление на будущее. Восхвалять достижения рухнувшей советской власти — это путь в никуда. До начала советской эпохи население России было **вдвое больше** населения США, а уровень жизни — примерно одна пятая. После конца этой эпохи население России — **половина** населения США, а уровень жизни — все та же одна пятая. Та-

ков итог коммунистического эксперимента над Россией. В отличие от Октябрьской революции 1917 года, которая обернулась небывалой катастрофой, Августовская революция 1991 года была рывком вперед, в будущее. Народ России, судьбу которого, по словам В. В. Путина, «исковеркал тоталитарный режим», использует обретенные возможности порой не очень умело. Но величайшее достижение народа в том, что мы сами, без войны и кровопролития, от тоталитарной власти избавились, что очень многие считали невозможным. Эту победу и надо прославлять прежде всего, и на ней строить будущее.

2. Исправление имён

Наряду с ориентацией во времени — в истории — важна и ориентация в пространстве. Если на улицах мы видим французские надписи, мы знаем, что мы во Франции, русские — в России, а если советские, то мы вроде в СССР, которого давно нет. Это дезориентирует. Никому в голову не придет сохранять уличные названия времён немецкой оккупации, а оставшиеся от советского времени мы храним под предлогом, что это часть нашей истории. Вопрос: какая часть? Кем отобрана? И что она заслоняет?

Всё советское время шла кампания географических переименований, направленная на то, чтобы возвеличить образы, символизирующие советскую власть, и обезличить страну, лишив её местного колорита. Причём фигуры, находящиеся на данный момент в фаворе, менялись, и их подборка к концу советского времени — довольно случайна. А затмили они собой исконный ландшафт названий, который в самом центре Москвы, отчасти в Петербурге, был в начале 1990-х годов восстановлен. Эту работу необходимо продолжить.

Первый приоритет — возвращение исконных имен всем городам, площадям улицам и прочим географическим объектам, которые были лишены своего имени в советское время.

Следующий этап касается мест, где исторических названий не было. Там нужна замена названий, возвеличивающих революционеров и террористов, разрушавших Российскую Империю, деятелей и явления тоталитарной власти и иностранных коммунистов, названиями в честь создателей российской культуры и государственности и деятелей антисоветского сопротивления.

В обновлённом идейном ландшафте неуместными станут и остатки советской монументальной пропаганды, в том числе множество памятников Ленину и само захоронение вождя на главной площади страны. Неспособность правительства решиться на этот шаг с 1994 года (когда удаление Ленина из мавзолея реально стояло на повестке дня) отражает тот идейный застой, в котором все эти годы находится страна. Опасение, что такой акт расколется страну, — беспочвенно. Он вызовет разве что недовольство каких-то носителей «старого мышления» в правящем слое, которые этим покажут, что им в этом слое не место. Небольшие рас-

ходы, связанные с отказом от советской символики, государство вполне может взять на себя: они с лихвой окупятся изменением сознания.

Людям надо ощутить, что они живут в другой стране, не в советской, и что она требует и иного поведения. Такого, к которому будут призывать имена людей, запечатленные в новых географических названиях и памятниках.

3. Укрепление демократии

а) Равновесие властей. Вертикаль власти нужна в исполнительном аппарате, но за его пределами должна существовать и горизонталь. Исполнительная власть не может подминать под себя и суды, и прокуратуру, и выборные органы, иначе все они теряют авторитет. Каковы бы ни были реальные результаты выборов 11 октября 2009 года, факт тот, что явка была очень низкой и явились преимущественно пенсионеры: «мы привыкли голосовать». Люди более молодого возраста смысла в таких выборах не видят. Необходимо обеспечить реальное разделение властей и защиту выборов от любых злоупотреблений.

б) Элементы беспартийной демократии. Существование политических партий неизбежно в условиях демократии, но в России затруднено тем, что в начале XX века яд партийности разъедал и общество, и государство, а стихийное формирование партий в 1990-е годы не удалось. Нынешние партии, по существу, искусственно созданные административные образования. Потому наряду с системой партий следует провести опыт беспартийных выборов по ступенчатой схеме, предложенной еще М. М. Сперанским. Избиратели голосуют непосредственно только за кандидатов в органы местного самоуправления. Те выбирают из своей среды депутатов в законодательные собрания субъектов Федерации, а те, в свою очередь, в Совет Федерации. Такая система имеет ряд преимуществ: на каждой ступени все избиратели имеют возможность лично знать своего кандидата; у членов Совета федерации будет за спиной опыт работы на всех низших ступенях законодательной пирамиды; кандидаты выдвигаются не по партийным ярлыкам, которых у них может и не быть, а по личным деловым качествам, известным их коллегам; наконец, расходы на предвыборную агитацию сводятся к минимуму. Возможно, что России предстоит сказать новое слово в политике и отстроить беспартийные формы демократии.

в) Воспитание элиты. Государству необходимо поощрять работу учебных заведений и молодежных организаций, воспитывающих, прежде всего, **этику служения, а не максимизации дохода**, понятия чести, солидарности и любви к тысячелетней России. Из этих школ и организаций должны выйти свободные мыслящие люди, которые со временем захотят изменить морально-психологический климат в нашем государственном аппарате и вокруг него. Их самосознание, их патриотизм будет российским.

Совет Народно-Трудового Союза российских солидаристов, Москва 14 ноября 2009.